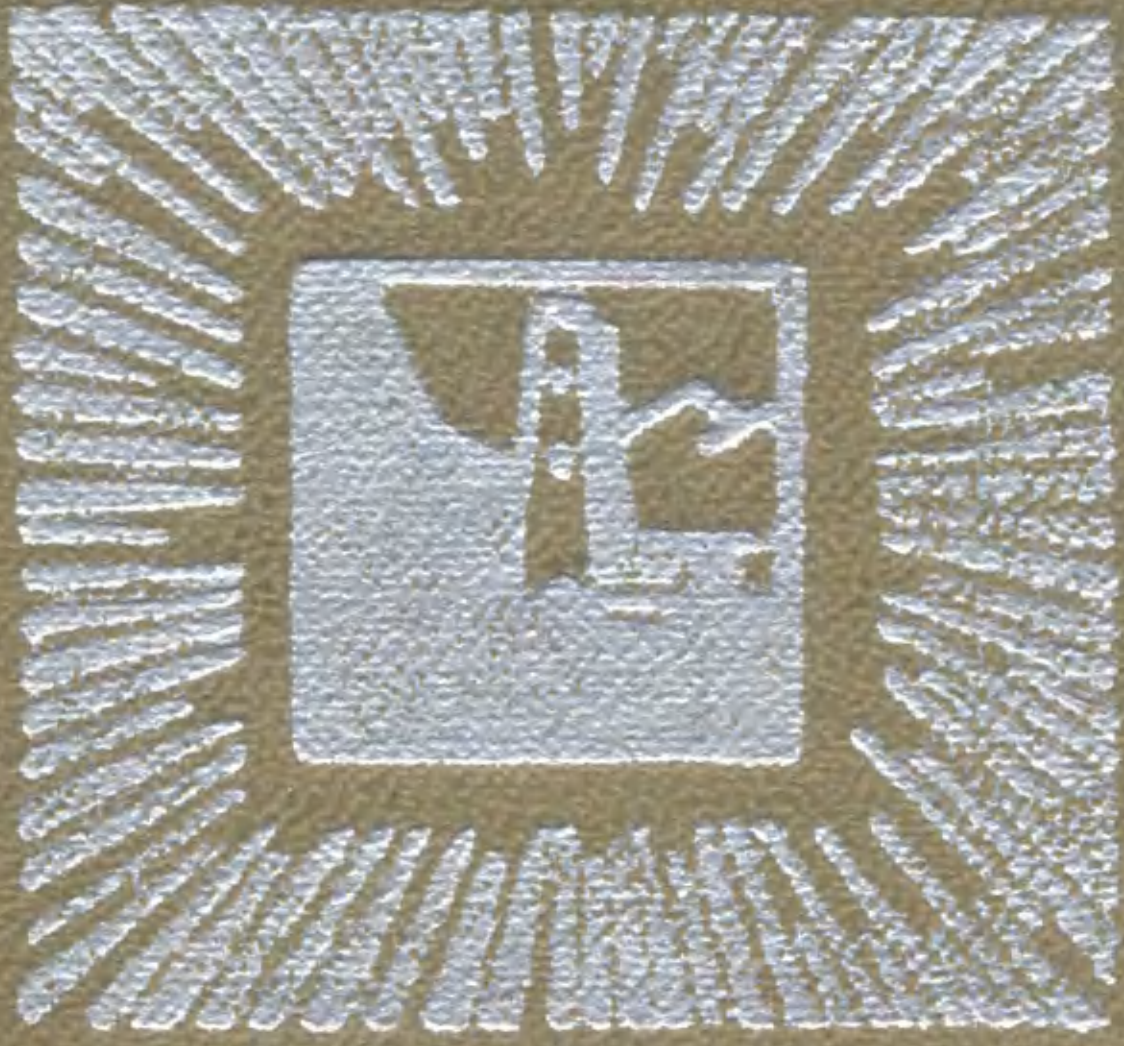

TECHNICAL
DRAWINGS

THE
DRAWING

Отсканировано
в мае 2014 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бæрзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд æрцыд
2014 азы майы мæйы
сæрмагондæй паблик «Бæрзæфцæг» -ы
чиныгдонæн.

<http://vk.com/barzafcag>

ЧИНЫГУАДЗÆН
„ИР“
ИЗДАТЕЛЬСТВО

МАЛИТИ ГЕУÆРГИ

ИРÆФ

УАДЗИМИСТÆ

ИРОН ÆМА УРУССАГ ÆВЗÆГТÆБÆЛ

Ч И Н Ы Г У А Д З Æ Н

„ИР“

ОРДЖОНИКИДЗЕ * 1973

МАЛИЕВ ГЕОРГИЙ

ИРАФ

СОЧИНЕНИЯ

НА ОСЕТИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
ПЕРЕВОДЫ ВАСИЛИЯ КАЗАНЦЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ИР“

ОРДЖОНИКИДЗЕ * 1973

С(Осет)
М 19

**Киунугæ мухурмæ бацæттæ кодта
Малити Васо Георгий фурт**

**Книгу подготовил к изданию
Малиев Василий Георгиевич**

М 19   **Малиев Г. Г.**
Ираф. Сочинения на осет. и рус. яз. Пер.
В. Казанцева. Орджоникидзе, «Ир», 1973.

295 \

М $\frac{743---36}{M131(03)-73}$ 44—73

С(Осет).

© Издательство «Ир», 1973 г.

О ГЕОРГИИ МАЛИЕВЕ

Было лето 1928 года. Я совершал свою первую поездку в Дигорское ущелье. Конечным пунктом моего путешествия было селение Дзинага. Здесь я впервые встретился с Георгием Малиевым. Он работал учителем в сельской школе. Среднего роста, плотного сложения, широкоплечий, очень смуглый. Я застал его беседующим с сельчанами на пихасе¹. На голове у него была простая серая пастушеская войлочная шляпа. Обут он был в простые осетинские чувяки. Ничем по одежде не выделялся из толпы. Но в этой скромной оболочке простого горца-пастуха скрывался вдохновенный поэт-романтик и великий мечтатель. Он звал молодежь к свету и подвигу. Он писал:

*Рохсмæ, фæсæвæд, тундзетæ,
Рохсмæ цæуетæ æнгом,
Нифс, лæгдзийнадæ уарзетæ,
Скæнтæ муггагмæ стур ном.*

*Арвæ мæсуг амайетæ,
Хормæ скæнетæ фæндаг,*

---

¹ Н и х а с — место, куда собирались мужчины решать какой-нибудь вопрос.

*Гъжйт, зърдиуагъй уайетæ,
Догъи ма уотæ фæстаг!*

*Тари цæфсæд сæребарæ,
Мегъи сорæд æ тунтæй.
Цард мабал уæд гъезæмарæ,
Зæнхæ райзол уæд рунтæй.*

*Рохсмæ, фæсæвæд, тундзетæ,
Рохсмæ цæуетæ æнгом,
Нифс, лæгдзийнадæ уарзетæ,
Скæнтæ муггагмæ стур ном.*

(«Ф е д о г»)

*Дружно к свободе идите,
Громко зовите ее.
Честь и отвагу любите.
Имя прославьте свое!*

*Путь никому не закрыт.
Пойте, чтоб легче шагалось.
Прочь отгоняйте усталость.
Жалобы — прочь. Пусть горит*

*В высях небесного свода
Верной защитой от бед
Солнце вселенной — свобода,
Жизнь нам дарующий свет.*

*Дружно к свободе идите,
Громко зовите ее.
Честь и отвагу любите.
Имя прославьте свое.*

(«Г л а ш а т и й»)

Он мечтал о том времени, когда народы побросают оружие
и будут жить, как братья.

*Тэходуй, жана,
Ацѣмѣзау, дин
Аз ку фестинѣ
Дессаг фѣндургин.
Хѣзбеги цѣонгмѣ
Исцѣй цѣуинѣ,
Дессагон заргѣ
Арцѣйцѣгѣдинѣ...*

*Уѣд йеугур дуйней
Арѣмбурд уидѣ,
Мѣ цѣгѣдтѣлтѣмѣ
Аригѣосидѣ.
Кѣми ци седзѣр,
Кѣми ци мѣгур,—
Бауарзионцѣ
Мѣ дессаг фѣндур....*

*И фарни тунѣ
Арфелауидѣ,—
Уарзондзийнадѣ
Арфедар уидѣ.
Уѣд алли адѣм,
Уѣд алли бѣстѣ
Аркалионцѣ
Сѣ тохѣн гѣрзтѣ...*

*Если б я могла
Литься в глубь сердца
Как прославленный*

*Ацамаз¹ — певец,
На Казбек возшла б,
Протрубила б всласть,
Песня вольная
Широко б неслась.*

*Вся земля тогда
И весь род людской
Вдруг услышали б
Сильный голос мой.
Звонкий голос мой
Стал бы слушать всяк:
И богатый князь,
И пастух-бедняк,*

*И вверху орел,
И внизу аул...
И для всех тогда б
Фарна² луч блеснул.
Лейся, дружбы песнь.
Песнь любви, звучи.
Все б откинули
Прочь свои мечи.*

Через поэзию Малнева проходит красной нитью вера в чудодейственную облагораживающую, преображающую силу музыки, песни. Перед взором поэта носился образ прославленного героя осетинского эпоса, дивного музыканта и певца Ацамаза, чья игра на свирели одушевляла и преображала всю природу, собирала зверей и людей в одно ликующее братство. Поэт мечтал о новом Ацамазе, песня которого ов-

---

¹ Ацамаз — герой нартского эпоса, легендарный певец.

² Фарн — мир, счастье, обилие, благоденствие.

ладеет душами людей и заставит их забыть вековую вражду и навсегда расстаться с оружием.

Но песня, по Малиеву, преображает не только окружающий мир. Она преображает самого певца. Ничем как будто не примечателен пастух Гудзуна. Бедный, неуклюжий, в лохмотьях, он слывет за самого никчемного человека, почти за дурачка. Девушки потешаются над ним. Старший пастух Бабат с насмешками отказывает ему в руке своей дочери.

Но вот Гудзуна, оставшись один со своим стадом, достает свирель.

*Æ уодæнбал — æ хæтæл
Хебæраги æ уæлдзогæ
Æривæруй æ цъухбæл.*

*Гъæйдæ-гъа, цæгъдун нийдайуй,—
Æд хæтæл æдули нæй.
Уой, десгæнгæ, ниффæнзунцæ
Хуæнхтæ, кæмттæ æмбурдæй...*

(«Г у д з у н а»)

*С ним свирель — его подруга.
Льнет к губам его она.*

*Он играет на свирели
Свету белому всему.
Лес и горы, и ущелье
Вторят весело ему.*

(«Г у д з у н а»)

Замечательные слова:

Æд хәтәл әдули нәй...

Когда Гудзуна играет на свирели, он уже не выглядит дурачком. Вдохновение облакает его в мудрость. Оно возносит его высоко над теми, для кого он служил посмешищем.

Но вдохновение сродни не только мудрости. Оно сродни также героизму. И мы видим, что в час тяжкого испытания, когда в Дигорию вторглись ее заклятые враги, именно он, презираемый всеми Гудзуна бесстрашно вступает в неравный бой с недругом и ценой собственной жизни спасает родину.

И еще одно чудо совершает музыка. Она рождает любовь. Именно игрой на свирели пленяет сын волопаса бедный Махамат («Гьонгәси фурт мәгур Мәхәмәт») гордую хапскую дочь Гиданну.

*Изәри усми æ даргъ хәтәләй
Мәгур Мәхәмәт ку ниццәгъдидә,
Уәд хани кизгә Гиданнә рәсугъд
Бәрзонд мәсугәй сах нийгъосидә.
Уарзт райгәл уидә уәд йе 'взонг зәрди,
Хори тунау йин барохс кәнидә
Æ рәсугъд әнгас, æ рәсугъд цәсгон.*

*Лишь погаснет день, бедный Махамат
Вновь берет свою длинную свирель.
Звонкую свирель жадно слушает
Хана дочь, Гиданна-красавица.
Юная любовь в сердце вспыхнула.
Будто солнца луч, осветила вдруг
Горделивый взор, ясное лицо.
Новый светлый день идет на смену дню.
Легкокрылые, быстро дни летят.*

Разъяренный хан отсекает Махамату его чернокудрую голову (æ саудзикко сәр) и насаживает ее на кол: пусть все видит, чем кончается любовь холопа к ханской дочери:

— Базонетæ нур, куд фæууарзунцæ
Гъонгæсти фурттæ хани кизгутти!

— Вот узнайте теперь, как влюбляются
Сыновья пастухов в ханских дочерей!

Но хан просчитался. Он не учел, что как ни велико его могущество, оно не властно над силой любви. Прекрасная Гиданна, не желая пережить своего возлюбленного, пронзает свое сердце булатными ножницами...

Говоря о роли музыки и музыкантов в романтической поэзии Малиева, не могу не сказать о музыкальности самих стихов поэта. Она — уникальна в дигорской поэзии. Именно Малиев, и только он, сумел раскрыть и показать во всей полноте, какие красоты ритма, напевности, свободного и плавного течения таит в себе дигорская речь.

Вот несколько паудачу взятых отрывков.

Ци кæнуй, цума, ме 'лхуйнæ,
Ку нæбал зелуй дзæбæх?
Мæ цæститæбæл гъазунцæ
Сау нимæт æма сау бæх.

(«Æ л х у й н æ»)

Что случилось? Не кружится,
Не поет веретено.

*Бурка черная мне снится,
Черный конь глядит в окно..*

(«В е р е т е н о»)

Или:

*Нжй Дзулей зэрдэ жнцойнэ,
Йе ж фэгэ нэ хуссуй,—
Ад жхсэвэ жд-ж-бонэ
И мжсугжй фжлгжсуй.*

(«Д з у л е»)

*Ветер воет одинокий.
Нет покоя на земле.
День и ночь на путь далекий
Из окна глядит Дзуле.*

(«Д з у л е»)

Или:

*Куд ниххаудтжй мард и донмэ,
Уой жстталутэ уидтонцэ...
Уой цжхталтэ кжрждземжн
Дзесэ-дзорэ фжккодтонцэ...*

(«Д з а н д з и р а х э»)

*Как упало тело в реку,
Только звезды лишь видали.*

Да катящиеся волны
Меж собой о том шептали...

(«Дзандзирик»)

Или:

Сах не 'ркалдзэньхей хебари
Кеджэр кизгэ цэсти суг,--
Дэ фэсмэрдэ номи кад.ен
Гъэу не сдасдзэньхей мэзуг.

(«Гудзуна»)

Девушка в уединенье
Слез не льет. И в честь твою
Ни в горах, ни у селенья
Башни нет в родном краю.

(«Гудзуна»)

Или:

И фюрни тунэ
Аерфелауидэ,--
Уирзондвийниидэ
Аерфедар уидэ.

(«Тэходуй, жна...»)

И для всех тогда б
Фарна луч блеснул.
Лейся, дружбы песнь.
Песнь любви, звучи.

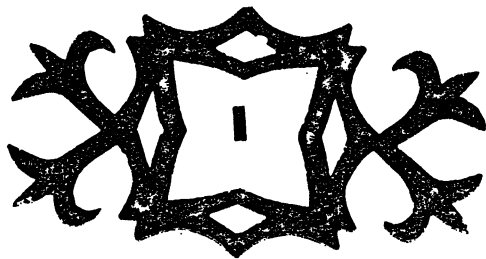
(«Если бы стала я...»)

Вслушайтесь в эти стихи. Раньше чем доходит до сознания их смысл, они уже покоряют своим чарующим ритмом и звучанием. Когда читаешь такие стихи, несомненно приходят на память слова Беллинского, сказанные им о стихе Пушкина: «Что это за стих! Он нежен, сладостен, мягок, как рокот волны, тягуч и густ, как смола, ярок, как молния, прозрачен и чист, как кристалл...»

До Малиева на дигорском языке писал выдающийся поэт Блашка Гурджибеков. Богатство его языка изумительно. Но музыку дигорского стиха он еще не постиг. Немало стихов на дигорском языке написано и после Малиева. Многие из них отмечены несомненным талантом. Но и в них уже не слышится рокот волны. Нет в них и прозрачности кристалла. Видимо эту тайну, тайну певучего дигорского стиха, Малиев унес с собой, в свою безвременную могилу...

23 марта 1973

Профессор В. Абаев

*   З А Р

Мæ синхон кизгæн æ зæрдæ
Ку зонинæ ку, бæлвурд,—
Уæд зæгъинæ ин цидæртæ,
Уæд зæгъинæ ин өу дзурд...

Фæццæундæ минæвари
Гъур-гъургæнгæ нæ тикис,—
Æрхæссидæ мин лæвари
Æрхи агæ æд рæхис.

Десæ-месæ уæд сор-серæ
Исфицинæ аги дзаг,—
Бахуæринæ уотæ берæ
'Ма фæууннæ кæуйнаг...

1909

Киристонгъæу

* ПЕСНЯ

Что на сердце у соседки?
Если мне бы твердо знать,
Я тогда своей соседке
Уж нашел бы что сказать.

В дом к соседке кот мой старый
Вместо свата бы пошел.
И оттуда бы в подарок
Медный мне принес котел.

Я к огню тогда подсел бы.
Наварить бы уж сумел
Я сор-сера.¹ И поел бы
Столько, сколько бы хотел.

1909

с. Христиановское

---

¹ Сор-сера — национальное блюдо из кукурузной муки и сливочного масла.

* Г У Р У С Х Æ

Нæ, нæма 'ууæндун нерæнгæ,
Нæй, мæ зæрдæ нæй æнгъæл,
Æвеппайди гиризгæнгæ
Ду сиййевдзи уай мæнбæл.
Æримисæ устур десæн,
Хебæраги, цид, æнцад
Ци дзурдтонцæ кæрæдземæн
Нæ цæститæ хаттæй-хатт..
Фал æ зæрдæ уотæ 'нцонæй
Кæд сиййевуй силæстæг,
Уо, ме 'нгарæ, æдемонæй
Уарзт ма хонæ уæд сугъдæг.
Уалæ стъалутæ зæгъунцæ,
Уарзт мед адæм мæнгæ ке 'й,—
Фудæнæнги ке гæлдзунцæ
Дууæ зæрди кæрæдзей..

1914

*** СОМНЕНИЕ**

Нет, поверить я не в силах,
Что ко мне пришла беда,
Что меня ты разлюбила,
Отвернулась навсегда.
Вспомни, вспомни, как бывало
Ты, со мной наедине
Сидя, песни напевала
И в глаза глядела мне.
Если сердце так жестоко
И, не ведая стыда,
Ранит друга так глубоко,
Что же есть любовь тогда?
Я гляжу в иочи на звезды,
В золотящийся туман.
Много видевшие звезды
Говорят: «Любовь — обман».

1914

*** Ц Ы И Ф Ё
Р Ё С Т Ё Г И**

**Цыфæ бони æппун неци
Æз махемæ æркæсун,
'Ма нæ фендеун ма деси
Уалæ арвмæ искæсун.**

**Мæ кæрдзин æма ма цæихæ
Æз феуелун уæд зиндæр,—
Фæккæсуй мæмæ нæ зæнхæ
Мисти къахæй ниллæгдæр.**

**Нæлтæ, силтæ, уо мæгуртæ,
Над нæмунцæ золкъитау...
Иехх, ку уайдæ ма базуртæ,—
Фæттæхинæ цæргæсау.**

1915

*** В НЕНАСТЬЕ**

**Дождик шумом мерным, тошным
Черную наводит грусть
На меня. Таким ничтожным
В этот миг себе кажусь.**

**Мой чурек черствей и горше,
Соль — сиротская слеза.
И у мыши лапка больше,
Чем, мне кажется, земля.**

**В муках жалкого бессилья
Гибнут люди. Если б крылья!
Взмыл бы в небо, как орел,
Счастье в небесах обрел.**

1915

*** ГОБИ**

Цæмæн фæдтæн æз фур гоби,—
Ко дæ цирти, уо, мæ мадæ!
Цæмæн дæн, цума, мæ доги
Æз ме 'нгарты 'хсæн æгадæ?..
Мæ кавди радæ мед гъыздæ
Цæмæн байзайуй нронхи,
Нæ зингæ лæгтæн — гъæйт-мардзæ —
Цæмæн нæ цæун сæ тонхи?..
Цæмæн фаунцæ æноси
Мæн гобий номæй фæсевæд?
Кай ме 'рвадæ мæ фалдзоси,
Кæмæн гъарон мæ тæрегъæд!..
Ку нæййес мæнæн фæндæндтæ,
Хæрсæнау косун хæдзари,
Мæ зин сагъæстæ, мæ сæнттæ
Некæд ракæнун мæ зари..

1916

*** Н Е М О Й**

Горько, горько мне на свете.
Мама, плачь в своей могиле.
Не порвать мне горя сети —
Руки-ноги мне обвили.
Тесно в мире мне, как в келье.
Грусть-тоска мне сердце точит.
Выйду я на круг веселья —
Замечать никто не хочет.
Все глумятся надо мною.
Душат горло мне рыдания.
С кем я сердце успокою?
Схороню свои страдания?
Видно, счастья в поднебесной
Никогда мне не сыскать.
Думы горестные в песне
Никогда не рассказать.

1916

***   Ф Е Д О Г**

**Рохсмæ, фæсевæд, тундзетæ,
Рохсмæ цæуетæ æнгом,
Нифс, лæгдзийнадæ уарзетæ,
Скæнтæ муггагмæ стур ном.
Арвмæ мæсуг амайетæ,
Хормæ скæнетæ фæндаг,
Гъæйтт, зæрдиуагæй уайетæ,
Догъи ма уотæ фæстаг!
Тари цæфсæд сæребарæ,
Мегъи сорæд æ тунтæй,
Цард мабал уæд гъезæмарæ,
Зæнхæ райзол уæд рунтæй.
Рохсмæ, фæсевæд, тундзетæ,
Рохсмæ цæуетæ æнгом,
Нифс, лæгдзийнадæ уарзетæ,
Скæнтæ муггагмæ стур ном.**

1919

*** ГЛАШАТАЙ**

**Дружно к свободе идите,
Громко зовите ее.
Честь и отвагу любите.
Имя прославьте свое!
Путь никому не закрыт.
Пойте, чтоб легче шагалось.
Прочь отгоняйте усталость.
Жалобы — прочь. Пусть горит
В высях небесного свода
Верной защитой от бед
Солнце вселенной — свобода,
Жизнь нам дарующий свет.
Дружно к свободе идите,
Громко зовите ее.
Честь и отвагу любите.
Имя прославьте свое.**

1919

*   Ё Л Х У Й Н Ё

Ци кәнуи, цума, ме 'лхуйнә,
Ку пәбал зелуй дзәбәх?
Мә цәститәбәл уайунцә
Сау нимәт әма сау бәх.

Нә уәлиндзәбәл әзинә
Ёз сундакә әлвистон,
Мәхенимәр нидән заргә
Ёз цидәртә имистон.

Нә дәлпазбунн еу бәхгин
Фәццәйзинидтәй уәд әваст.
Мә фидбилизән ә хәццә
Цәмән фәдтәп әз әнгаст?

Ё мед-ходә әрттивтонцә:
Дууә цәсти сурх зингау.
Мә зәрдә мин басугътонцә,
Ду ме 'вдесән уо, хуцау!

Базир-зир кодта мә зәрдә,
Разилдәй мәбәл мә сәр,
Ёрискъудәй мә сундакә,
Ёрбадудәгътә 'й куddәр.

Нури уәнгә дәр мә кеми
Ёз нәма 'рдән дзәбәх ма,
Цәведтонгә ма мә зәрди
Сагъд байзадәй сау хәәма.

*** ВЕРЕТЕНО**

Что случилось? Не кружится,
Не пост веретено.
Бурка черная мне снится,
Черный конь глядит в окно.

На высокой, плоской крыше,
В час, когда закат горит,
Пряла я вчера. Вдруг слышу —
По дороге стук копыт.

И зачем со жгучим взглядом
Взгляд мой встретился на миг?
Смертоносным, острым ядом
Взгляд тот в грудь мою проник.

Над собою потеряла
Я в одно мгновение власть.
Жарко грудь затрепетала.
Нитка пряжи порвалась.

Не приду никак в себя я.
Кто-то больно сердце сжал.
Будто в нем, меня терзал,
Стынет всажённый кинжал.

Ци кенуй, цума, ме 'лхуйна,
Ку набад зелуй дзэбæх?
Маæ цæститабæл гъазунцæ
Сау нимæт æма сау бæх.

1921

Не играет, не кружится,
Не поет веретено.
Бурка черная мне снится.
Черный конь глядит в окно.

1921

М

*** КИЗГИ ЗАР**

Ци мин фæцæнцæ
Мæ кизгон бæнттæ,
Уох, байвадæнцæ
Мæ деденгутæ.

Неке гъæунцæ
Мæ сау æрфгутæ,
Неке гъæунцæ
Мæ цæстисугтæ.

Æстуггин æфсоргъ,
Тæходуй, нана,
Хуцауи дзурдæй
Нур ку фæстинæ.

Уæд багоринæ
Æз фæсденгизтæ
Мæ сугъæринæ,
Мæ кизгон æнзтæ.

Ци мин фæцайтæ,
Уо, ме 'взонг бæнттæ?
Уох, байвадæнцæ
Мæ деденгутæ...

1922

*** ПЕСНЯ ДЕВУШКИ**

За какой горой
Схоронился ты,
День весенний мой —
Красные цветы?

Для кого мои
Брови черные?
Для кого мои
Слезы горькие?

Черный день настал.
Мой удел жесток.
Если б крылья дал
Мне всеильный бог —

Все леса, поля
И морскую гладь
Облетела б я,
Чтоб найти-сыскать,

За какой горой,
У какой черты
День счастливый мой,
Красные цветы.

1922

***   КАСАЛГДЗАУНИЗГÆ**

(Г ө й н ө й æ й)

Цæй, рæсугъд кизгæ, æрбайсæ
Ду билгонмæ дæ цолахъ
'Ма æзменсæбæл мæ цори
Æринцайæ æнæ хыхъ.

Бараггенæй, цæй, мæ реумæ
Æркъолæ кæнæ дæ сæр,—
Дæ цолахъен ду уæлденгиз
Ку нæ тæрсис æппундæр.

Мæн зæрди дæр ес бурдæнтæ,
Мæн зæрдæ дæр денгиз æй,—
Денгизау йе дæр, æууæндæ,
Налхъут-налтæй гъæздуг æй.

1922

■

* ДЕВУШКА-РЫБАЧКА
(Из Гейне)

Ходят волны в белых бликах.
Сеть свою среди камней
Ты, рыбачка, расстели-ка.
А сама присядь ко мне.

Беззаботно и бездумно
Головой склонись на грудь.
Сеть твоя не в море шумном —
За нее спокойна будь.

Это сердце — тоже море.
Там, в безмерной глубине,
Сквозь безмолвие немое
Жемчуг светится на дне.

1922

*** М А Е Т И К И С**

Гъауагә,
Кәуагә,—
Ма хәццә мед кьона цæруй.
Не стонги,
Не 'рвонги
Æ дортә, æ кьолтә хуæруй.
Не 'фсесәй
Фур десәй,
Фур цинәй аргъæуттә кæнуй.
Не 'хсæвти,
Не сæвди
Фуд фунтә, зин фунтә уинуй.

1923

*** МОЙ КОТ**

Голодный,
Сердитый —
Царапает ножки стола.
Лоснящийся,
Сытый —
Беспечно глядит из угла.

Пригретый
Лучами,
Заводит он песнь старины.
Глухими
Ночами
Он смотрит кошмарные сны.

1923

Адтæй рæсугъд догæ
Мæнæн мæ уалдзæг, —
Хизтон аз мæ дзогæ
Уæл-фахс нгъæлдзæг.

Дзингата зидæнцæ
Мæ сæргъи ад гъæр,
Худтонцæ сæ хæццæ
Гъазунмæ мæн дæр.

Фиудзилитæ павзи
Зардтонцæ дзæбæх,
Зæлдæбæл мæ рази
Хизтæй, цид, мæ бæх.

Нур мæбæл ци 'риудæй, —
Уæууау, мæ фудгол —
Фунау ку фæссурдæй
Рохс уалдзæг изол.

Фиудзилитæн павзи
Не гъосун сæ гъæр,
Дзингата сæ таси
Фæцæнцæ цидæр.

Нæ кæти, æ гъостæ
Æруадзгæ лæмæгъ,
Кæуй æнæ бостæ
Йе 'стонгбæл мæ бæх.

* * *

**Струилась прохлада,
Все пело кругом.
Я пас свое стадо
На склоне крутом.**

**Над солнечным склоном
Зеленой горы
С настойчивым звоном
Вились комары.**

**И конь мой усталый
Бродил по траве,
Как облако малое
По сиңеве.**

**Но что же такое
Случилось со мной?
Расстался давно я
С той дальней весной.**

**Безмолвны долины,
И травы, и лес.
И рой комариный
Куда-то исчез.**

**И конь мой голодный
В забытом хлеву
Высокую, гордую
Клонит главу.**

* ДЗИДДЗИЛ

I

Рацæйцудæй нихæсмæ
Федоги фурт Дзиддзил,
Цæрмин ходæ фур фæрсмæ,
Æ кæрцæ фур дивил.

— Фæцæй уе 'хсæн мæ фндæ
Дæс анзи федеуæг,
Дзиллæн лæгъуз нæ уидæ,
Федауцæ мæгур лæг...

Уæ хæццæ нур нихæси
Дзубанди нæ бæтгуй,
Сæйгæй лæууй нæ къæси,
Нæтуй, мæгур, нæтуй.

Уой куст есун мæхемæ,
Не 'содзæнæн нихъог,
Райсетæ мæ уæхемæ,
Ниссагътæ мæ федог!..

— Куста дзæбæх дæ фидæ,—
Зæгъуй ин уæд æмбурд,—
Ду ма нерæн минги дæ,
Не 'содзæнæй дæ дзурд!

Дзиддзил, мæгур, нинкъардæй,
Нийвадæй гетенау,
Дор ин цума ниввардæй
Æ зæрди фур уæззау...

*** ДЗИДДЗИЛ**

I

Надел бешмет свой рваный,
Папаху — набекрень,
И на нихас, как равный,
Пришел Дзиддзил в тот день.

— Глашатаем немало
Отец мой пробыл лет.
Но вот не слышно стало
Его речей, бесед.

Слова его иссякли.
Не бросит клича он.
Больной, лежит он в сакле.
Ни слова — только стон.

Служил добру и правде
До нынешнего дня
Отец. Теперь поставьте
Глашатаем — меня!

В ответ ему собрание:
— Отец твой понимал,
Ценил свое призванье.
Но ты-то — слишком мал.

Пропала вмиг отвага
У парня. Загрустил,
Ссутулился бедняга,
Обиженный Дзиддзил.

Цъæхгон зиннуй æрдозæ,
 Цæстæн рæвдуд дæдтуй...
 Борæмæлгъæ мед къозæ
 Алли 'взагæй цæгъдуй...

Федзулдæнцæ хонсаргæ,
 Фстннгдæр æй и бон,
 Мед къеозмæрæй гъе уартæ
 Ферттевуй дзæкъолон...

Иес ма метæй гæппæлтæ,
 Уадусмæ сæ æхснуй.
 Хумзæнхитæй хускъæлтæ
 Мæгур цъигъин хæссуй.

Цæттæ кæнуй хумæмæ
 Алке дæр æ дзубур.
 Дзидздзил кæсуй зæнхæмæ
 Фæсвæди зæрдмæгур...

Зæрди бунн зин хъурмæ
 Мæти хæццæ тухсуй,
 Иес ин, бæргæ, еу хумæ,
 Низгелун æй гъæуй...

Ка ратдзæнæй æ галтæ,
 Ка ратдзæнæй дзубур?
 Ходунцæ йбæл и хъалтæ:
 — Мæгур æма мæгур!

1916

II

Гремят, грохочут чащи
На тысячи ладов.
И зеленую блестящей
Покрылась гладь лугов.

Восходят струи к небу.
И ветер все теплей.
Несет мальчишка репу
Со вспаханных полей.

Синест свод высокий.
День набирает сил.
Готовят всюду сохи.
Стоит, молчит Дзиддзил.

Стоит он тихий, грустный.
Пред ним земли клочок.
Как будто камень грузный
Ему на сердце лег.

На ясный день уныло
Глядит он — как во тьму.
Кто даст соху Дзиддзилу?
Кто даст быков ему?

1916

*** ДЗУЛЕ**

(А д æ ми з а р т æ й)

Нæй Дзулей зæрдæ æнцойнæ,
Йе æ фагæ нæ хуссуй,—
Æд æхсæвæ, æд-æ-бонæ
И мæсугæй фæлгæсуй.

Цæбæл æй цума æ хъурмæ,
Ци æрцудæй, ци кæнуй?
Æ бæгъатæр лæг мæсугмæ
Æртæ бони нæ зиннуй.

Уæй Дзуле, Дзуле, ниттонæ
Дæ дзиккотæ æмхицæй,—
Дæ бæгъатæр лæг, де 'нцойнæ,
Издин фатæй мард фæцæй.

Нур цъæх нæуæбæл уæлгоммæ
Йе мед-арæхъ ку лæууй,
Фид мондагæй йæ комкоммæ
Хой æ сæргъи ку зелуй.

1923

М

*** ДЗУЛЁ**

(Из народных песен)

**Ветер воеет одинокий.
Нет покоя на земле.
День и ночь на путь далекий
Из окна глядит Дзуле.**

**Ветер ей беду пророчит.
Свищет, долог и уныл.
Муж ее три дня, три ночи
В башню к ней не восходил.**

**О Дзуле, отныне в башню
Не взойдет ни разу он.
Твой любимый, твой отважный
Меткой пулею сражен.**

**В глубине далеких гор он
На траве один лежит.
Ненасытный черный ворон
В небесах над ним кружит.**

1923

Б

Цъах зэлдæбæл сау бæхгинтæ,
Еугурæй дæр арцæгинтæ —
Уох, æна, ци кæнон...
Фæххæссунцæ мæн фæрбунай,
Ци унгæг дæн, ци, ме 'рхунай,—
Уох, æна, ци кæнон...
Нанамæ мин ка бауайа,
Бабай цирт мин ка бахуайа? —
Уох, æна, ци кæнон...
И цъалай буннæ ме 'рвадæ,—
Мæ боннæ радæ, мæ радæ,
Уох, æна, ци кæнон...
Мæ киндзхонтæ нæ къæсæрмаæ
Ку нæ зиннунцæ мæ гъæрмаæ,—
Уох, æна, ци кæнон...
Мæ фæрдгутæ нæ сиребæл
Ку фæууагътон æнæдзæбæл,—
Уох, æна, ци кæнон...
Мæ болат кæрдæн цетени,
Мæ болат æрций гетени,—
Уох, æна, ци кæнон...
Уоннæ хæццæ мæ судзинæ,
Нæ уæлкъурту мæ уфтинæ,—
Уох, æна, ци кæнон...
Нур ме 'ной, ме 'ной æнгартæ
Куд кæндзæнæнцæ мæ зартæ,—
Уох, æна, ци кæнон...
Мæ нийерæги дзæгъæлти
Ку ниууагътон æнæнгъæлти,—

* ПЛАЧ ПОХИЩЕННОЙ

Кони скачут вороные.

Копья — острые, стальные.

Ох, Ана, что мне делать...

Ветер бьет в лицо с размаха,

Замираю вся от страха.

Ох, Ана, что мне делать...

Кто расскажет маме милой,

Постучит отцу в могилу?

Ох, Ана, что мне делать...

Брат лежит в траве убитый,

Кровь моя, моя защита.

Ох, Ана, что мне делать...

Где вы, сваты? На пороге

Не встают на крик тревоги.

Ох, Ана, что мне делать...

Рядом кони скачут, скалясь...

Бусы на крыльце остались.

Ох, Ана, что мне делать...

Чувяки лежат без дела.

Их дошить я не успела.

Ох, Ана, что мне делать...

Как там без меня подруги

Будут коротать досуги?

Ох, Ана, что мне делать...

Дом оставила свой милый,

Мать свою осиротила.

Ох, Ана, что мне делать...

Уох, апа, чи кэнон...
Чи кэндэснэп, чи, ме 'мк'арди,
Ма ниййератгай идарди,—
Уох, апа, чи кэнон...
Цъах зэлдэбэл сау бэхгинтэ,
Еугурай дэр арцэгинтэ,—
Уох, апа, чи кэнон...

1924

Г у л æ р

■

От печали цепсею.

Что мне, что мне делать с нею?

Ох, Ана, что мне делать...

Кони скачут вороные.

Копья—острые, стальные.

Ох, Ана, что мне делать...

1924

Г у л а р

* БУНДОРИ КАТАЙ

Æмбес æхсæви мæйрохсмæ
Ку æрхуссуй гъæу æнцад,
Бакæнуй, цид, æрхунбадæ
Нæ зæронд бундор уæлнад...

Гъæйда-гъа, кæун нийдайуй,
Нæ уорамуй цæстисуг:
— Рацæйæвгъудæй мæ догæ,
Ницæйикалдæй мæ мæсуг.

Нур сиййивтонцæ дзамантæ,
Æристадæй æндæр цард,
Нур феронх æнца бундортæ,
Фæтгæргай æнца идард...

Исфæлхаттæй нур дзилагæ,
Неке хонуй мæн хуцау,
Нурмиккон мæмæ зæнхонтæй
Неке бал æй æнгъæлдзау...

Нецибал дæн æз мед адæм,
Нецибал æй мæ амонд,
Нæбал ерун фæткн адæ,
Кувд, миносæ 'ма нивонд...

Ка нæ зонуй мæн гузавæ,—
Ку лæдæридæ мæнау...
Тæходуй æма и зæнхæ
Ку ниттонидæ фæлтау!

* ПЕЧАЛЬ ДОМОВОГО

Над аулом месяц всходит.
Утихает шум дневной.
Песню горькую заводит
У дороги домовой:

— Жизнь моя, ты — день вчерашний.
Тяжело мне, тяжело.
Обвалились камни башни.
Все уходит. Все ушло.

Времена пришли другие.
Стал другим весь белый свет.
Позабыты домовые.
На земле им места нет.

Стала жизнь совсем иною.
Да-а... Не то теперь, не то...
Кто считается со мною —
С домовым? Никто, никто...

Сколько жертвоприношений
Мне, бывало... А сейчас?
Ни пиров, ни угощений.
Горький, невеселый час.

Вот сижу один под елью.
И никто моим словам
Не внимает. Чтоб сквозь землю,
Люди, провалиться вам!

Нæ заронд бундор мæйрохсмæ,
Ку архуссуй гъæу æнцæд,
Гъе уотæ кæуы æноси
Далæ комм и уæллад.

1927

Серебрит дорогу дальнюю
Месяц. Мирно спит аул.
Домовой свою печальную
Снова песню затянул.

1927

* ДЗИРАСГÆ

Сур-сур кæнуй Дзирасгæ
Зæнхи бунæй рæсог.
Гъæйдæ, бæлццон, ниуазгæ,
Фетинг кæнæ дæ тог!..
Æгас дуне нисгарæ,—
Амæн æмбал нæййес.
Ниуазæ, цæй, ме 'нгарæ,
Фесафдзæнæй дæ нез...
Цæргæс тæхуй уæлтегъæ,
Нискъотт кæнуй фиййау.
Кирбадт кæнуй уорс мегъæ
Уæлхуæнхтæ бæмпæгау...
Фæйнердигæй цъететæ
Зиннунцæ цæндæвард,
Уæл цъонгитæй æскъетæ
Кæсунцæ фур æнкъард...
Цума кæнуй мед къозæ
Хори хæццæ æннуст,
Уоййау зиннуй æрдозæ,
Дидингутæй фæлуст.
Дæнтти гъæрæй зумæргъæн
Не гъосун сæ удзæл.
Мæ сæнттæ ку нæ фæдтæн,
Нæ дæн уæддæр мæтъæл...
Сур-сур кæнуй Дзирасгæ
Зæнхи бунæй рæсог.
Гъæйдæ, бæлццон, ниуазгæ,
Фетинг кæнæ дæ тог!

1927

*** ДЗИРАСГА**

Бежит, журчит Дзирасга.
Певучие лады.
Стеснительная пляска
Застенчивой воды.
Звенит волна. И скалы
Кропит пылью своей.
Измученный, усталый,
Склонись, воды испей.
Вершины цепью мерной,
Как облака, летят.
С вершин высоких серны
Печально вниз глядят.
Как солнце средь тумана,
В темнеющем лесу
Зеленая поляна
Виднеется внизу.
Летит по небу птица...
Мечта давнишних лет
Не пожелала сбыться.
Но грусти в сердце нет.
Бежит, журчит Дзирасга —
Колеблющийся свет.
Застенчивая ласка.
Стеснительный привет.

1927

Тæходуй, æна,
Маргъ ку фестинæ,
Мæ унгæг къумæй
Фæццæйтæхинæ.
А дуйнетæбæл
Æрцæйзелинæ,
Кæми ци дессаг,—
Уой басгаринæ...

Тæходуй, æна,
Ацæмæзау дин
Æз ку фестинæ
Дессаг фæндургин:
Хъазбеги цъонгмæ
Исцæйцæуинæ,
Дессагон зартæ
Æрцæйцæгъдинæ...

Уæд еугур дуйне
Æримбурд уидæ,
Мæ цæгъдтæлтæмæ
Æригъосидæ.
Кæми ци седзæр,
Кæми ци мæгур,—
Бауарзионцæ
Мæ дессаг фæндур...

И фарии тунæ
Æрфелауидæ,—

Если бы стала я
Птицей легкою,
Я умчалась бы
В даль далекую.
Все края земли
Облетела бы.
Весь широкий мир
Оглядела бы.

Если б я могла
Литься в глубь сердец,
Как прославленный
Ацамаз-певец,
На Казбек взошла б,
Протрубила б всласть,
Песня вольная
Широко б неслась.

Вся земля тогда
И весь род людской
Вдруг услышали б
Сильный голос мой.
Звонкий голос мой
Стал бы слушать всяк:
И богатый князь,
И пастух-бедняк.

Уарзондзийнада
Æрфедар уида.
Уæд алли адæм,
Уæд алли бæстæ
Æркалционца
Сæ тохæн гæрзтæ.

Фал ку не 'ууæндун
Æз, мæгур кизгай,
Ку нæ рохс кæнуй
Мæ кизгон зæрдæ.
И дуйней сæргъи
И тугъдон мегътæ
Æрцæйдарунца
Сæ тогин тегътæ.

1934

Мостиздах

И вверху орел,
И внизу аул...
И для всех тогда б
Фарна луч блеснул.
Лейся, дружбы песнь.
Песнь любви, звучи.
Все б откинули
Прочь свои мечи.

Как не вычерпать
Всей воды морей,
Так не сбыться ввек
И мечте моей.
Грозный звон мечей
Слышен там и тут
Тучи черные
Над землей плывут.

1934

М о с т и з д а х

*** ГЪОНГÆСИ ФУРТ
МÆГУР МÆХÆМÆТ**

I

Цæй, байгъосетæ мæ кадæнгæмæ,
Мæ кадæнгæмæ, нæ рæсугъд ахил!
Фидтæлти доги нæ бæрзонд хуæнхти
Ку исцæй кодта æнæуаг æстонг.
Нæ цъæх хонсæрттæ, нæ цъæх будуртæ
И хори тъæпмæ ку ниссугъдæнцæ.
Æнæ хуаллагæй нæ фонси мортæ
Уæд райдæдтонцæ цæгъдуннæ кæнун.
Нæ раз-рæбунти, нæ къозæ гъæдти
Ку нæбал цудæй мæлхъи зарунгъæр.

II

Ку рацæйцудæй уæд даргъ гъæунгти
И гъонгæси фурт мæгур Мæхæмæт,
Ку рацæйцудæй къолæ бæрзæйтæй,
Æ пихцил ходи бæгънæг арæзтæй.
Æ рахез къохи æ фиййау-лæдзæг,
Æ галеу фарсæй æ сау кæрдбадзæ,
Æ еу суйнæбæл æ медгæрз-ронæ,
Æ дуккаг зæрдæ — æ зарæн хæтæл.

*** СЫН ПАСТУХА
БЕДНЫЙ МАХАМАТ**

I

Вы послушайте, люди добрые,
Слово горькое, мой старинный сказ.
В годы давние на родной наш край
Набрела беда — страшный мор и глад.
Все поля, луга, травы сочные —
Все безжалостный выжег солнца луч.
Все повысушил, все огнем спалил.
Скот от голода погибал в горах.
Помертвели все чащи рощ, лесов —
Пенья птичьего в них не слышалось.

II

Проходил тогда длинной улицей
Сын пастушеский бедный Махамат.
На плечах его рвань, тряпье висит.
Голова его вниз опущена.
Посох свой он держит в правой руке.
Пожни черные — на левом боку.
На бедре его — кожаный ремень,
Верная свирель, друг испытанный.

III

Ку æрхæццæ уй устур нихæсмæ,
Устур нихæси и зæронд адæм
Сæ геугæ бадти ку егаунцæ,
Ку егаунцæ магур фæлгæлæс.
— Хуарз байрайетæ, уæ, фæрнгун адæм! —
Издоруй сæмæ магур Мæхæмæт.
— Æгас æрцæуай, уæ, лæппо-лæгай!
Кæцæй цæуæг дæ, ци хабар зæгъай?
— Ци хабар зæгъон? Мæ зæронд фиди
А магур доги цæмæй фæддарон,
Гъеуой амалæн нæ магур гъæуай
Æз фесхъæтæг дæн куст агорунмæ.
Ку зæгъуицæ ин и зæронд адæм:
— Ауæхæн заман, ауæхæн доги
Неке бон бал æй ихуæрст бакæнун.
Фал цæугæ, нæ хор, и хани гъæумæ,
Кæдимайци дæ хан байхуæрсидæ.

IV

Æризæрмелтæ 'й, и мæргъти зарун
И гъæди медæг ку фæссабур æй,
Уæд гъонгæси фурт магур Мæхæмæт
Ку бахæццæ уй и хани гъæумæ.
И гъæугæронни бæргæ æрлæууй,
Бæргæ æрлæууй, æ даргъ хæтæлæй
Борæма лгъи зар бæргæ никкæнуй.
Ку фæдздзоруй уæд хан косгутæмæ:
— Ци дессаг æй йе, ке зарун цæуй?
Ка уодæнæй йе, ке зæрдæ зæгъуй

III

Вот идет пастух на большой нихас.
Седоглавы: старцы там сидят.
От усталости клонят головы.
От усталости и от горести.
— Мир и счастье вам, люди добрые! —
Их приветсгвует бедный Махамат.
— Здравствуй, здравствуй же, добрый молодец.
Ты откуда сам? Что за весть принес?
— Что скажу я вам?.. Чтоб от голода
В этот страшный год не погиб отец —
Он уж стар совсем — я покинул дом.
Не наймусь ли где на работу я?..
— Трудный год пришел, тяжкая пора.
И едва ли кто возьмет работника.
Всяк не знает, чем и себя кормить.
У людей теперь — ни надежд, ни сил...
Но пойдн, сынок, в ханское село.
Может, хан возьмет тебя в работники.

IV

Ночь сошла, лес затих, когда
Бедный Махамат, сын пастушеский,
Ханское село увидал в дали.
На окраине отдохнуть присел.
Отдохнуть присел, запел, заиграл
На свирели звонкой, переливчатой.
Слышит хан свирель голосистую.
Удивляется, кличет слуг своих:
— Это что за диво? Это кто такой?
Чье же сердце так могло возвыситься

А магур анзи хэтэлэй цэгъдун?
Ракэсэтэ 'ймэ, эрбаканетэ 'й!

V

Эрбакэпунцэ уэд хани цормэ
И гьонгэси фурт магур Хэмэти.
Бэрзонд мэсугэй н хани кизгэ,
И хани кизгэ, Гиданнэ рэсугъд
Уэд ку ракастэй хэтэлдзэгъдэгмэ.
Мэхэмэт адтэй нуонггин лэхъуэн,
Урух цэститэ, бэзэрхуг арэзт.
Æ фиццаг уиндэ, æ фиццаг бакаст
Гиданни зэрдэ бэргэ ницэвуй.
Ку эрфэрсуй хан магур Хэмэти:
— Кэцэй цэуэг дэ, кэмэй уодзэнэ?
Циуавэр хьал дэ, нур эстонг анзи
Хэтэлэй цэгъдун ке зэрдэ зэгъуй?
Ку зэгъуй Хэмэт уэд хестэр ханэн:
— Нецэмэй хьал дэн. Мэ фур гузавэй
Кэуни фэлтау хэтэлэй цэгъдун.
Мэ зэронд фиди цэмэй фэддарон,
Гьеуой амалэн эз рацэйцудтэн
Нэ магур гъэуэй куст агорунмэ,
Дэн гьонгэси фурт магур Мэхэмэт.

VI

Бацудэй Хэмэт хани зэрдэмэ,
Эрэйуорамуй ихуэрсти номэй:
— Цэй, косэ мэмэ анзи нимэдзэй,
Дэ зэронд фиди цэмэй фэддарай,

Над страданиями, над горем стонущих?
Подозвать его, привести ко мне!

V

Вот подходит он к дому ханскому,
Сын пастушеский бедный Махамат.
Большеглаз, высок. И широк в плечах.
Ханская дочь из окна глядит.
Как увидела парня ханская дочь,
Что-то жгучее в сердце ей вошло.
Что-то жгучее, как стрела каленая,
Из натянутого лука пущенная.
— Ты откуда есть? — вопрошает хан.—
Из какого ты роду-племени?
Ты, видать, богач. Кто бы мог еще
В этот горький год распевать, играть?
Отвечает так бедный Махамат:
— Не богат ничем. От большой тоски
Я свирель свою подношу к губам.
Вместо горького плача — песня моя.
Чтоб от голода в этот тяжкий год
Не погнб отец, я покинул дом.
Может, где-нибудь наймусь в работники,
Сын пастушеский бедный Махамат.

VI

Хану нравится добрый молодец.
Оставляет он его работником.
— Нанимаю тебя я на целый год,
Чтоб ты смог прокормить старого отца.

Гье уой фагæ дин мизд ку ратдзæнæн!
Исарази æй мæгур Мæхæмæт
'Ма ку райдайуй и хани тургъи
Цæрун-хуæрунтæ ихуæрсти номæй.

VII

Изæри усми æ даргъ хæтæлæй
Мæгур Мæхæмæт ку ницæгъдидæ,
Уæд хани кизгæ Гиданнæ рæсугъд
Бæрзонд мæсугæй сах нийгъосидæ.
Уарзт райгъал уидæ уæд йе 'взонг зæрди,
Хори тунау йин барохс кæнидæ
Æ рæсугъд æнгæс, æ рæсугъд цæсгом.
Уотемæйти, цид, боневæнгæнгæ
И афонæ дæр куд нæ лигъдайдæ?

VIII

Ци 'й, ци згули йес и хани тургъи?
Тарст мулдзугутау раледз-баледзæ,
Гъуди зелæнтæ цæмæн кæнуницæ
И тургъи медæг хани косгутæ?
Рæсугъд Гиданнæ — хани кизгæмæ
Минæвæрттæ йес æлдари фуртæй.
Хан саразта син устур хинститæ,
Устур хинститæ, цинæдзинадæ.
Уалдзигон хорау ку идзулунцæ,
Ку идзулунцæ и минæвæрттæ.
Нæй идзулд æрмæст рæсугъд Гиданнæ,
Нæ цинæ кæнуй бæрзонд мæсуги.
Уæд ферветуй йе æ хан фидæмæ,

Согласился на то бедный Махамат.
Начал новое он житье-бытье.
Стал работником на ханском дворе.

VII

Лишь погаснет день, бедный Махамат
Вновь берет свою длинную свирель.
Звонкую свирель жадно слушает
Хана дочь, Гиданна-красавица.
Юная любовь в сердце вспыхнула.
Будто солнца луч, осветила вдруг
Горделивый взор, ясное лицо.
Новый светлый день идет на смену дню.
Легкокрылые, быстро дни летят.

VIII

Это что за шум на ханском дворе?
Отчего, как муравьи перепуганные,
Бегают по двору, полные забот,
Суетятся слуги хлопотливые?
К ханской дочери Гиданне-красавице
Сын алдара сватов прислал.
Хан устраивает им богатый пир.
Богатый пир, большое веселие.
Рады, веселы сваты захмелевшие.
Рад гостям своим именитым хан.
Лишь одной Гиданне невесело.
Запечалилась Гиданна в башне своей.
За отцом своим посылает она.
Посылает она служанку-девушку.

Æ хан фидæмæ æ косæг кизги.
Ку радзоруй ин лигъстæ гъæлæсæй:
— Мæ уарзон фидæ, ку нæ мæ фæндуй,
Ку нæ мæ фæндуй æлдари фуртмæ,
Цæмæн дæттис мæ æнабарвæндæй,
Æнабарвæндæй, дæ тухеуæгæй?

IX

Уæд дзоруй и хан йе 'взонг кизгæмæ:
— Кæд æлдари фурт нæ бæззуй дæуæн,
Уæд бæззон æдта ка ма уодзæнæй?
Ку дзоруй кизгай æ хан фидæмæ:
— Мæ уарзон фидæ, зæгъдзæнæн дин æй,
Мæ кизгон зæрдæ хæстæгдæр кæмæ 'й,
Кæд дæттис мин ду зæгъуни барæ!
Æ кизги зæрдæ балæдæрунмæ
Æнæ мæстхузæй хан исарази уй.

X

Уæд зæгъуй ханæн Гиданнæ рæсугъд:
— Йес еу адаймаг, мæ кизгон зæрдæ
Æхецæн æмбал, æхемæ хæстæг
Ке бакæнидæ барæвæндонæй.
Ка уодзæнæй йе, зæгъдзæнæн дин æй:
И гъонгæси фурт мæгур Мæхæмæт.
Нирризтæй и хан æ медбунати,
Неци исдзурдта дзæвгарæ усмæ,
Æрæгиау ба мæстгун гъæлæсæй,
Къохæй æвзедгæ, нигъгъæртæ кæнуй:
— Уæ гъæла кизгай, ду аци бонæ

Говорит отцу упавшим голосом:
— Мой родной отец, не хочу идти,
Не хочу идти замуж за немилого.
Почему отдаешь против воли моей?
Не неволь меня, мой отец родной.

IX

Говорит тогда хан своей дочери:
— Сын алдара не мил, кто же мил тогда?
Где ж еще искать жениха достойнее?
Отвечает дочь отцу-повелителю:
— Выслушай меня, о родной отец.
Не неволь меня, не губи меня.
Повели сказать — я скажу тебе,
Кто милее сердцу девичьему.
— Говори,— молвил хан, пересилив гнев.

X

И сказала хану Гиданна-красавица:
— Есть один человек, сердцу мил и люб.
Тот, кто мог бы стать другом близким мне.
Я открою тебе, назову, кто он —
Сын пастушеский, бедный Махамат.
Как услышал хан такие слова,
Так затрясся весь, побелел, как холст.
Слова в гневе не может выговорить.
Отошел немного — в буйной ярости
Стал рукой махать, криком стал кричать:
— О безумная! Что сказала ты?

Ку фæууиндзæнæ, куд фæууарзунцæ
Ханти кизгуттæ гъонгæсти фуртти!

XI

Ци 'й, ци згули йес и хани тургъи?
Тарст мулдзугутау катайтæгæнгæ
Цæбæл зелунцæ хани косгутæ,
Хани косгутæ и тургъи медæг?
Уæд ракæнунцæ мæсуги цормæ
И гъонгæси фурт мæгур Хæмæти,
Циргъ фæрæтæй ин æ саудзикко сæр,
Æ саудзикко сæр ку ракъуæрунцæ.
Тогæйдзагæй æй циргъ мехи фийбæл,
Циргъ мехи фийбæл æрцæйкæнунцæ.
Уæд радзоруй хан и косгутæмæ:
— Базонетæ нур, куд фæууарзунцæ
Гъонгæсти фурттæ ханти кизгутти!

XII

Уотæ рæхги дин мæсуги хурфæй
И косæг кизгæ ку рацæйуадæй,
Кæун гъæлæстæй ку рацæйдзурдта:
— Уой, хани кизгæ Гиданнæ-рæсугъд
Болат кæрдæнæй ку рарæхуста,
Ку рарæхуста æ тæккæ зæрдæ...
Ку рауæлгоммæ 'й мæсуги хурфи,
Мæсуги хурфи тоги пурхæнти!
Къех райзадæнцæ уæд игъосгутæ,
Цæветтонгæ ма сайди фæцæппæ,
'Ма фестадæнцæ æмир цавддортæ.

Вот увидишь ты, как влюбляются
Хана дочери в сыновей пастухов!

XI

Что за шум стоит на ханском дворе?
Что шныряют слуги перепуганные?
Что толпятся все работники,
Все прислужники на ханском дворе?
Вот выводят Махамата, сына пастуха.
Под высокую башню ставят его.
Отрубают ему голову острым топором.
Окровавленную, на кол насаживают.
Обращается хан к своим работникам:
— Вот узнайте теперь, как влюбляются
Сыновья пастухов в ханских дочерей!

XII

Выбежала из башни служанка-девушка.
В страхе плачущим голосом рассказывает:
— Ханская дочь Гиданна-красавица
Сердце пронзила булатными ножницами.
Сердце пронзила ножницами булатными,
Посреди башни в крови лежит.

Мертвыми камнями застыли все,
Будто навеки обманутые.

* ДЗАНДЗИРАХЪ

I

Æримбурд æнцæ абони
Æвдæймаг сабат Къаматæ,
Ку æрбадунцæ тæрхони
Æд лæдзгутæ, æд хъæматæ...
Тумугъбатæнгæ хестæртæ
Даргъ хæссунцæ сæ унаффæ.
Сах истунцæ и кæстæртæ,—
Игъосунцæ æд гузаввæ.
— Нæуæгдзуд киндзæй, фæсевæд,
Нæ силти хуæздæр, нæ кадæ —
Дзандзирахъ-рæсугъд фесавдæй,
Ие куд иæй махæн æгадæ?..
Фал ке лазæ, ке бæллах æй,
Кæбæл гъарæн нæ тæрегъæд?
Ка хæссуй дзиллæн лиагъæ,
Базонетæ уой, фæсевæд...
Гъе уотæ сæ загъд хæссунцæ
Сæ хорбадæни Къаматæ.
Сæ фур мæстæй ниттелунцæ
И кæстæртæ сæ хъæматæ...

II

Уæд фиййау биццеу бæрзондæй
Гъæр æмбурдмæ ку низзаруй,
Уой ниффæнзгæй и зæгъæн дор
Хуæнхтæ, гъæдтæ ниццарауй:

*** ДЗАНДЗИРАК**

I

Вот седьмой уж раз в субботу
Собираются каматцы.
Острые кинжалы блещут.
Речи горестные длятся.
Друг за другом речи держат
Старцы важные, седые.
В холодеющей печали
Им внимают молодые.
— Дзандзирак, невестка наша...—
Скорбь, как тень, на лица пала.
— Лучшая из наших женщин
Где-то без вести пропала.
— Разыскать ее должны мы.
Чья вина? Чье злодеянье?
Кто за это все в ответе?
Кто приносит нам страданье?
Вот какие речи держат
На хорбадане¹ каматцы.
Острые клинки блистают.
Взоры гневные лучатся.

II

Чу! Несется звук далекий.
То пастух кричит с вершины.

---

¹ Хорбадан — место на солнечной стороне, где собирались, сидели люди

— Гъей, байгъосетæ, хуарз адæм,
Фæууидтон дессаг абони —
Сугъæринæ сурх дзиккотæ
Фелаунцæ далаæ дони!..

III

Гур-гургæнгæ далаæ фордмæ
Ниффæдес æнцæ Къаматæ.
Æристадæнцæ донгоми
Æд лæдзгутæ, æд хъæматæ.
Усмæй-усмæмæ дæлфинкæй
Цъæх ку ферттевуй фелауæн,
Фæззиннунцæ сугъæринæ
Сурх дзиккотæ уæд еу рауæн.
И фæлхъæзæнти æнцойнæ
Тæгтæ-тæгтæ фелаунцæ,—
Уалдзигон хорау сæ гъазти
Æнæ дауæ федаунцæ.
Ниггузавæ 'нцæ Къаматæ,
Арф хæссунцæ нур сæ ниндæ.
Багъудæй сæ æвеппайди
Мард хæссунмæ нур мæрсинтæ...

IV

Исæздахтæнцæ донгомæй
Сæ хорбадæнмæ Къаматæ,—
Даргъ хæссунцæ сæ унаффæ
Æд лæдзгутæ, æд хъæматæ...
Дæргъæй-дæргъæмæ уæлдзеген
Мард ку 'рхъан æй уони цори.
— Ауæхæн дессаг нуронги
Некад ма 'рнудæй Дигори...

Голос, повторенный эхом,
Жадно слушают мужчины.
— Вы послушайте, о люди! —
Им пастух кричит с утеса.—
Я сегодня чудо видел —
В волнах огненные косы.

III

Тесною гурьбой каматцы,
Как обвал, к реке сбежали.
Встали над водою быстрой.
Смотрят на воду в печали.
То скрываясь ненадолго,
То из глубины всплывая,
Сквозь клубящуюся пену
Прядь сверкает золотая.
С чистою водой сливаясь,
Повторяя волн движенье,
На воде горит лучисто,
Будто солнце отраженье.
Плеск воды бегущей слышен.
В сокрушении каматцы
Молчаливою толпою
Над умершею теснятся.

IV

Вновь вернулись на хорбадан.
Гневные слова взлетают.
Огненные взгляды блещут.
Острые клинки сверкают.
Кто в содеянном повинен?
В голосах и гнев, и горе.

Ци кодта, цума, фæсевæд,
Дзандзирахъ-рæсугъд, нæ кадæ?
Ие ку байзайа асхъоди,
Уодзинан гъе уæд æгадæ...
Гъе уотæ сæ загъд хæссунцæ
Сæ хорбадæни хестæртæ,
Сæ хъæматæ ниттелунцæ
Сæ фурмæстæй и кæстæртæ...

V

Уæд рацæйцудæй æмбурдæй
Дзандзирахъи лæг еуварсмæ:
— Ци кæнон, зæгъуй, хуарз адæм,
Авд къуæрей цæуй, уой разæй
Æз фесафтон Дзандзирахъи
Есге ардуд, йесге лазæй...
Уой бавдистæй хуæзголдæрбæл...
Мæ болат хъæма нинсадтон,—
Æ циргъ финдзæй æнæхатир
Æз тæккæ зæрдæ ниргъавтон...
Куд ниххаудтæй мард и донмæ,
Уой æстълутæ уидтонцæ...
Уой цæхъалтæ кæрæдземæн
Десæ-дзорæ фæккодтонцæ...
Æрцæйцæуæд и уæл мардмæ
Нур Къундзай-фурт, мæ ардауæг,
Кæд хонуй æхе мед адæм
Æнæ мегъæ, раст идауæг!

VI

Уæд Къундзай-фурт и уæл мардмæ
Æрцæйцудæй лæкъундзастæй.

Кто же?.. Никогда такого
Не было еще в Дигоре.
Труп распластан на циновке —
Неумолчный глас укора.
— Если тайны не откроем,
Нам вовек не смыть позора.
Вот слова звучат какне,
Вот какие длятся думы
Под суровое молчанье,
Под кинжалов блеск угрюмый.

V

И тогда на середину
Муж погибшей вдруг выходит.
Взгляд свой скорбный подымает.
Скорбным взглядом всех обводит.
— Я убил. По злому слову.
По навету. Мне сказали —
Дзандзирак мне изменяет...
В тяжком гневе и печали
Пережить позор не в силах,
Нож булатный наточил я.
И отточенное жало
Прямо в сердце ей вонзил я.
Как упало тело в реку,
Только звезды лишь видали...
Да катящиеся волны
Меж собой о том шептали...
Сын Кундзая, подстрекатель,
Пусть же встанет у покойной.¹

---

¹ По обычаям горцев, слово, произнесенное у тела покойника, считалось правдой.

Фæггъæр кодта, цæвстонгæ
Æвеппайди топп фæвастæй:
— Берæ бонти Дзандзирахъи
Ку фæккодтон нимæхстуарзæ,
Æрæгнау исæмбалдæй
И мæгурбæл мæ фуд лазæ.
Æвдистон æй хуæзголдарбæл,
Æримистон мæнгæ дауæ,
Фæккæнинæ хебæраги
Хъамболати соцъардауæ,—
Кæд рарветидæ æ уоси
Сурди номæй æ цæгатмæ,
Æрхудтайнæ Дзандзирахъи
Уодæнбалæн уæд мæ уатмæ.
Гъе уотæ зæгъуй Къундзай-фурт...
Сах кæсунцæ 'ймæ Къаматæ,
Никъкъех æнцæ сæ фур десæй
Æд лæдзгутæ, æд хъæматæ.
Хъамболат кæсуй зæнхæмæ,
Æхсæйвон мæйау нийвадæй,
Фицгæ донау тæвдæгæнгæ
Маст зæрди хурфи сирадæй...

VII

Хор фæсхуæнхтæ фæййаууон æй,
Мард байвардтонцæ Къаматæ,
Нур хæлеу кæнунцæ уигтн
Æд лæдзгутæ, æд хъæматæ...
Рацæйевгъудæй еу афæй.
Сæумигон гъæуæй идарди
Иссирдтонцæ и Къаматæ
Æвеппайди дууæ марди.

Пусть все снова повторит он,
Коль он человек достойный.

VI

И выходит, взгляд потупив,
Молчаливый сын Кундзая.
Вдруг, прорвавшись, крик раздался,
Будто выстрел, тишь пронзая:
— Много лет в глубокой тайне
Я любил ее, о люди.
Зло моих несчастных мыслей
Пусть же вам открыто будет.
Я любил ее, о люди...
Мукой мучаясь безмерной,
Я нарочно Касболату
Представлял ее неверной,—
Чтоб ее он, оскорбленный
Этой ложною виною,
В дом родительский отправил...
Я ж тогда — своей женою
В дом к себе ее привел бы.—
Речь такую сын Кундзая
Произнес. Стоят каматцы,
Что сказать в ответ не зная.
Смотрит неподвижно в землю
Касболат, склонясь сутуло.
Боль обманутого сердца
Закружила, захлестнула.

VII

Мертвую похоронили...
Молчаливы и усталы,

**Неу хундтай уонай Къундзай-фурт,
Хъамболат ниней худтонца.
Евацигати, и фандагбел
Фудамбала факкодтонца.**

1927

По домам идут каматцы.
Солнце спряталось за скалы.
Год прошел... Однажды утром,
У ручья, на темных плитах,
В отдаленье от аула,
Увидали двух убитых.
Их одна свела дорога
В чистом поле, тьмой объятom.
Был один Кундзая сыном.
А другой был Касболатом.

1927

* ГУДЗУНА

I

Æ сæууон тунæ цъетемæ
Хор идзулгæ нивæндуй.
И сау хонхæн æ циргъ бекъæ
Сузгъæринæй фæлгъæндуй.

Уалæ фахси, сурх тæмæнтæ
Кæми калуй бобона,¹
Фæццæй æскъæруй æ дзогæ
Фæлвæрай-фурт Гудзуна.

Лæузæнгойнæ, сæппæркъегин,
Дивилдунтæ, лацамарз,—
Фæццæйгъузуй, цæветтонгæ,
Дзебæлгæнгæ гъунтъуз арс.

И гъæугони, зурзургæнгæ
Кæми ледзуй сауæдон,
Æристадæнцæ дондзаутæ
Æд къустелтæ сæумигон.

Гудзунабæл айуангæнгæ
Нихходунцæ къæл-къæлæй,
Фал не сдзоргæй, фæццæйцæуй
Фæлвæрай-фурт дзæндæлæй...

---

¹ Б о б о н а — бæласæ, нрæзуй хуæнхтн.

* ГУДЗУНА

I

Мир проснувшийся зеленый
Солнце жжет лучом своим.
Гребень острый, огащенный
Щедро позолочен им.

Где подобная пожару,
Ярко рдеет бобона,¹
Гонит ввысь свою отару
Сын Фалвара Гудзуна.

Хмур, помят, в опорках ноги.
Черен — страшно поглядеть.
Будто вставший из берлоги
Раскосмаченный медведь.

Медленно идет тропкою.
Свой привычный, давний труд
Начинает. За водою
Утром девушки идут.

Смех сейчас раздастся снова,
Будто зазвенит кувшин.
Но не скажет им ни слова
Гудзуна — Фалвара сын.

---

¹ Б о б о н а — горное дерево.

Гъей уæууæй, уæууæй, фæлтауги
Цард фесæфæд, цæй, бунтон,—
И силтæ дæр ма ходунцæ
Гудзунабæл сæ фæндон...

II

Устур фæзæ ес еу рауæн,
Кудзæфтауæн йе хуннуй.
Æнæ схъартгæ и тегъæмæ
Йе цæстæмæ нæ зиннуй.

Фал ку скастæуа уæлтегъæй,—
Фæзæ лигъз æма кæдзос,
Хуæнхтæ, гъæдтæ хæлæмултæй .
Æрзилдæнцæ æ фалдзос.

Гудзунайæн йе — æ хезнæ...
Æ уодæнбал — æ хæтæл
Хебæраги æ уæлдзогæ
Æривæруй æ цъухбæл.

Гъæйдæ-гъа, цæгъдун нийдайуй,—
Æд хæтæл æдули нæй.
Уой, десгæнгæ, ниффæнзунцæ
Хуæнхтæ, кæмттæ æмбурдæй...

III

Æхсæрдзауæни кизгайтæ
Гъаст саразунцæ фæстунд.
Нæ син фæууй сæ цинæмæ
Гудзуна дæр æнæ хунд.

Мысли горестные вьются.
Что за жизнь ему дана?
Даже девушки смеются
Над беднягой Гудзуна.

II

Средь обрывистых, ребристых
Скал — площадка есть одна
Ровная. Собачий выступ
Называется она.

Скрытый от людского взора,
Тихий уголок. Вокруг —
Горы, лес и снова горы.
Посреди — зеленый луг.

По зеленой глади луга
Ходит, бродит Гудзуна.
С ним свирель — его подруга.
Льнет к губам его она.

Он играет на свирели
Свету белому всему.
Лес и горы, и ущелье
Вторят весело ему.

III

Сбор орехов кончен. Пенъем,
Смехом даль оглашена.
На веселье приглашеньем
Не обходят Гудзуна.

Лæсæд æхсæрæй горентæ
Фæлкъевунцæ зилдæгæй,
Кафгæ-кафгæ низзурунцæ
Уони сæрти гæпгæнгæй...

Уони æрдзæф æнæ фæнзгæ
И зæгъæн дор нæ лæууы,
Уони цинæй, уони гъазтæй
Арв сæ сæргъи идзулуй...

Фал ци 'нкъард æй Фæлвæрай-фурт,
Фæлвæрай-фурт Гудзуна?
Ие гъæуама и медгъазтæ
Æнгулдзæхтæ искæна...

Уæзбунгомау дзæндæл-кафæ
Æрцæйкæнуй нæ фиййау.
Бæргæ гъавуй гæпп кæнунмæ
Ие горенбæл, фал уæууау!

Æризгъæлунцæ æхсæртæ,
Æрихæлуй и горен,—
Æвæццæгæн, цурддзинадæй
Фæлвæрай-фурт нæй Кермен.

Гъæр ходунцæ и кизгайтæ:
— Дæ ниййерæг, Гудзуна,
Дæ тæрегъæдæй ингæни
Æ дзиккотæ ниттона!

Гъей уæууæй, уæууæй, фæлтауги
Цард фесафæд, цæй, бунтон,—
И кизгуттæ фæххудтæнцæ
Гудзунабæл сæ фæндон...

Сделав вокруг себя преграды
Из ореховых ветвей,
Девушки попрыгать рады
В легкой пляске. Кто ловчсй?

Смехом полон луг зеленый...
Смех и звонкие слова
Повторяют изумленно
Камень, ветер и трава.

Что же смотрит так уныло
Сын Фалвара Гудзуна?
Взгляд пастуший — что затмило?
Дума горькая? Вина?

Не развеселит он взгляда.
Не поднимет головы.
Хочет в танце он преграду
Перспрыгнуть... Но — увы! —

Так невелики успехи.
Взяли ветки парня в плен.
Видно, в мастерстве потехи
Сын Фалвара — не Кермен.

Смех девичий раздается:
— Ну и парень — молодец!
Пусть в могиле встрепенется
От восторга твой отец.

Горестные думы выются.
Что за жизнь ему дана?
Даже девушки смеются,
Как хотят, пад Гудзуна.

IV

Гъазт фехалдæй... Сæ дзæкъолтæ
Æхсæрдзагæй, уотемæй
Ниуурдуг унцæ кизгуттæ
Далæ гъæумæ авдемæй.

Æ лæдзæгбæл æ уæлдзогæ
Фæрсæнцойнæ æркæнгæй,
Къех истуй фиййау уæлтегъæ
Уони фæсте фæлгæсгæй...

Æ зæрди бунæй гузавæ
Лæкъунгæнгæ нгуруй,
Цæветтонгæ ма фæстегъæй
Таруг мегъæ исбуруй.

Цæмæн æй цума æгадæ
Ие фæсæвæдн æхсæн?
Кæбæл гъара æ тæрегъæд,
Ка 'й и дзилли æ лимæн?

Цæмæннæ зонуй æ радæ
Ие цийни усми мед гъазт?
Цæмæн римæхсуй кизгаййæй
Ие зæрди хурфи æ уарзт?

Цагъарау хæссуй æ догæ
Æнæтхалгæ, æвæндон...
Гъей уæууæй, уæууæй, фæлтаугн
Цард фесæфæд, цæй, бунтон!

Гъеуæддæр, мæгур, æ зæрдæ
Æ хæтæлмæ нæ лæууы,

IV

Вот и кончен час потехи.
Девушки домой, назад,
Захватив свои орехи
По тропинке вниз спешат.

Опершись на верный посох,
Гудзуна один стоит.
С молчаливого утеса
Долго-долго вслед глядит.

Дума, медленна и жгуча,
Все растет в душе, растет,
Будто грозовая туча
Из-за ближних гор встает.

Почему же, почему же
Он один несчастней всех?
Всех нескладней он, всех хуже.
Как обиден этот смех.

Почему так бесприютно,
Одиноко так ему?
И в любви признаться трудно
К черноокой — почему?

Годы быстрые несутся.
А на сердце — боль одна.
Мысли горестные вьются.
Что за жизнь ему дана?

Пусто, холодно... К свирели
Губы тянутся. Вдали —

Исæргъувуй уой æ цъухмæ,
Нæртон цæгъдæ никкæнуй...

Ниффæнзунцæ уой, десгæнгæ,
Хуæнхтæ, гъæдтæ æмбурдæй,
Нигъгæрзунцæ, цæветтонгæ
Фæттæрсунцæ лæбурдæй...

V

Иес еу рауæн и цæгати
Десæ-месæ сор лæгæт,
Гъеуой медæг фæййеу æппæ
Гудзуна æма Бæбæт.

Цилпæ рехæ, гебенагин,
Уги хæццæ æмæнгæс,—
И зæронд Бæбæт берæ 'изти
Æрцæйхаттæй — æр сæгъгæс...

— Уо, зæронд лæг,— исцæйдзоруй
Фæлварай фурт Гудзуна,—
Æз корун ди, цæй байгъосæ,
Æхсицгон дин ку нæ уа,—

Гъеуæддæр мæ загъд абони
Ду фегъосæ мæ цъухæй.
Нæ фæдздзордзæнæн изолти,
Зæгъдзæнæн дин цубурæй...

Идтæг рагæй мин дæ кизгæ
Æй мæ зæрди бæлдатгонд.
Гъей, зæронд лæг, мæн абони
Ду ма схонæ æнамонд...

Чу! — запели, зазвенели.
Покатились, потекли...

Слушают дубы и липы,
Быстрая волна рски
Обжигающие всхлипы
Страха, маяты, тоски.

V

Есть пещера под скалою.
Глубока, суха она.
Встретились однажды двое
В ней — Бабат и Гудзуна.

С нелюдимым, хмурым взглядом,
Стар Бабат уже и сед.
По горам он с козьим стадом
Ходит много-много лет.

Нерешительно, несмело
Начинает Гудзуна:
— Есть одно такое дело...
Дума жжет меня одна.

Может быть, тебе не мило
Будет то, что я скажу.
Только дальше ждать — нет силы.
Тяжкий груз давно ношу.

Мучаюсь уже давно я.
Встали на пути глаза.
Сердцу не дает покоя
Дочь твоя, старик, Гудза.

Ду абони барвæндонæй
Банимайæ Гудзунай.
Агорун ди уодæмбалæн
Дæ еунæг кизги — Гудзай...

Ма мин кæсæ мæ мæгурмæ,
Кæд нæ дæн абони хъал,
Нифс хæссун уæддæр цæрунмæ,
Нæ уодзæнæн æн' амал...

Æрцæйдауй æ роцъотæ
Уæзбун къохæй нæ сæгъгæс,
Бæзгин хъурæй ницæйходуй:
— Мæнæ дес æма тæмæс!

Гудзунайæн, дан, дæ кизги
Исцæй кæнæ уодæнкъай!
Æвæццæгæн, иæ фæууидæ
Уæд и гоби æнæ хай!..

Уæхæн лазæ, уæхæн незæй
Байергъæв кæнæд хуцау!
Мабал истæ, цæй, мæ цори,
Фæттæргай уо, цæй, фæлтау...

Æхсæйвон мæйау нийвадæй
Фæлварай-фурт Гудзуна.
Уотемæй истуй æнцойнæ.
Ци ма зæгъа, ци кæна?

Гъей уæууæй, уæууæй, æнгартæ,
Цард фесафæд, цæй, фæлтау,
Фæцæйхудтæй Гудзунабæл
И сæгъгæс дæр æнæвгъау...

Не смотри, что одеянье
Все — лохмотья лишь одни.
Было б в сердце ожиданье,
Что наступят счастья дни.

— Гудзуна, да это ты ли? —
Козопас смеется. — Эк
Размечтался, простофиля!
Глупый же ты человек.

Вои куда хватил ты, паря.
Ну, спасибо. Молоде-ец!
Сам скажи — ну разве пара
Дочь тебе моя, глупец?

Горемыка некудышный!
Как ты смел?! Спаси вовек
От таких зятьев, всевышний.
Ох ты глупый человек.

Поперхиулся оробело
Сын Фалвара Гудзуна.
И стоит, недвижимый, белый,
Как в дневных лучах луна.

Трудно, тяжело сердце бьется.
Что за жизнь ему дана?
Даже козопас смеется
Над несчастным Гудзуна.

VI

В небе ясном и незнойном
Тихая плывет луна.

VI

Арви сгъалутæ цæфсунцæ,
Æй æхсæвæ ирд, кæдзос.
Мæйæ ленк кæнуй уæлхуæихтæ,
Рæдзæхсуй дуйнебæл рохс...

Фал æхсæви гъос ихалгæ
Форд не 'нцайуй, гъæр кæнуй...
Æ фур мæстæй æ цæхъалтæ
Ие бил-дорбæл ницæвуй.

Зуст фентъохуй æ пурфæнтæ,
Дортæ, къолтæ пурфгæнгæй,
Цæветтонгæ, æ зин тохи
Ие унгæги исгъигæй...

И уæлайнæг и донгони,
Кæми зайуй цагъана,
Цæмæн бадуй æнафони
Фæлвæрай фурт Гудзуна?

Кæд сирадæй Гудзунайæн
Æ мæгур зæрди зин маст,
'Ма и донмæ багæлдзунмæ
'Хе гъавуй иур ба æваст?

На, не 'рхæсдзæнæй æ сæрма
Уæхæн фæндæ нæ мæгур.
Æндæр фæндæ, æндæр сагъæс
Уой тухсун кæнунцæ нур...

Ие гъæуама нур мед-адæм
Федис дарæг мабал уа,
И дуйней тохи æд кадæ
Ие фæлтауги рамæла...

Светом медленным, спокойным
Вся земля озарена.

Звонким гулом нарушая
Дремлющую тишину,
Под горой река шальная
Гонит пенную волну.

Бешено дробит камень,
Слепо в скалах путь себе
Ищет — будто бы терпенье
Все растратила в борьбе.

Над рекой бурлящей, грозной,
Где темнеет цагана,¹
Почему сидит так поздно
Сын Фалвара Гудзуна?

Может быть, вконец устал он
От насмешек и тоски?
И решился вниз со скал он
Броситься — в провал реки?

Нет, бесславно такую
Смертью пасть не хочет он.
Думой светлую, другою
Ум усталый окрылен.

Так умрет — душою слабый.
Средь родных своих тесни
Лучше умереть со славой,—
Думает Фалвара сын.

---

¹ Ц а г а н а — горное дерево.

VII

Æрбахъартуй Дигоргоммæ
Æвеппайди фуд хабар:
Æрбацæунцæ æфсæдтæ,
Сæ сæргъи цæуæг — Мулдар...

Рафæдес æнцæ Дигорæ
Далæ коммæ æнгурфæй.
Æрцæйистунцæ тæрхони
Далæ Моргани æмбурдæй...

Ци кæнонцæ? Истохунмæ
Ку нæ бæззуй сæ фадат.
Ку нæййес сæмæ сæ фагæ
Тохæн гæрзтæ, тохæн фат!

И фæдесонтæй еуетæ
Æрхæссунцæ уæхæн загъд.
Фал мед æмбурдæй амонæ
Иеу рацæйцудæй уайтагъд.

Æ уæл суйнæ æ кæрдбадзæ,
Лæузæнгойнæ, сæппæркъе,
Топп йе рагъи, уотемæйти
Гъæр зæгъуй æмбурдæн йе:

— Гъей, хуарз адæм, гъей æнгартæ,
Цæй, ма 'рниллæг уæд нæ ном,—
Цæй, ма 'рбауадзæн æлдари,
Байергъæв кæнæн нæ ком!

Нæ бæлстæнцæ æлдайрадæ
Нæ фидтæлтæ æппундæр,—

VII

Тягостное беспокойство.
Весть влетела, как удар:
Двигается к ущелью войско,
Во главе его — Мулдар.

Грозный слух, неся волнение,
На большом нихасе Морг
Жаркие слова смятенья
Из людских сердец исторг.

— Трудная пора настала,—
Криками бурлит нихас.
— Ружей и патронов мало,—
Голос слышится,— у нас!

Вот решительно раздвинув
В кучу сбившийся народ
Твердым шагом на средину
Кто-то из толпы идет.

Взглядом всех обвел тревожным.
В резком солнечном луче
На боку сверкают ножны.
И винтовка на плече.

— Люди! Угол наш родимый
Никому не отдадим.
Отчий край — не предадим мы!
Встанем дружно, как один.

Одолеем силу силой.
Лучше умереть в бою,

Нур æлдарæй фæттæрсунмæ
Куд æрхæссæн мах нæ сæр?

Фæккъæх æнцæ сæ фур десæй
Нæ игъосгутæ куддæр,—
Кæцæй фæцæй Гудзунамæ
Уæхæн зæрдæ, уæхæн сæр?

VIII

Тох райгон æй Дигоргоми
И дуккаг сæуми уайтагъд.
Æд — æхсæвæ, æд—æбонæ
Нæ гъос кæнуй топпадзагъд...

Скъотт кæнунцæ фæдтæ коми.
Уони гъæрмæ гур-гурæй
Ниййазæлунцæ и хуæнхтæ
Нигъгъæрзунцæ æмбурдæй...

Далæ коми ес хуггойнæ,
Æй æ хурфæ фур гъуна.
Гъе уордæмæ бацæйбурдæй
Фæлвæрай-фурт Гудзуна...

Гъе уордиги фæрсæнцойнæй
Ие фудголмæ фæлгæсуй,
Ницæйгъавуй и тумугъмæ,
Фат не 'вгъаугæнгæй, æхсуй...

Æртæ 'хсæви, æртæ бони
Тох не 'ргъос æй æппундæр.
Бæзгин хъурæй æвепнайди
Фæгъгъæр киндæй кæцæйдæр:

**Чем в неволе жить постылой.
Встанем же за честь свою!**

**Все замолкли. Что за чудо?
Как достойна, как умна
Речь горячая. Откуда
Это все у Гудзуна?**

VIII

**Утром началось сражение.
Грянул громом небосвод...
Целый день, ни на мгновенье
Не смолкая, бой идет.**

**Огненные свищут пули.
Эхо средь камней, лесов
Бьется в безысходном гуле
Тысячами голосов.**

**Есть нора в безлесных скалах.
Глубока, узка она.
Еле влез в нее усталый,
Запыленный Гудзуна.**

**Из своей глухой засады
Наглого разит врага.
Не дает врагу пощады.
Меток глаз, верна рука.**

**Бьются третий день, четвертый...
Вдруг с отвесной вышины
Голос раздается твердый,
Четкие слова слышны:**

— Гьей, фæсвæд, ци фæцайтæ,
Знаг æрбампурсуй, фæдес!
Знаг æрбампурсуй, æхсетæ,
Нифс, æхсарæ кæмæ йес!..

Тох ситинг æй... Скъотт кæнунцæ
Фæттæ комы гув-гувæй...
Уони гъæрмæ нигъгъæрзунцæ
Хуæнхтæ, гъæдтæ æнгуфæй...

Уалæ мегътæ пъæстугæйттæй
Фæццæйледзунцæ мед арв,—
Æ фуртæссæй æнæзмæлгæ
Сирд нинцъулдæй хункъи арф.

Фал ци 'рцудæй? Ку фæгъгъос æй
Æвеппайди тугъд куддæр.
Гудзуна дæр и хуггойнæгæй
Æрцæйкæсуй дзинæгдæр.

Исцæйцæунцæ бæхгинтæ
Далæ коми фæд-фæде.
Фал Дигорæ ци фæцæнцæ? —
Фæттæ сæмæ нæбал йе.

Гудзуна, мæгур. нникъард æй...
Зæрдæдзæугæ нæй и хуæст.
Иеугурæй ма æ бæрцдонн
Æртæ фати йес æрмæст.

Æртæ фати истохунмæ
Нæ бæззунцæ, фал уæддæр
И фудголай фæттæрсунмæ
Е не 'рхæсдзæнæй æ сæр.

— Враг подтягивает силы!
Вон он там, на берегу.
Все, в ком сердце не остыло,
Бейте, бейте по врагу!

Огненные свищут пули.
Эхо средь камней, лесов
Бьется в безысходном гуле
Тысячами голосов.

В небе синем, беспредельном
Тучка белая летит.
В страхе притаясь смертельным,
Зверь в расселине сидит.

Но внезапно над рекою
Все замолкло. Тишина...
На дороге — что такое? —
Смотрит сверху Гудзуна.

Катятся враги со склона.
«Где дигорцы? Путь открыт...»
Кончились у них патроны.
Мягкий выстрел не гремит.

Конница рекою льется.
Бьется черная волна.
Три патрона остается
В газырях у Гудзуна.

Три патрона! О, как мало!
Крыльями шумит беда.
Трудная пора настала.
«Может, сдастся?.. Никогда!»

Гудзунабæл уотæ 'нцонай :
Хаст не 'рцæудзæнæй фæндаг.
Топп ралхъевуй,— фæддæлваз æй
И бæхгинтæй сæ фиццаг.

Фæссидзмудз æнца бæхгинтæ,
Тох фезмæлдæй нæуæгæй.
Скъотт кæнунцæ фæттæ коми,
Ком байдзаг æй сæ нæгæй...

IX

Фæлвæрай-фурт, æнæ равги
Ду ку скодтай хъазауат,
Фал тугъдон зинги симбалдæй .
Раст дæ зæрди издин фат...

Бацæйкалдæй æнагъом и
Дæхе барæй дæ зин цард.
Далæ коми и хуггоми
Нур лæууй, лæууй дæ мард.

Сах не 'ркалдзæнæй хебари
Кедæр кизгæ цæстисуг,—
Дæ фæсмæрдæ коми кадæн
Гъæу не сдасдзæнæй мæсуг.

Фал нæ дæ уæддæр æгадæ,
Уо, мæгурдæйраг фиййау!
И дуйнæй хæсти æд гæрзтæ
Ду фесавдтæ сæрвæлтау.

Далæ комп, и къундæги
Ницæйсагъдæй сау къæйдор.

Ближе туча подступает...
«Просто так не взять меня!»
Целится, курок спускает --
Первый всадник прочь с коня.

Пятятся в испуге кони.
Снова завязался бой.
В каменном колодце стонет
Воздух, взорванный пальбой.

IX

В час жестокий, сын Фалвара,
Смелый подвиг ты свершил.
Но от вражьего удара
Ты на землю пал без сил.

В дикой, сумрачной берлоге,
Там, где не проходит тишь,
Позабыв свои тревоги,
Мертвый ты теперь лежишь.

Девушка в уединенье
Слез не льет. И в честь твою
Ни в горах, ни у селенья
Башни нет в родном краю.

Но погиб ты не бесславно,
Бедный Гудзуна-пастух.
В битве огненной, неравной
Взгляд твой молодой потух.

По небу идут светила.
Синих гор полет высок.

Стæн зиннуй си и фецауæг,
Стæн кæсуй имæ и хор.

Ку фæззинуй æстæй-астмæ,—
Гъе уой фалдзоси лæгай,
Æринцайгæй и къæйдорбæл
Æримисуй Гудзунай.

Бæзгин хъураей ницæйзаруй,
Над игайгæ сунæгæй.
Уой сæ деси ниффæнзунцæ
Хуæнхтæ, гъæдтæ æмбурдæй.

Уалæ фахси сурх тæмæнтæ
Кæми кæнуй бобона,—
Нæбал æскъæруй æ дзогæ
Фæлвæрай-фурт Гудзуна.

И гъæугони, зурзургæнгæ
Кæми ледзуй сауæдон,—
Нæ ходунцæ Гудзунабæл
Нур дондзаутæ сæумигон.

1934

Мостиздах

Одинокaя могила...
Камень на могилу лег.

Стынет тишина глухая.
Пусто. Неподвижность сна.
Возле камня отдыхая,
Путник вспомнит Гудзуна.

Встанет. Снова в путь. По склону
Песнь летит, вольна, горда.
Вторят песне изумленно
Дерево, гранит, вода.

Где подобная пожару
Ярко рдеет бобона,
Не прогонит ввысь отару
Сын Фалвара Гудзуна.

Где по гальке воды льются,
Где искристая волна
Плещет, больше не смеются
Девушки над Гудзуна.

1934
Мостиздах

* ТЕМУР-АЛСАХЪ

ФЫЦЦАГ ХАИ

I

Ледзгæй гъæди хурфи аууон,
Тундзуй Ирæфмæ Хæзнидон.
Пихсæй æхгæд æма æдзæр,
Дæттуй хæстæгмæ нидæн гъæр.
Хæтуй ханси медæг æдас
Хæстæг донгæнттæмæ цъæх арс.
Иесгæд æд хуали бонигон
Кæд æвеппайди цауæйнон
Хæссуй и донмæ и над-над
Ие 'стонг, йе 'донуг, æ фæллад,
Рæубес донгæрони пихсæй
Æваст фе 'схъæтæг уй тæссæй...
Кæлуй Ирæфмæ Хæзнидон,—
Уомæн гæмæхи æ билгон,
Хæстæг гъæдбунмæ гъæу лæудтæй,—
Нур дæр зæгъунцæ,— Кет хундтæй.

II

Иеухатт хорбадæни и Кет
Студта уæлфингæ берекет.
Кодта хебари бæрæгбон,
Кодта мийнасæ æ фæндон.
Ивулд бæгæни æд арахъхъ,
Цудæй æ цийнæ идтæг сахъ.
Рæнгъæй уагътонцæ гагидау...
Уæд æвеппайди цавд дорау
Бæхгин сæ сæргъи фæссæгъдæй.

* ТЕМУР-АЛСАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Катя по камням влажный звон,
Спешит к Ирафу Хазнидон.
Отвесны скалы, крут уклон.
И лес высокий с двух сторон.
К воде спустилась ветви плеть.
Бредет по берегу медведь.
Безлюдье, глушь. Лишь иногда
С добычей забредет сюда
Охотник — жажду утолить.
Косуля в страхе во всю прыть
Стрельнет — и канет без следа...
Летит по камням влажный звон.
Спешит к Ирафу Хазнидон.
Тому назад немало лет
Стояло здесь селенье — Кет.

II

Поляна. Высоко, до звезд,
Возносится за тостом тост.
Пирует Кет, и арака
Сегодня льется, как река.
Шумит большой, веселый круг.
За тостом тост — чередой.
Но вдруг
Как бы из-под земли возник
Нежданный всадник. Кто он? Вмиг

Æмбурд ðе 'тингæй фæууæгъдæй.
— Корун, байгъосетæ мингий,—
Зæгъуй æмбурдæн Аузбий,—
Се 'лдар кæсæгæн Дзасболат
Истуй гъæугони æд æфсад.
Сумах — кетонти и æлдар
Хонуй абони хъалондар.
Хъалон — æд рæвдзæ саргъи бæх,
Кизгай — рæсугъд æма дзæбæх.
Кæд уой дæдтайтæ барвæндæй,
Уæд уодзинайтæ цох зинтæй.
Фал кæд нæ уайтæ коммæгæс,—
Зонетæ уой,— зæгъун уин æз,
Уæд гъæу ке 'ссердзæнæй æфхуард,
Унгæг ке суодзæнæй уæ цард.
Æнгъуд изæрмæ... Цæй, хуæрзбон,
Цæттæ кæнетæ уæ хъалон!
Дзуапп нæ райсгæй, фæддунд æй
Бæхгин уайтагъддæр и унгæй.
Ситинг æй уæд мед адæм загъд,—
Дзуапп гъæуй æлдарæн тагъд.
Æнцæ Дигорæ хецмæрез,
Æлдар хуннуй сæмæ стур пез.
Гъенур цийни усми æ кой
Уонæн ку 'йхалуй, ку се 'нцой...

III

Кæсуй и гъæумæ Дзасболат,
Зилдæй истуй ибæл æфсад.
Сæ бæхтæ хъал æма тæлтæг,
Хуррутт кæнунцæ игъæлдзæг.
Идæнтæ, сæргътæ, думетонг
Æнцæ æвзестæй фур йефтонг.

Все смолкли.

— На краю села,
Там, где высокая скала,
Стоит могучий Дзасболат.

С ним воины его стоят.

Алдар сказать послал меня:
Вы дать должны ему коня,
Из самых быстрых, молодых,
И девушку, что всех других
Красивее. К исходу дня
Исполните его приказ —
Минует гнев суровый вас.
А не исполните — беда
Нагрянет на село тогда.
Он ждет. Он с войском там стоит...
И только пыль из-под копыт...

И снова над поляной гул.
Нежданный всадник всколыхнул
Покой, как камень — глад воды.
Смелы дигорцы и горды.
И встать готов за край свой — всяк.
Алдар — их давний страшный враг.
Шумит, бурлит селенье Кет.
Алдару нужно дать ответ.

III

Вдаль, нетерпением объят,
Глядит угрюмо Дзасболат.
Простолюдинов нет, одни
Пред ним гарцуют уздени.
Насилие, разбой, грабеж —
На алчных лицах их прочтешь.

Пәйһес уонн 'хсән мәгур ләг,
Æй си алке дәр тухгәнәг.
Уонәй алке дәр әй уәздан.
Лдтәй сә догә, сә дзаман!
Уәд әристадәй әд ләдзәг
Уәлдор сә размә әрвист ләг.
Æ сәр сиргъувгәй фур бәрзонд,
Зәгъуй әлдарән и зәронд.
— Æз дән кетонтәй мийнәвар,
Нә ан, зәгъунцә, мах цагъар.
Хонән нә сәртә нә фәндон,
Æлдар ма 'горәд ни хъалон.
Мах иуазәгбәл әхцул ан.
Кәд иуазәг дә — цәттә ан
Дәуән дәттунмә фусунау
Кәрдзин әд цәнхә, әд әгъдау.
Кәд тухгәнәг дәхе хонәй,
Уәд ду гъәуама уой зонай,
Ке ан кетонтә әверхъау,
Мәләт ке райсдзинан фәлтау.
Æлдар нийвадәй, зуст кәнуй,
Сиргъувуй йәхс әма зәгъуй:
— Мәнән мә фәндә, мә тәрхон
Федар ку әнцә, куд әндон.
Мән дзурд әййевгә некәд әй,
Мән Кет ма 'рветәд ревәдәй.
Хъалон — әд рәвдзә саргъи бәх,
Кизгай — рәсугъд әма дзәбәх.
Гъе уой кәд н 'айтә дәттуйнаг,
Уәд мин уә сәртә додоййаг.
Æлдар, цит, йе 'хсә ниттелуй,
Мәстәй ә билтә әууелуй...
— Де 'взист ниууадзә, уо, әлдар,—

Их кони — в блеске серебра.
Была когда-то их пора!..

Вот видят — на скале возник
Кетонец с палкою, старик.
На выступ над обрывом встав,
Сказал, спокоен, седоглав:
— Я — от людей селенья Кет.
У нас рабов в селенье — нет.
Свободен, волен наш народ.
И податей пускай не ждет
Алдар. Коль гость — входи, изволь.
Мы поднесем чурек и соль.
Готовы привечать гостей.
Но коль ты враг, то мы скорей
Умрем, чем примем вражий гнет.
И враг пощады пусть не ждет.

Побагровел внезапно тут
Алдар. И вскинул резко кнут.
— Мое веление — закон! —
Кричит, пылая гневом, он.—
Я слов не изменю своих!
Должны вы свято слушать их!
Как сталь, слова мои тверды.
И коль не жаждете беды,—
Старик, ты слушаешь меня?—
Должны вы привести коня.
И девушку. К исходу дня!
Кусает губы и кругом
Зло смотрит, и грозит кнутом.

— Алдар, зачем весь этот крик?—
Спокойно говорит старик,—

Зæгъуй æнцойнæ мийнæвар,—
Хилæй федауцæ хуæздæр æй.
Де 'взист кетонтæн æгæр æй.
Уæд дин зæрдесгæ мæ лнгъз дзурд,
Æлдар, ма саразæ лæбурд!
Зуст фæгъгъæр кодта Дзасболат:
— Ниууо, фæлтауги, цæй, æнцад!
Уæлдай ма дзорæ, уо, кеттаг,
Конд уа гъæуама мæ гъуддаг!
Æлдар ку 'ргъазуй æ бæхбæл,
Зæнхæй фесхъеуй, цит, гæппæл.
Кеттаг и гъæумæ фæццæуй,—
Уой Кет йе 'мбурди ку хезуй.

IV

Хор фæййаууон æй... Æрхæццæ 'й
Изæр уайтагъддæр и хуæнхтæй.
Цæфсуй уæлгъæдæ сурх æхсед,—
Йе 'мбурд нæма йхалуй и Кет.
Уæд нигъгъæр кодта, ни, уосай:
— Уо, Кет, ку фæдтæ æнирай!
Æлдар йеу кизги фæххæссуй,—
Фæдес, знанбæл ка тухсуй!
Уо, ци фæцайтæ, уо, фæдес,
Кæд ма и Кети лæгтæ йес!
Æмбурд фегуппæг æй тухуаст,
Æрвдзавд фæцæй цума æваст.
Ка æ бунати късх истуй,
Ка и гъæунги фæлледзуй,
Æ топп æ къохи, уотемæй,—
Йеунæг, æвæдзи, сæдемæй.
Ка си фе 'стадæй сонт тæрхъос,
Ниццай и къуми къуругъос.

Уйми воинственный свой жар.
Мир лучше ссоры, о алдар.
Твои угрозы ни к чему.
Внимай же слову моему,
Нетерпеливый человек.
Алдар, не соверши набег.
Войди в село как друг, как брат.
— Молчать! — воскликнул Дзасболат.—
Я от речей твоих устал.
Все будет так, как я сказал.

Конь пляшет. Комьями летит
Земля из-под его копыт.
Кетонец медленно идет
В село. Там ждет его народ.

IV

День кончился. Густая мгла
Из горных впадин поползла.
Зажегся в небе звездный свет.
Никто не спит в селенье Кет.
Нет нынче места мирным снам.
Все на ногах — и мал, и стар.
Вдруг женский вопль: — О, горе нам!
Похитил девушку алдар.
Мужчины Кета, где вы есть?
Вам дорога ли наша честь?

Как будто разразился гром.
Пришло в движение все кругом,
Заволновалось. Там и тут
С винтовками в руках бегут.
Не выпустить, отнять, отбить...

Ка цурд фелвасуй æ хъæма,—
Гъæуама знаги бадæма!..

V

Фæсгъæу йеу рауæн устур хард
Цудæй изолти кæрзæвард.
Зиндтæй хæрдæбæл унгæг над,—
Уобæл ку 'сраст æй Дзасболат.
Бæхбæл æд кизгæ — æд хъалон,
Хиццаг куд н' адтæй, куд, бæлццон!
Фæсте — уæздантæ рæнгъитæй
Цудæнцæ харди бæхгинтæй.
Æлдар уæлхардмæ исхæццæ 'й,—
Æваст æ размæ лæг фæцæй.
Æлдар фæрсуй æй: — Уо лæгай,
Ка дæ, кæмæй дæ — знаг ма уай?
— Æз дæн кетонтæй фæдесон,—
Кæсай дæхемæ, уо кæсгон!
Фергъувд æй топп æма цæфæй
Æлдар ку расхъиудтæй бæхæй.
Æваст фенсар æнцæ æфсад,
Катай фестадæй син сæ над.
Къуæрдгай фæцæнцæ и уæлхард,
Лæудтæй сæ размæ лæги мард.
Кеттаг се 'схъæртмæ фæддунд æй,
Кизгай и гъæумæ фæллигъдæй.

VI

Уайтагъд æхсæвæ æрхæццæ 'й,
Æфсад фæндагбæл ниррæнгæ 'й.
Æлдар фæцæй син хæсгæ мард,
Цæун гъæуй сæ фур идард.

Их много — сотня, может быть.
Трус в дальний угол убежал.
А храбрый выхватил кинжал.
Честь для кетонца дорога.
Достоин встретит он врага!..

V

Есть за селом подъем крутой.
Тропа там вьется меж камней.
Спешит алдар тропой той
С живою ношей своей.
Летит во тьму он, горд и смел.
Завиден сильного удел.
За ним рядами уздени.
Довольны, веселы они
В кичливом торжестве своем.
Там, где кончается подъем,
Вдруг — человек.
— Ты кто такой?
Откуда? Может, недруг мой?
Эй ты!
— Я — из селенья Кет.
Тебе дороги дальше нет.—
Винтовку приподнял. Удар —
И, крикнуть не успев, алдар,
Сраженный, падает с коня.
Шум, суматоха: — «Западня!»
Во тьме исчез кетонец вмиг —
Внезапно так же, как возник,
Его как ветром унесло...
Бежала девушка в село.

Дуйне æнцойнæ сæ фалдзос,
 Æнкъард кæсуй сæмæ мæйрохс.
 Йеу дзурд, йеу хъипп си нæ цæуы...
 Лйдагъ, изоли уг кæуы...
 Фал ка' й, фæндагбæл ка ледзуй?
 Æнцой æ бæхи нæ уадзуй.
 Æй йе Кæсæгмæ гъæргæнæг.
 Исон фегъосдзæнæй Кæсæг
 Æд цъел, æд мелæ фуд хабар,—
 Фæцæй Дигори мард се 'лдар...

ДУККАГ ХАИ

VII

Ду бафæрсай гъæуама мæн,
 Ка' й, кæмæй адтæй и лæхъуæн,
 Уæлхард ка скодта хъазауат,
 Коййаг исцæй нин нур ке фат?..
 Темур-Алсахъ худтөнцæ уой,—
 Цæрæд муггагмæ нур æ кой...
 Мулкæй мæгур, нифсæй идзаг,
 Худта алке дæр уой лæггаг.
 Алсахъ,— йеу загъдæй, гъе уотæ 'й...
 Адтæй и кизгæ Сеойтæй.
 Рæсугъд, æвзонг æма гъæздуг,
 Гурæй федауцæ 'ма индтуг,
 Цæститæ ирд æма сæнт-сау,
 Æрфбун зипдтæнцæ æхсæвау...
 Гъардта зæрдитаемæ тухуаст
 Уонæн сæ уиндæ, сæ фæккаст.
 Æй уæхæн силæ хецмæрез,—
 Исуй фæстагмæ зæрди нез.

VI

Утих внезапный гул стрельбы.
Прохлада ночи входит в грудь.
Растянутое вдоль тропы,
Обратный войско держит путь.
С небес, печальна и бледна,
Внимательно глядит луна.
Чуть светится в ручье голыш.
Последний путь алдара... Тишь.
Умолкли крики и слова.
Лишь издали кричит сова.

Бежит вода, горит звезда.
Печальный вестник вдаль летит.
Услышит завтра Кабарда —
В Дигории алдар убит.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

VII

Вы спросите — а кто же тот,
О ком молва в горах идет,
Кто встал алдару на пути,
Не дал насильнику уйти —
И праведный свершил свой суд?
Темур-Алсак сго зовут.
В карманах деньги не гремят,
Зато надеждами богат.
Родимых высей и теснин
Любимый и достойный сын.
Да не умрет он никогда!

VIII

Фæсгъæу кетонтæн йес æмбурд,—
Цæуй изолмæ сæ гъæр дзурд...
Сæ йеу хестæртæй загъд хæссуй:
— Темур-Алсахъ,— нур анз цæуй,
Кæдæй Сеойти Дигизай
Ду æ зæронд фидæй курдтай.
Фал йе не 'скодта уæд аккаг
Дæу исесунмæ хæстæггаг...
Худта мæгур, æвæдзи, дæу.
Уинис гъенур,— абони гъæу
Æмбурд æрцæнца дæу туххæй.
Кæнæн нæ арфæ æмдзухæй...
Дзиллæн сæ кадæ 'ма сæ нифс
Нур дæ тæрнихбæл ду хæссис.
Æлдар — фудгол æма æзнаг —
Фæцæй дæ фæрци исæфтдзаг...
Нæй хаст дæ фæрци Дигиза,
Нур дин гъæуама исбæзза
Йе уодæнбалæн барвæндæй...
Æ дзурд зæгъæд Сеой-фурт, цæй!
Уæлдорæй уæд фæстадæй лæг,
Ку 'рсадзуй зæнхи æ лæдзæг,
Бунмæ æ закъæ æрсæрфуй,
Кæсуй Алсахъмæ 'ма зæгъуй:
— Кизгай хъалони хаст цудæй,
Алсахъ æ хъарæ, æ нифсæй
Байста фæстæмæ знагæй уой,—
Цæрæд гъд кадæ нур æ кой...
Фæууæд мæ кизгæ нур йе 'нкъай,
Донмæ 'й ку не 'нтъохун, уоххай!

Богата, молода, горда,
Была Сеойти Дигиза.
Как ночь, черны ее глаза
И силу дивную таят.
Пронзителен, горяч их взгляд,
Огонь таких волшебных глаз
Причиной бед бывал не раз.

VIII

Кетонцы за своим селом
Сошлись. Как раз на месте том...
Один из старцев речь ведет:
— Тему-Алсак, прошел уж год,
Как ты посватал Дигиза
У старого ее отца.
Но ты тогда ни с чем ушел.
Тебя он недостойным счел.
А нынче — видишь? — все село
Приветствовать тебя пришло.
Мы все тебя благодарим.
Мы мужеством горды твоим.
Тебе любовь несем мы в дар.
Твоей рукой убит алдар.
И не в неволе Дигиза.
Лицо ее не жжет слеза.
Она тобою спасена.
И, видимо, должна она
Твоим стать другом, наконец.
Пусть говорит ее отец.

Умолк. Встает старик другой.
По белой бороде рукой
Провел: «Тему-Алсак, ты спас

Рæвдзæ 'й æмбурдæн æ зæгъддзæг,—
Исцæй Сеой-фурт арфиæг.
Ка ин æ к'оухмæ æвналуй,
Ка ин æ ходæ исесуй.
Уæд фæццæйгъос æй и булгъахъ,—
Дзоруи кетонтæмæ Алсахъ:
— Цæуй нур анз фулдæр, гъай-гъай,
Курдтон Сеойти Дигизай.
Фал аргъ не скиндæй уæд мæнæн.
Нур ма дзубанди æй цæмæн?
Алсахъ нæ уайдæ уæд Алсахъ,
Нур ма ку райсидæ и халхъ.
Цæфстæй зæрди бунн и уарзт,
Фехста изолмæ уой фуд маст.
Гъай-гъай, нистъалдæй нур æлдар,
Фал дæн цæй туххæй æз лæгмар?
Æз нæ уодæнсун æлдайрад...
Цæттæ 'й дæдтунмæ мæ цурд фат
Нихк'уриц æлдартæн æдæрсгæй,—
Истæ цæгъдунцæ нæ мæстæй,
Лæк'ун кæнунцæ нин нæ цард...
Зин æнæ бæрцæ æй се 'фхуард,—
Æз нæ хæссун мæ сæрмæ уой.
Додой æлдартæн нур, додой!
Мæнбæл сиййевдзи æй и хор,
Мæн маке хонæд нур уосгор...
Цæрæд æд фарнæ Дигиза,—
Æдас, æнцойнæ ирæза.
Мæнæн ма кæнтæ уой лæвар,
Æз дæн æлдартæй нур тогдар...
Фæрсæй кæсуй мæмæ адзал...
Æнцæ æрмæст мæнæн æмбал
Мæ топп, мæ кард æма мæ бæх.

Мне дочь в тот черный, горький час.
Пусть имя славится твоё!
И дочь моя — пусть будет так —
Женой к тебе, Темур-Алсак,
Придет... Не в рску же се
Бросаю я...» И стар и млад —
Все старика благодарят,
Поступком тронуты таким.
Кто руку жмет, кто перед ним
Снимает молча шапку... Вдруг
Так тихо стало все вокруг,
И каждый чутко слух напряг.
Кетонцам говорит Алсак:
— Я сватал Дигиза. Отказ
Я получил. О чем сейчас,
Хотелось бы спросить мне вас,
Еще мы будем речь вести?
Назад отрезаны пути,
Их вновь не проложить никак.
Я не был бы тогда Алсак,
Коль взять решился б то, в чем раз
Уже я получил отказ.
Любовь в груди моей жила.
Ее обида обожгла.
Алдар теперь в земле лежит.
Но почему он мной убит?
Насильников жестоких я,
Их гнета — не могу терпеть,
И пуля верная моя
Готова их разить и впредь.
Желаю счастья Дигиза.
Какой теперь я вам жених?
Иных стремлений, дум иных
Огонь мне заглянул в глаза.

Зæнхæн æ сау, арвæн æ цъæх,—
Мæнæн игъауги нæбал йес,—
Æз дæн хæлхъой æма фæдес!
Темур-Алсахъ фæцæй æ дзурд.
Дзинæг кæсуй имæ æмбурд.
Адæм фæцæнцæ æвеллон.
Уомæн неке сцæй дзуаппгъон...

IX

Лигъдæй афонæ бон-бонгай.
Медгъæу кетонтæ сабургай
Сæ куст кодтонцæ, фал уæддæр
Æдас ку н'адтæй сæ къæсæр...
Гъонгæс гъæди хурфæй йеу бон
Уидта изолмæ сæумигон,—
Фæндаг байдзаг æй бæхгинтæй.
Тæрсунцæ мæргътæ сæ уиндæй.
Тумугъ цудæнцæ тар мегъау,
Сæ уинд нимæттæй æй сæнт-сау.
Йе Дзасболати фурт Ахъбад
Цæуй и Кетмæ æд æфсад.
Ахъбад йе 'фсадæн финддзæуæг.
Æ бæх бæрзонд æма тæлтæг.
Ку 'ргъазуй лигъзи хаттæй-хатт,
Ругæй райдзаг уй уæд и над.
Цæуй и Кетмæ тогагор.
Дзинæг кæсуй имæ и хор.

X

Рафтæй йеу мингий фæккиудтæй.
Æфсад гъæугони æрлæудтæй.
Лæууй сæ размæ гъæу æнцад.
Музгъур кæсуй имæ Ахъбад.

Теперь алдаров кровник я.
И солнца свет — не для меня.
Отныне жизнь моя полна
Волнений грозных и тревог.
Дорога у меня одна.
Нет у меня других дорог.
Теперь друзьями я назвал
Коня, винтовку и кинжал.
В ночной тиши и в шуме дня
Выслеживает смерть меня.
Ее везде мне слышен шаг.—
Закончил речь Темур-Алсак.
Не зная, что сказать в ответ,
Молчит народ селенья Кет.

IX

Бежало время день за днем.
И ровным, тихим чередом
Тянулись мирные труды...
Но неминуемой беды
И днем и ночью ждал народ
Селенья малого. И вот
Пастух однажды поутру
Увидел — всадники летят.
И пыль клубится на ветру.
Они — как черный водопад,
Как туча черная, как ночь.
Шарахается птица прочь.
То Дзасболата сын Акбад
По склону всадников ведет.
В лучах рассвета, как в огне,
На длинноногом скакуне
Далеко вырвался вперед.
За кровь отца он мстить идет.

Медгъæу йеу æстуф нæ цæуй.
Айдагъ йеу куй си гъæр неуй,
Æ нифс тохунмæ нæ хæсгæй,
И гъæу æд цъелæ фæллигъдæй.
Ахъбад æ билтæ æууелуй,
Роцъо зулунмæ æрдауй,
Кæнуй цæститæй дзингало,
Скъæруй цума си сурх пеллон.
Æлдар йе 'фсадæн гъæр загъта:
— Фунук гъæуама Кет феста!
Рæстæг ма 'йсафæн лæуунбæл,
Цæйтæ, æндзаргæ и гъæубæл!
Гъæдау фесхустæнцæ æваст
Бæхгинтæ лигъзи 'ма æмраст
Бацæнцæ гъæумæ тумугъæй.
Ахъбад хонуй сæ мургъузæй.

XI

Цæфсуй и гъæу, инод нæруй,
Цирен пеллонтæ æскъæруй...
Фæздæг, æвзаргæ фурзин тох,
Кæнуй фæйнердæмæ зелдох,
Тундзуй цъæх арвмæ тузмæгæй...
Йеуварс æнцойнæ уæлбæхæй
Кæсуй сугъæрдæмæ Ахъбад,
Зилдæй истуй ибæл æфсад...

XII

Йе ка 'й, йе ка 'й — бæхбæл мед арт,
Æргъувд æ къохи æхсаргард,
Уадау бæхгинтама тæхуй,—
Æхе æлдарбæл нинцагъуй...
Гъе æвешайдн уотемæй

Х

Лежит перед алдаром Кет.
В затихших саклях — жизни нет.
Ни звука ветер не принес.
Лишь воет одинокий пес...
Бессильной яростью объят,
Глядит перед собой Акбад.
С врагом принять не в силах бой,
Дома покинув, все село
В окрестные леса ушло,
Все звуки унесло с собой.
Кусает гневно ус Акбад.
Угрюмый, беспокойный взгляд
Его — зловещий мечет свет:
«Пусть в пепел превратится Кет!»
Кривится рот усмешкой злой:
«Предать огню! Сровнять с землей!
Чтоб даже след его исчез!» —
Как сдвинувшийся с места лес,
Рванулись всадники вперед.
Угрюмый их Акбад ведет.

ХІ

Горит селенье. Черный дым
Вздывается, плывет над ним.
Клубится тучей грозовой,
Как бы борясь с самим собой.
Все жарче пламя. В стороне,
Верхом на вероном коне,
Безмолвный, сумрачный Акбад.
Глаза его в огонь глядят.

Фасзард и цъеутæ къуаремæй
Пихсбун ку сбадунцæ цъæхбæл,
Цæргæс бæрзондæй уонæбæл
Æхе зувгæнгæ ницæвуй,
Нихтæй йеубæл æрцæфсуй.
Æнцæф фæцæнцæ дууемæй.
Сæр фæххецæн æй, уотемæй
Бæхæй ку фесхънудта Ахъбад.
Алсахъ нæ фехалдта æ бадт.
Айдагъ фесхънудтæй æ йеу гъос,
Тогæй нийгъæндæн æй æ рос...
Æ раз райдзаг æй бæхгинтæй,
Тохуй сæ хæццæ цъинггитæй.
И тох ситинг æй. Тог кæлуй.
Йеу къуар си тоги æвдулуй...
Зæлланг кæнунцæ кæрдтæ карз,
Фал тагъд Алсахъмæ кедæр арц
Уæд фæрсаууонæй æргъузтæй,—
Алсахъ ку 'рхаудтæй рæхустæй...

XIII

Хор ниннигулдæй. 'Хсед цæфсуй.
Йефстагмæ ирдгæ æрдумуй.
Хæссуй изолти сугъдæсмаг.
Не 'змæлуй гъæуи адæймаг...
Кæсæг авд марди йефхæсгæй,
Уайтагъд фезол æнцæ гъæуæй.
Айдагъ байзадæй ма йеу мард,
Мед къох федар ниндарг æй кард.
Йе æй Алсахъ... Æнцад лæууй.
Æ тог аллирдигæй кæлуй.
Йе нæбал фæстдзæнæй, нæбал,—
Хуссуй æносмæ æнигъал.

XII

Кто сквозь трескучий вал огня,
Пригнувшись, торопя коня,
На торжествующих врагов
Летит, безмолвен и суров?
Вот так же точно с высоты
На безмятежные кусты
Орел стремительный летит
И птицу средь ветвей когтит.
Лицо — в лицо. Алсак — Акбад.
Как будто сабли — взгляд на взгляд.
Их сабли быстрые звенят.
На землю падает Акбад.
Прочь отлетела голова...
Задетый саблею едва,
Алсак летит в толпу врагов.
Вот уже, уже тесный круг.
К нему, в сверкании клинков,
Протянуты десятки рук.
Бой жаркий длится, смерть кружит.
И не один в крови лежит.
Не умолкает воронье...
Вот сзади острое копьё
Подкралось, как коварный враг.
На землю падает Алсак.

XIII

Разносит ветер гарь в тиши.
На пепелище — ни души.
Заря вечерняя взошла.
Враги знакомою тропой
Спешат от мертвого села,

Æ тар будурти рæдзæхсгæй,
Æхсæвæ гъæумæ æрхæццæ 'й.
Гæлдзуй и мардмæ æ пæлæз,
Цума кæнуй ин тæфирфæс.

XIV

Йе ка 'й,— талинги ка цæуй,
Æррæстæ мардмæ ка гъузуй?
Æ къах Алсахъмæ ке хæсса?
Йе æй Сеойти Дигиза...
Абони тохмæ и гъæдæй
Дзинæг и кизгæ фæлгæстæй...
Уæлмард талинги нур кæуй.
Тъинггай цæстисуг рæдæдзуй.
Стæй — астмæ марди æртохгæй,
Цæсгон дауй ин æ къохтæй.
Темур-Алсахъ, Темур-Алсахъ,
Нур дин и кизгæ æнæ хахъ
Уæлмард æргон кæнуй æ уарзт.
Фал цæмæн адтæ ду хеваст?
Ду фудæнæйги Дигизай
Фæсвæд иронхи ннуагътай...
Фал йе не 'сфæлхæттæй уæддæр,
Даруй гъæбеси нур дæу сæр.
Æнцæ зæрдитæ муггаггай,—
Цæй, гъаст ма 'рхæссæ, уо кизгай...

XV

Сæумæй кетонтæ дзæндæлæй
Цудæнцæ гъæумæ мæтгæлæй...
Фудгол ку рандæ 'й, ку, бæргæ,
Фал куд кæнонцæ ма цæргæ?

Семь трупов увозя с собой.
Шаги их смолкли вдалеке...
Один лишь — с саблею в руке —
Лежит не шевелясь, пластом.
Свалила тяжкая страда.
Заснул он непробудным сном.
Не встанет больше никогда.
В усталой тишине густой
Сквозит прохлада. Тихий плач
Заводит ветер. Черный плащ
Ночь разворачивает свой...

XIV

Вот быстрые шаги слышны.
Кто среди кровавой тишины
Спешит к убитому? Она,
Сеойти Дигиза... Полна
Душа тоски. В ней боль и мрак.
Темур-Алсак, Темур-Алсак...
В безмолвие погружена,
Во тьме гнетущей, как в дыму,
Склоняется к нему она.
И гладит волосы ему.
Она верна любви своей.
Как горько, о как горько ей
Любовь сегодня открывать,
К губам холодным припадать...
Ты спишь, Алсак. Твой сон глубок.
Ты горд был. Ты простить не мог
Обиды сердца своего.
Ты, девушка, прости его...

Сæ гъæу æд бунтæ ниссугъдæй,
Алсахъ — се 'хсарæ мард фæцæй...
Лæудтæй æ цори кизги мард,—
Рæсагъд æ реун фиййаугард.
Йе æй Сеойти Дигиза,
Хуæрзмæ 'й нгъосæг имиса...
Лæууй уæлгоммæ йе æнцад,
Цæсгон æнвæйнæ мæрдивад.
Мæрдтæн кетонтæ æмбурдæй
Рохсаг загътонцæ æмцъухæй...

XVI

Тундзуй Ирæфмæ Хæзнидон.
Уинуй фалдзоси и бæлццон
Йеу къуар уобайтæ гъенур дæр,—
Сæ йеу иннетæй æй хуæздæр.
Уой медæг арфи дуумæй,
Хæрниæгъ æрцæнцæ, уотемæй
Нур Дигиза æма Алсахъ
Йеумæ лæуунцæ æнæ халхъ.
Цæруй сæ хæццæ калм-зæрин
Цæрдæг, гъинггаг æма зæрдгин...
Йескæд хебарн кæд тæрхъос,
Телгæй фæйнердæмæ æ гъос,
Хæстæг уобаймæ æрцæуй,—
Уæд калм фæдеси скъотт кæнуй.
Æваст нисхъæтæг уй и сирд,
Тæссæй нийдайуй йе лæуирд.

1934

Мостиздах

XV

В село вернулись — нет села.
Селенье сожжено дотла.
И ветер пепел разметал.
Алсак — надежда их — убит.
А рядом на земле лежит
Труп девушки. В груди — кинжал
Пастуший. Это Дигиза.
Закрылись ясные глаза.
Безмолвна, холодна, бледна.
В объятиях глухого сна...
Пусть имя гордое ее
Звездой горит среди высот.
Сиянье чистое свое
Сквозь дни и годы пронесет.

XVI

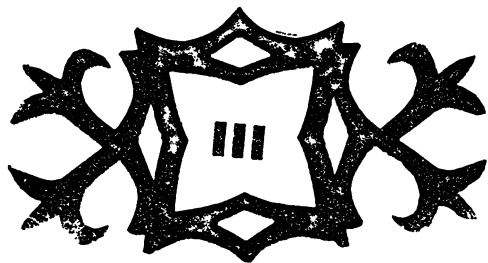
Не умолкает мягкий звон —
Бежит к Ирафу Хазнидон.
И камни точит на бегу...
Склеп видится на берегу.
В прохладном, темном склепе том
Алсак и Дигиза вдвоем
Лежат уж много, много лет.—
Обиды между ними нет...
И с ними долгие года
Змея среди камней живет,
Сверкающая, как вода.
И если зайца иногда
Тропинка к склепу подведет,
Змея встревоженно шипит —
И заяц в страхе прочь бежит.

1934

Мостиздах

* ДУУÆ ФИЙЙАУИ
(Дигорон кадæнгæ)

Бæргæ ницæгъдуй
И Уази фиййау
Æ даргъ хæтæлæй
Сау хонхи фиййаумæ:
— Уой, ку фесафдтæн,
Ку исцæунцæ
И Биаслантæ
Дууадæсемæй!
Дууадæсемæй,
Тухæ кæнунмæ,
Тухæ кæнунмæ,—
Мæ фонс йссунмæ!
Бæргæ ницæгъдуй
Сау хонхи фиййау
Уæд даргъ хæтæлæй
Уази фиййаумæ:
— Уой, ма тæрсæ, ма,
Мæ уарзон лимæн! —
Дæ дзоги æхсæн
Йес стур сау сæгъæ.
Дæ нуазгутæн
Ду йеци сæгъæ,
Таведзæгæнгæ,

* ДВА ПАСТУХА

(Дигорская быль)

От горы к горе
Звук свирели мчит.
Звук свирели шлет
Пастуху пастух:
— Горе, горе мне!
Целой дюжиной
На меня идут
Биаслановы.
Целой дюжиной
На меня идут
Стадо у меня
Отобрать хотят.
От горы к горе
Звук свирели мчит.
Пастуху в ответ
Говорит пастух:
— Ой, не бойся ты
Ничего, мой друг.
В стаде у тебя
Черный есть козел.
Ты гостям своим
Заколи его.
Встреть приветливо

Ракосарт кæнæ.
Сæ хуæрди усми
Фæффæдес кæнæ
Дæ фонсмæ, цума
Сирд лæборæг йес.
Дæ рауади-йеу
И басы агæ
Ду ракъуæрдзæнæ
Дæ галеу къахæй.
Уæд фесæфдзæнæй
Хуцаун фæндæй,
Хуцаун фæндæй
Дæ тухгин æзнаг!
Уæд ку схъæрттæнцæ
И Биаслантæ
Сæумæ рагнау
Уази фиййаумæ.
Ракосарт кæнуй
Æ нуазгутæн
Æ сау нæл сæгъæ
И Уази фиййау.
Сæ хуæрди усми
Фæффæдес кæнуй,
Æ фонсмæ цума
Æрбалæбурдæй.
Æ рауайунбæл
И басы аги
Æ галеу къахæй
Ку рацæй къуæрдта.
Ку рахæлеутæ 'й
И цуан' агæй
И сау зæнхæбæл
И тæвдæ басæ.
Уæд йе 'рбаздахтмæ

Ты гостей своих.
В час, как сядут есть,
Ты тревогу бей —
Будто зверь напал
На отару коз.
Невзначай ногой
Опрокинь котел.
И погибнет твой
Ненавистный враг.
Вот взошла заря,
И пришли они,
Биаслановы,
Целой дюжиной.
Словом ласковым
Встретил их пастух.
Он зарезал им
Черного козла.
В час, как стали есть,
Вдруг вскочил пастух,
Будто зверь напал
На отару коз.
И ногой котел
Опрокинул он.
И кипящий суп
По земле потек.
Возвращается —
Биаслановы
Все мертвы лежат.
Обварил их суп.
От горы к горе
Звук свирели мчит.
Звук свирели шлет
Пастуху пастух:
— Что же делать мне?

Уази фиййауән
Æ нуазгутæ
Ниддæргъмитæ 'нцæ,
Ниддæргъмитæ 'нцæ
И зæнхи астæу,
Ра-сæбæл калдæй
И тæвдæ басæ.
Йæргæ ниццæгъдуй
Уæд даргъ хæтæлæй
И Уæзи фиййау
Сау хонхи фиййаумæ:
— Тæрегъæд гъуддаг
Цæмæн бакодтай?
Фачцæгъдунн 'нцæ
Мæ нуазгутæ,
Нæ ниттайдзæнæй
Уонн тæрегъæд,
Уонн тæрегъæд,
Мæ уарзон лимæн.
И сау зæнхæ дин
Дæ мæд бунати
Ку ниттондзæнæй
Хуцаун дзурдæй...
Ку ниццæгъдуй уæд
Сау хонхи фиййау
Æ даргъ хæтæлæй
Уази фиййаумæ:
— Мæгур адæмæн
Тухгæнæгæ ка уа,
Ис де 'уазгутау
Фудфæндæг фæууа...
Нур йæццгæсæфд
Фæди фæдмæ дæр
Нæ тухгæнæгæ утæн

Вышел страшный грех —
Гости на земле
Все мертвы лежат.
Как же быть, мой друг?
Злодеяние
Не простится мне.
Волей божией
Под тобой земля
Пусть провалится.
От горы к горе
Звук свирели мчит.
Говорит в ответ
Пастуху пастух:
— Тем, кто бедный люд
Притеснять идет,
От гибели
Не уйти вовек.
Смерть гостей твоих —
Всем насильникам
Недурной урок.
Пусть же эта весть
Далеко летит.
От таких вестей
Злая власть падет
Биаслановых.

1923

Дэжцэн байгаа!
Нур уош коймэ
И Бласлантан
Хяуаг бэллэсэу
Сэ нифе басэгта!..

1923

✱ УÆХАДÆГИ ФУРТ МИНГИЙ ГУЙМАН

(Дигорон кад æнгæ)

I

Устур Дигори

Устур нихæси

Æримбурд æнцæ

Дигори адæм.

Кæрæдзæй фæрсгæ

Ку дæс кæнунцæ:

— Ци 'й, цæй гъæртæ 'н'æ

Нæ уæлцъететæ?

Цитгин Хæреси

Уорс хонхи сæри

Цæбæл тохунцæ

Уорс йелинатæ?

Уорс йелинатæ

Нæ уодзæнæнцæ —

Уæхадæги фурт

Мингий Гуймани

Топпи гæрæхтæ

Ку уодзæнæнцæ.

Ка фæццæудзæнæй

Уорс хонхи сæрмæ?

Ка базондзæнæй, —

Ци гъæртæ цæуй?

Уæд рагæппи кæнуй

И бадæн дорæй

Гуймани æрдхуард

Биати Хъасбол.

— Фæццæудзæнæн æз

Уорс хонхи сæрмæ,

*** СЫН УАХАДАГА, МАЛЕНЬКИЙ ГУЙМАН**

(Дигорская быль)

I

На большой нихас
Все идут, спешат.
Высоко в горах
Гулкий ходит гром.
Приумолкли все
В удивлении.
— Кто встревожил сон
Белых Ангелов?
Говорят внизу:
— То не кто иной —
Сын Уахадага,
Маленький Гуйман.
— Кто поднимется?
Кто расскажет нам,
Что за выстрелы
Там, вверху, гремят?
И вскочил тогда
С камня паренек:
— Я, Гуймана друг,
Касбол Биати.
Я взберусь туда.
Я узнать готов,
Что за выстрелы
Там, вверху, гремят.

Æрхæсдзæнæн уин
И гъæрти бæрæг.
Ку базондзæнæн
И гъæрти бæрæг,
И гъæрти бæрæг
Æз аци бонæ.

II

Цæведтонгæ ма
Фæдесон адтæй,—
Уорс хонхи сæрмæ
Ку исхæццæ уй
Уæхадæги фурт
Мингий Гуйманмæ
Биати Хъасбол,
Æ йеунæг æрдхуард.
— Уо, хуарз байрайай,
Ме 'рдхуард æнгарæ!
— Æгас æрцæуай,
Ме 'стур раст лимæн!
Ци хабар зæгъай,
Атæ рагиау
Фæдесон хузæй
Кæцæй фæцайсæ?
Уæд дзоруй имæ
Биати Хъасбол:
— Мæн рарвистонцæ
Нихæси адæм
Бæрæг кæнунмæ,—
Ци гъæртæ цæуй
Уорс хонхи сæрмæ.
Бæргæ нихходуй
Уæхадæги фурт
И мингий Гуйман:

II

Будто поднятый
По тревоге, вмиг
Между скал исчез
Касбол Биати.
— Будь благословен,
О мой лучший друг,
Сын Уахадага,
Маленький Гуйман!
— Здравствуй, здравствуй, друг
Касбол Биати.
Что за весть принес
Ты в такую рань?
Говорит и ответ
Касбол Биати:
— Я пришел узнать,
Что за выстрелы
Здесь, в горах, гремят.
Засмеялся тут
Сын Уахадага,
Маленький Гуйман:
— Что за выстрелы?
Погляди сюда.

III

Глянул со скалы
Касбол Биати —
Туры там лежат
Грудой целою.
Зависть черная
Сердце жжет огнем.
— Подойди сюда,

— Ци гъартæ цæуй? —
Ку никкæсисæ
Айнæги бунмæ...

III

Айнæги бунмæ
Бæргæ никкæсуй
Биати Хъасбол,
Гуймани æрхуард.
Æдтæгуæлетæ
И дзæбодуртæ
Айнæги бун
Бæргæ лæуунцæ.
Басоцъа кæнуй
Гйаури зæрдæ.
Æрбалæуун кæнуй
Мингий Гуймани
Айнæги нихмæ.
Айнæги нихæй
Уой ку фенсонуй
Æ йеугур тухæй
И налат æлгъист.
Уæд ку рахауй
Айнæги бунмæ
Уæхадаги фурт
И мингий Гуйман.
И къæбуртæбæл
Ку ниммортæ уй,
Ку ниммортæ уй,
Тог пурхæнгæнгæ.

IV

Ку æрхæццæ уй
Æ цауæйнон куй,

Рядом встань со мной,
Вот сюда, на край...—
И толкает вдруг
Всею силою.
Полетел Гуйман
В пропасть темную.

IV

Прибежал Селон,
Пес охотничий,
К дому своему,
Воет жалобно.
Зарыдала мать:
— Мой очаг погас.
Где ж ты, где, мой сын,
Мой единственный?

V

Что случилось там?
Люди вверх идут.
Их ведет Селон,
Пес охотничий.
Вот до пропасти
Добираются.
Видят, мертв лежит
Сын Уахадага,
Маленький Гуйман.

VI

Что случилось там,
Высоко в горах?

Селон ка хундтæй,
Уæд хæдзарæмæ.
Бæргæ ниннеуй
Зæрдæ унгæгæй
И бийнонтæмæ.
Уæд ку нимбохуй,
Ку нидзэдзинназуй
И мади зæронд,
Æ киндзæ 'рдæмæ
Уæд ку февналуй:
— Мæ арти уазал,
Мæ йеунæг фуртбæл
Цидæр ку 'рцудæй!

V

Фæффæдес унцæ
Уæд гъæууон адæм,—
Селони фæдбæл
Исцæй цæунцæ
Айнæги бунмæ.
Айнæги бунæй
Бæргæ райсунцæ
Уæхадæги фурт
Мингий Гуймани.
Ку æрхæссунцæ 'й
Æ хæдзарæмæ,—
Намусти хæццæ 'й
Банигæнунцæ.

VI

Бийн фуртбæл,
Гйлаур налатбæл
Уæд райдæдтонцæ
Гурусхæ кæнун.

И хистін боні
Уой ракенунцэ
— Может, скажешь ты,
Касбол Биати?
В небо выстрелим.
Коль ты чист душой,
Пуля быстрая
Не найдет тебя.
Но коль есть вина,
Пуля, падая,
Прямо в голову
Поразит тебя.

VII

В небеса ушла
Пуля быстрая.
В ожидании
Замер весь народ.
Наземь падает
Касбол Биати.
Прямо в голову
Пуля врезалась.
Ясно стало всем,
Чьей злой рукой
Смерти предан был
Сын Уахадага,
Маленький Гуйман.

1923.

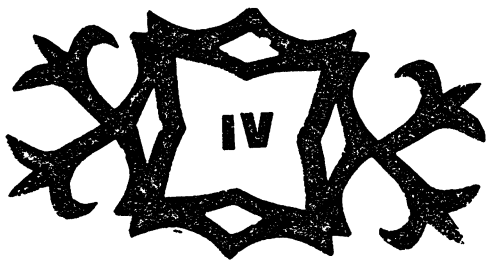

Тургын астаумă:
— Топп ку фехсдзинан
Мах арвардæмæ.
Дæ фидбилизæй
Кæд неци 'рцудæй
Де 'рдхуард Гуйманбæл,
Уæд топпи фат дæр
Нæ багездзæнæй
Дæу йе 'рæздагъди.
Фал де 'стур лимæн
Дæу лази фæрци
Кæд рацæй-хаудтæй
Айнæги сæрæй,
Уæд топпи фат дæр,
Ку æрцæй-хауа.—
Дæ тæккæ сæри
Ку ниссæддзæнæй.

VII

Топп ку фехсунцæ
Арвардæмæ...
Ку нигъгъос унцæ
И хисти адæм.
Йеу усми фæсте
Фат ку 'ртъупп кæнуй,
Хъасболи сæри
Ку ниффедар уй.
Ку базонунцæ
Уæд гъæуон адæм,
Биати Хъасбол,
И гйаур налат
Ке рацæйгæлста
Лимæн-æууæнкæй
Уæхадæги фурт
Мингий Гуймани.

*** ЦАУÆЙНОНТÆ**

Ису архайди водевил

И ГЪАЗГУТÆ:

ПОЦО — 70-анзиккон	}	цауæйнæнттæ
ТОТАЙ — 45-анзиккон		
САЛАТ — 30-анзиккон		
ДУДАР — 70-анзиккон, муддар		
ФИИИАУ — 35-анзиккон		

*** ОХОТНИКИ**

Восемь в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Поце — 70 лет	}	охотники
Тотай — 45 лет		
Салат — 30 лет		
Дудар — 70 лет, пасечник		
Пастух — 35 лет		

(Гъæдгæрон, зæронд цосонгæ, фæйимæ цауицæ цауæйнæнтæ —
По цо. Т о т а й, С а л а т æд хурдзинтæ 'ма æд топпитæ.)

Т о т а й. Цæй, рабадетæ æнцад,
Исуадзетæ уæ фæллад.
Æртæ бони нур дзæгъæли
Мах сирдти фæсте хатæн.
Æхсæвеуат æркæнæн,
Нæ фалдзоси зад гæнгæли,
Йес кæрдзин æма арахъ,
Цæй, банцайæд, уæ булгъахъ.

С а л а т. Æртæ бони —
Мингий усмæ сæ нæ хони.

Т о т а й (По цомæ). Гъей, ци кæни, ци, Поцо?
Ку нæ дауи дæ роцъо,
Цæбæл æрдæ мæлдзой уг,
Цæбæл балхийæй де 'рфуг?
Цæй, радтæ мин дæ ниуазæн,
Мах мæгъæлти ку нæ гъазæн.

С а л а т. Гъа, февналæ 'ймæ, Поцо,
Ра-си толæ дæ роцъо.

Т о т а й. Сирд нæ равардта хуцау,
Æндæр хатмæ æнгæлдзау,—
Уæд ци 'йбæл кæни гузавæ?
Бунтæй-бунтæмæ ниххафæ
Ду еци синон, Поцо,
'Ма радауæ дæ роцъо.

(На опушке леса старый шалаш. Подходят охотники Поцо, Тотай, Салат с винтовками и хурджунами.)

Тотай. Вот и старенький наш дом.
Здесь немного отдохнем.
Да-а, друзья, не повезло нам...
Третий день по этим склонам
Бродим, а удачи нет.
Сядем, с горя,— за обед.
Арака, чурек, прохлада —
Всё. Чего еще нам надо?

Салат. Прогуляли три денька.
Ну, беда невелика.

Тотай. Эй Поцо! Чего не сядешь?
Бороду чего не гладишь?
Что ты бродишь, сам не свой,
Смотришь хмурою совой?
Недоволен, что ль, привалом?
Подходи сюда с бокалом!

Салат. Вот возьми-ка араку.
Помогает старику.

Тотай. Не дал бог удачи. Чтo же,
Дай ее в другой раз, боже.
Что грустишь ты, старина?
Не печалься, пей до дна.
Наслаждайся аракою.
Бороду погладь рукою.

Поцо, Не о том я, не о том
Беспокоюсь. О другом...
Тут совсем иная штука.

- По ц о.**   Нәй сирдтәбәл мә гузавә,
Ис. җидәр мәнмә унаффә.
- Т о т а й.**   Ци унаффә 'й, цәй, зәгъәй,
Кәд ә кәнгә мәнәй әй?
- По ц о.**   Ис ами хәстәг муддар,—
Мә зәронд лимән Дудар.
Ә еунәг кизгә ә хәццә,
Дзанахан рәсугъд сәтдзәддзә.
Әд әхсәвә, әд-әбонә
Нәбал кәнун зәрдәнцойнә,
Нәбал зонун уоди гъар,—
Фәммнн цотә мийнәвар.
- Т о т а й.**   О, зәронд хәрәг Поцо,
Бәргә дауи дә роцъо,
Фал фур зәрәй ниййизгәй,
Уәд ци кәни ма кизгәй?
- По ц о.**   Гъей, дзәгъәл дзорәг Тотай,
Рәстмә зеләг макәд уай!
Әмбалән мин ку нә бәззи,
Мә зәрондмә мин ци кәси.
Цәппо — ләппо, фиййау ләппо,—
Мә зәрдә ма әй ләппо.
Цәй фәлтауги ду бавзарә
Дә ләгдзинадә, дә хъаурә,
Мә унаффә уәд хәлар,—
Фәммнн цотә мийнәвар.
- С а л а т.**   Уәд аци гъуддаг хәлар,
Фәццәудзинан мийнәвар.

Тот ай. А о чем же? Ну-ка, ну-ка...

По ц о. Здесь недалеко живет
 Друг мой, пасечник. Так вот...
 Дочь его мне ум затмила.
 Дзанахан!.. Мой ангел милый...
 Без нее мне жить нельзя.
 Будьте сватами, друзья!

Тот ай. О Поцо! Осел ты старый.
 Нет тебе достойной кары.
 Борода твоя рыжа.
 Всю ее разьела ржа.

По ц о. Эй, Тотай, болтасшь много.
 Этим милости от бога
 Не заслужишь никогда.
 Что ты смотришь на года?
 Спорить я могу с тобою —
 Я любого парня стою.

Чем болтать-то, паренек,
 Лучше б другу ты помог.
 Дружбой — вы ль не дорожите?
 Ну, прошу. Не откажите!

С а л а т. Ладно. Порешим на том.
 Мы согласны. Мы пойдем.

Тот ай. Ладно. Я отвечу то же.
 Другу не помочь — негоже.
 Я за друга жизнь отдам.
 Пусть же бог поможет нам.

Т о т а й. Цæй, фæууæд æдта уæ загъд,—
Исарази дæн æз дæр.
Уæ сæрвæлтау уæд мæ сæр,
Фал гъуддаг гъæуй ратагъд.

П о ц о (æд сийнон.)
Уæ цæрæнбон берæ уа,
Мæлæт уин æппун ма уа,
Æрцудæнцæ мæ рохс фунтæ.
Нур аци синон æд бунтæ
Ку ниуазун уæ туххæн,
Фал унаффæ бакæнæн,
Æнæ унаффæй гъуддаг —
Кæддæриддæр æскъудздзаг.

С а л а т. Бахатир кæнтæ, кæстæр
Дæн уæ цори, фал уæддæр,
Æз корун уи дзурди барæ.
Нæ лæгдзинадæ, нæ хъаурæ
Мах бавзаруйнаг кæд ан,
Уæд гъæуама Дзанахан
Æрцæуа абони скъавд,—
Æнæмæлгæй уæд нæ гъавд.

Т о т а й. Мæнмæ гæсгæ, нæ гъуддаг
Мах бавзарæн бал фиццаг
Исаразун мийнæварæй,—
Кæд не 'суа нин,— уæд не 'хсарæй.

П о ц о. Æй дæ фæндæ рæвдзæдæр,
Хеваст миуæ нæй хуæздæр,
Æрветун уæ мийнæвари,
Бабæрæг кæнтæ Дудари,—
Агорун æй хæстæгæн

По ц о (с рогом).

Пусть всем счастье улыбнется!
Пусть же смерть вас не коснется
Никогда! Ну, в добрый час!
Этот рог я пью за вас —
Чтоб победа увенчала
Наше дело! Но сначала...
Все обсудим, разберем.
Надо действовать с умом.

С а л а т.

Хоть средь вас я всех моложе,
Всех неопытней, но все же
Слово краткое сказать
Мне бы вам, друзья, хотелось:
Коль хотим мы испытать
Наше мужество и смелость —
Предложение мое:
Выкрасть мы должны ее!

Т о т а й.

Нет, скажу я. Поначалу
Мы посватаем, пожалуй.
А не выйдет — вот тогда
Мы ее похитим, да.

По ц о.

Да, да, да. Вот так вернее.
Может, мирно сладим с нею.
Разгорайся в сердце, жар.
Сватов жди, старик Дудар!
Защищайся от удара,
Сердце старого Дудара.
Коль потребует калым —
Лошадь пусть берет, черт с ним.

Зæрднуагæй мæхецæн.
Кæд баагора ми ирæд,—
Мæ къода бæх уой фæууæд.

Тотай.

Цæй, гъуддаг мин иур зунд æй,
Дзæбæл дæр ма цæмæн æй?
Ду ами лæууæ, Поцо,
'Ма не 'рцудмæ дæ роцъо
Радаунсæ æнгæлдзау,
Кæдимийди-ма хуцау,
Мæ уод ин фæууа нивонд,
Æрингъохидæ амонд.

Поцо (*æд ниуазæн*).

Цæй, фæууотæ фæндараст,
Гъей Уасерги,— дæ фæдзахст!
Цæй, ниуазæнтæ — æнкъупп!

(*Тотай йесуй авгæ.*)

Гъей, Никкола, Тæтæртупп,
Рафæлгæсетæ бæрзондæй,
Ма ниууагътæ æнамондæй
Мах аци бон. Нæ гъуддаг
Фæди-фæдмæ уæд цийнаг.

(*Ниуазуй.*)

(*Тотай æма Салат истунцæ.*)

Тотай.

Цæй, Уасерги фæккæнæд
Мах абони фæндараст.
Гъей, Никкола, дæ фæдзахст,—
Нæ гъуддаг уæ барæ уæд.

(*Ниуазуй.*)

Т о т а й.   Дело сделаем умело.
                          Что же медлим мы? За дело!
                          Ты, Поцо, пока присядь.
                          Бороду свою погладь.
                          Потерпи немного. Богу
                          Помолись. А мы — в дорогу.
                          Где же ты, Салат? Вперед!
                          Может, нынче повезет.

П о ц о (с бокалом).

Выпьем, други, за удачу.

(Тотай берет бокал.)

От волненья чуть не плачу.

От любви совсем я глуп.

О Никола, Татартуп¹,

Помогите в нашем деле.

Скоро, скоро... Неужели?

(Пьет, Тотай и Салат стоят.)

Т о т а й.   Ну, мой друг, скорее в путь!
                          Укрепим отвагой грудь.
                          Пусть удачу бог пошлет нам!

(Пьет.)

С а л а т.   Будет пусть сукио добротным!

(Пьет.)

Т о т а й.   Ну, Поцо, желай добра.
                          Отправляемся. Пора.

(Уходят.)

---

¹ Т а т а р т у п — один из святых.

С а л а т. Уæ кувдбæл фæууæд мæ кувд,
Уæд нæ тунæ фæрнгун уфт!

(Ниуазуй.)

Т о т а й. Гъенур ду, Поцо, хуæрзбон,
Мах Дудармæ — фæндараст!
(Рацудæнцæ.)

П о ц о *(ходайстæй).*

Уо, ме скæнæг, дæу фæндон
Уæд аци гъуддаг арæзт.
(Æхемæ æркæститæ кæнуй æ роцъо дауй.)

Мæтæй дин мæлуй Поцо,
Ку нæ дауй æ роцъо.
Дæ роцъо, дан, ниййизгæй,
Ци ма, дан, кæни кизгæй.
Уæ фесæфайтæ фæлтау
Уæ гъæлай фæрци биндзау,
Фæххæсдзæнæй си мæ зæрдæ,
Фæрресдзæнæнца мæ 'гæртæ.
(Скъотт зарæ кæнуй йеу усмæ.)
Фал, кай зонуй, нæ муддар,
Мæ зæронд лимæн Дудар
Ци зæгъдзæнæй, куд уодзæнæй?
Æнгъæлдзау дæн, исодзæнæнæй
Æвæццæгæн, мæ гъуддаг.
Батар кодтон дууæ уосн,—
Дзанахан мин æртиккаг.

(Скъотт зарæ кæнуй. йеу усмæ нийгъос уй.)
Зарунгъæр цæуй мæ гъоси.
Кæмидæр заруй фиййау
Уæртæ пихси æндиау.

Поцо (снял шапку).

Да, задумали мы смело...
Сердце радостью запело.

(Осматривает себя, поглаживает бороду.)

А Поцо ведь не дурак.
Он умен. Да еще как.
Знает, знает, старый, дело.
Борода, мол, поржавела!
И любить, мол, не велит
Возраст — печень заболит!

(Некоторое время насвистывает что-то.)

Но, однако, кто ответит,
Как приятель сватов встретит
С предложением монм?
Что на то он скажет им?
Примет как? Но мне сдается,
Все как надо обойдется.
Пережил уже двух жен.
Третьей буду убажен.

(Насвистывает, прислушивается.)

Чу! Прислушаюсь-ка. Где-то
Голос раздается. Это,
Видимо, пастух поет.
Дело хорошо пойдет.
Не отклонится от плана —
Вечером куплю барана.
Будет жареный шашлык.

(Насвистывает.)

Кæд сингъеза мæ гъуддаг,
Уæд фиййауæй косæрттаг
Æрилхæндзæнæн изæри,
'Ма ахсæви а къæлдæри
Исирæздзæнæй минасæ,—
Бор фезонæг, бор æлвасæ.

(Скъотт зарæ кæнуй йеу усмæ.)

Хинст хуæдтолгæ бæргæ ундæ,
Муди бæтман æркалидæ
Мæ зæронд кайес Дудар,—
Хумæтæги нæй муддар.
Бор фезонæг муди хæццæ,
Дзанахан рæсугъд сæддзæццæ...
Мæтæй дин мæлуй Поцо,
Ку нæ дауй æ роцъо.

(Скъотт зарæ кæнуй йеу усмæ.)

Æндæмæ бал рахæсон,
Гæнгæлитæ æрхæссон.

*(Рацæуй æндæмæ скъотт заргæй, уосонгæ йеу дзæвгарæ лæууй ре-
вæдæй, уæдта фæззиннуй фиййау заргæ.)*

Ф и й а у.   Уой рирæ, рирæ,
                    Уой рирæ, рирау!
                    Æз дин ци уарзун,
                    Кизгайти-кизгай,—
                    Дæ ходгæ цæстæ,
                    Дæ къæлæт æрфуг.
                    Уой рирæ, рирæ,
                    Уой рирæ, рирау!

(Фенгаст æй авæг æмæ сирæмæ, есуй авæгæ. Кæсуй имæ æмæ дзоруй.)

Да, тут был бы пир велик.
Вот бы было хорошо-то...
Тесть Дудар принес бы соты.
Неприменно принесет!
Дзанахан! Шашлык! И мед!
А Поцо ведь не дурак.
Он умен, да еще как.

(Насвистывает опять.)

Эх, вы годы удалые!
Поищу-ка гангали¹ я.

(Насвистывая, уходит. Шалаш некоторое время пуст, потом появляется пастух.)

П а с т у х *(поет).*

Ой рира-рира,
Ой рира-рира!
Что люблю в тебе,
Моя милая,—
Это бровь дугой,
Это ясный взгляд.
Ой ри-ра-рира,
Ой рира-рира!

(Вдруг увидел бутыл с аракой и рог, взял бутыл, смотрит на нее.)

Вот она, родная! Ну —
Всех покойных помяну.
(Наполняет рог, выпивает его до дна.)

Да... Недурно для начала.
Прямо к сердцу побежала.

(Снова наполняет рог, пьет.)

---

¹ Г а н г а л и — кервель.

Мәнә, мәнә и цыруйнаг,
Кедәр мәрдтә имисуйнаг.

(Сиуә идзаг кәнуи әмә ниуазуй.)

Уох, уох, уох! Цәй карз әй, цәй!
Раст зәрдәмә ныхәццә 'й!

(Идзаг кәнуи сиуә әма ниуазуй.)

Æвеллон әма тәмәс,—
Ард хуәрун нуртәккә әз,
Фудконд уоси уагъд ке нәй!

(Йеу ма дәр уадзуй әма ниуазуй.)

Уох, ку 'рцардтән, ку, дәдәй,
Сәр йеу минги бабиндзә 'й!

(Ивәруи авгә әма сиуә. Заруй.)

Æз дин ци уарзун,
Кизгайти рәсугъд,—
Дә нарәг астәу,
Дә ходгә билтә,
Уой рирә, рирә,
Уой рирә, рирау!
Дә ходгә билтә,
Дә нарәг астәу!

(Заргә рацәуй уосонгәй. Йеу усми фәсте фәззинуй Поцо.)

П о ц о *(Дудари рауингәй.)*

Гъей, бунатмә, нә муддар,
Мә зәронд лимән, Дудар!

Д у д а р.

Уә бунат дәр гириззаг,
Дәхуәдәг дәр гириззаг!

А искрится — как кристалл.
Кто варил, тот дело знал.

(Снови наполняет рог, пьет.)

Чудодейственная влага!
Нет на свете выше блага!

(Поет.)

Что люблю в тебе,
Моя милая,—
Это тонкий стан,
Губы алые.
Ой рира-рира,
Ой рира-рира!
Это тонкий стан,
Губы алые.

(С песней выходит из шалаша. Через некоторое время появляется Дудар, потом Поцо.)

Поцо *(увидев Дудара).*

О Дудар! Друг старый мой!
Рад увидеться с тобой.

Дудар. Место ваше гадко. Гаже
И придумать трудно даже.

Поцо. О Дудар, мой старый друг,
Не пойму я, что ты вдруг...
Ну, прошу, взгляни добрее.

Дудар. Да не друг совсем тебе я.

По ц о.

Уой ци хони, ма хæлар,
Ма æронд лнмæн, Дудар?

Д у д а р.

Мæн ма хонæ дæ хæлар,
Нæй æнкъай дæуæн Дудар.

По ц о.

Цæбæл мæстгун дæ ме 'нгарæ,
Цæбæл кæнис дзурдæвзарæ?

Д у д а р.

Кæд н' агори фидбилиз,
Цæмæн кæни уæд гириз?

По ц о.

Ци гириз æй, цитæ дзори?
Цæй æрбадæ ду ма цори.
Нæ дзубанди уотемæй
Бакæндзинан дууемæй.

Д у д а р (*лæдзæг телгæй*).

Æвæццæгæн, æнгъæлис
Дудари сæрбæл гириз
Бафедаудзæнæй де 'рдиги,
Фал, сунæг хуцау, ме 'рдиги,—
Æнæмæнгæ ку зæгъон,—
Фæккæндзæнæ фуд фæсмон!

По ц о.

Æгæр устур æй дæ гъелæ,
Æгæр хъæбær æй ма телæ,

По ц о. Ты скажи мне, что с тобой?
Отчего ты злой такой?

Д у д а р. Что — шутить решил со мною?
Я сейчас тебе строю...

По ц о. Ну, о чем ты, друг, о чем?
Сядь-ка. Мы сейчас вдвоем
Дело не спеша обсудим...
Друг мой, ссориться не будем.

Д у д а р (*размахивая дубинкой*).

Издеваться надо мной!
Над моею сединой!
Не-ет, не знаешь ты Дудара.
Жди ответного удара.
А за что, ты знаешь сам.

По ц о. Я совет хороший дам:
Волю не давай рукам!

Д у д а р (*угрожая палкой*).

Я сейчас свою дубину
Об твою сломаю спину!

По ц о (*выхватывает пистолет*).

Опусти дубину, стоп!
Живо схватишь пулю в лоб.

(*Вдруг появляется пастух.*)

П а с т у х. Это что еще за штуки?
Ну-ка, опустите руки.

Ку дин фæссæтта æваст,
'Ма ку сæхседа дæ маст!

Д у д а р (*æвзедуй гъелæй*).

Маст нæ, фал дин дæ сæрбæл
Æрсæттун гъæуй а гъелæ!

П о ц о (*дамбаца фелвасуй*).

Дæ лæдзæг мæнмæ ма тела,
Кснæдта дин дæ реубæл
Ниццæвдзæнæн дамбаца!

Ф и й й а у (*фæззиндтæй æваст,— Поцона*).

Гъей, ци кæнтæ, гъей, ннууадзæ!
Цæбæл цæуй уæ хъис-хъис?
Ма бакæнтæ фидбилиз!

П о ц о.

Бахатир кæнæ, фиййау,
Фал бафарсæ 'й, сонт сирдау
Сонт лæборæ ци кæнуй?

Ф и й й а у.

'Ма фиййау дæр ци зонуй?

Д у д а р.

Гъей, заронд хæраг Поцо,
Ниггеруз æй дæ роцъо,
Робасау уæддæр, æвæдзи,
Дæ думæг телун нæ уадзи.
Нур дæхе фиййауæн раст
Æрбакодтай ду æваст.

П о ц о.

Дæ хуарзæнхæй, о, Дудар,
Мабал дзорæ нур лæвар,
Цо, корæн ди, дæ бунат
Баагорæ æнæ над.

По ц о. Ты прости меня, пастух.
Что он скачет, как петух?

П а с т у х. Да нужны мне ваши свары!

Д у д а р. Эй, Поцо, осел ты старый.
Что там, как лиса, юлишь?
Праведник нашелся. Ишы!

По ц о. Что же делать мне с Дударом?
Слов своих не трать ты даром.
К пчелам уходи своим,
Цел пока и невредим.
(Раздаются выстрелы.)

П а с т у х. Что за выстрелы? Тревога!
Да скорее! Ради бога.

(Выбегают все трое. Некоторое время шалаш остается пустым, потом появляются Тотай и Салат с невестой. За ними появляется и Поцо. Остолбенев, он смотрит на невесту.)

Т о т а й. Что же онемел ты вдруг?
Принимай невесту, друг.
Потрудились мы как надо.
Вот она, твоя отрада.

С а л а т. Ох, счастливый ты, ей-ей.
Ну иди, иди же к ней.
Протяни смелее руки.

По ц о. Я глазам не верю, други.
Может, это все во сне?

(Æваст топпи гъæртæ фæццуджæй.)

Ф и й й а у.

Топпи гъæртæ игъусуй,
Гъей, фæдеси гъæр цæуй!

(Рауайунцæ æртемæй дæр. Йеу дæвæгарæ уосонгæ ревадæй лæууй, уæдта фæззинунцæ Тотай æма Салат киндзи хæццæ. Сæ фæсте фæззинуй Поцо дæр æма никъкъех уй.)

Т о т а й.

Ку никъкъех дæ, ку, Поцо,
Цæй, радауæ дæ роцъо,
Нæ фæдздæгъæл æй нæ гъавд,
Дзанахан-рæсугъд — æскъавд!

С а л а т.

Æнамонд нæ дæ, Поцо,
Хæстæгдæр имæ бацо.

П о ц о.

Мæнæ дес æма тæмæс,
Фун уннун, æнгæлдæн, æз!

Т о т а й.

Цæй, уадзæн сæ нур, Салат,
Нур ралæудтæй сæ сахат.

(Тотай æма Салат рацæунцæ.)

П о ц о.

Нур байзадан еунæгæй.
Дзанахан-рæсугъд, дæ хæццæ,
Уо, мæ уод æма мæ дзæццæ,
Рагæй дæмæ ку бæллун.
Нур ку сесисæ дæ хизæ,
Ходæзмолтæй ку зæгъисæ
Ду еу адгин дзурд мæнæн,
Уæд фурцинæй фур тæмæн
Искæнидæ, нс, мæ зæрдæ.
Уæд зæгъинæ дин цидæртæ,

Тотай.

Ну, пора наедине
Жениху побыть с невестой.

(Тотай и Салат уходят.)

Поцо.

Дзанахан! О, наконец-то!
Радость сердца, Дзанахан.
Я совсем от счастья пьян.
Сколько по тебе страдал я,
Сколько же ночей не спал я!
Если б ты сняла фату,
Улыбнулась бы глазами,
Сердце вспыхнуло б, как пламя.
Если знал бы, что любим,
Снова стал бы молодым.

(Гладит свою бороду.)

Что молчишь ты, дорогая?
Засверкай же, озаряя,
Все вокруг себя, звезда!
Стану сам звездой тогда.

(Пытается снять фату, но невеста упорно сопротивляется. Поцо обнимает ее и старается отбросить фату.)

Ну, сними фату, прошу я.
Губы жаждут поцелуя.
Хоть одним глазком взгляни.
Не стесняйся, мы одни.

(С силой срывает фату, хватая невесту за талию, начинается борьба. Поцо оказался под невестой. Появляются Тотай и Салат, смеются. Невеста поставила на ноги Поцо, сняла фату. Это — пастух. Смотрят друг на друга. Пастух смеется. Поцо в гневе.)

Уæд фестинæ æз æндæр,
'Ма фæуунæ лæхъуæндæр.

(Дай æ роцъо еу усмæ.)

Куд неци дзори, мæ цард,
Цæй, ферттевæ ма ме 'стъалу,
Дæн нуртæккæ æз æвзалу,
Фал фестдæнæн цирен арт.

(Æвналуй хизæ йесунмæ, фал æй киндзæ нæ уадзуй. Æрифтудта ибæл æ цонг 'ма 'й хъуритæ кæнуй. Поцо бабæй ин æ хизæмæ æвналуй.)

Цæй, дæ хизæ нур исесæ,
Дæ ходгæ билтæ равдесæ,
Мæ уоди уод, Дзанахан,
Йесгæ рази ку нæ ан.

(Хизæ тух рæмодзæ кæнуй йеу усмæ, уæдта фæгъгъæбесæй унцæ. Поцо киндзи бунæй фæцæй. Фæззинунцæ Тотай, Салат æма ходунцæ. Киндзæ исуагъта Поцой. Исиста хизæ 'ма дин йе ба фиййау. Кæсунцæ кæрæдземæ — фиййау ходгæй, Поцо мæстгунæй.)

Т о т а й.   Гъей, зæронд хæрæг, Поцо,
Ку нийизгæ 'й дæ роцъо!

С а л а т.   Цæппо-лæппо, фий-лæппо,
Ку нæ разиндгæ лæппо!

..Е М Б Æ Р З Æ Н

1921 а н з и, м а й.

Тот ай.

Отдыхай, не беспокойся.
Молодых заткнуть за пояс
Вздумал, старый ты дурак!

Салат.

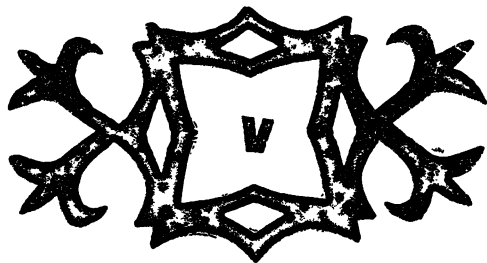
И не вышло? Жалко как!

ЗАНАВЕС

1921.

* ШЕДОГИ МАЛÆТ

Гъæууон къæнцæлармæ бацудæй бæрзонд, ставд кæндтитæ лæг. Зæронд цæрмин пихцилтæ ходæ, зæронд æмпъузтитæ цохъа гæрзин ронæй баст, фæсбунфий худи-халд дзабуртæ,— адтæнцæ æ дарæс. Йе адтæй гъæууон фæдог Дадæ. Цудæй Дадобæл, æвæдзи, æртинсæй анзи фулдæр, уотæ зæгъун æнгъизтæй, уой æнхъирттæ цæсгон æма уорсалист закъæмæ кæсгæй.

Къæнцæлари стъоли сæргъи бадтæнцæ йæфтонг лæхъуæн-лæг, гъæуихецау, æма æд кæсæнцæститæ каргин уруссаг писир.

— Уæ райсом хуарз,— исдзурдта сæмæ Дацо.

— Арфæгонд уо,— загътонцæ ин йетæ дæр.

Йеу усмæ, уæдта гъæуихецау курæти дзиппæй уорс къохмæрзæн исиста æма 'й æ цæсгонбæл радаудта.

— Гъи, Дадæ,— загъта йе æрæгиау,— гъигæ дин уодзæнæй æвæдзи, фал дæ цохвæндæ скодтан.

— Куыд цохвæндæ?— къех фæрсæ ракодта Дадæ.

— Æндæр фæдог ихуæрсæн,— загъта гъæуихецау. —

* СМЕРТЬ ГЛАШАТАЯ

В сельскую канцелярию вошел высокий сутуловатый старик. Старая лохматая шапка из овчины, ветхая, вся в заплатках черкеска, перехваченная в талии кожаным ремнем, на ногах — распоровшиеся чужьяки из сыромятной кожи. Это был сельский глашатай Дадо. Наверное, Дадо было больше шестидесяти лет. Во всяком случае, так можно было подумать, смотря на его сморщенные щеки и поседевшую бороду.

В канцелярии за разными столами сидели подтянутый мужчина средних лет — старшина села и пожилой русский писарь в очках.

— Доброе утро, — приветствовал их Дадо.

— Доброе здоровье, — ответили ему.

Немного погодя, старшина села вынул из кармана своего бешмета белый платок, слегка обтер им свое лицо.

— Ну, Дадо, — наконец сказал он, — тебе, наверное, это будет неприятно, но мы решили уволить тебя с работы.

Ду æрзæронд дæ, дæ хъур сфæлмаст æй, æма фæдогæн нæбал бæззис.

Æгуппæг цума фæцæй, уотæ, йеу усмæ Дадо дзорун-гъон нæбал адтæй, æ бауæр диз-диз кодта; æ хузæ нийвадæй, хедн тæф рагъардта йе 'нхтырттæ тæрпп-хæй.

Дæс æма инсæй анзей бæрцæ йе фæдогæй фæххаттæй гъæргæнгæ устур дзилли гъæунгти. Дадо, цид, ку рацæуи-дæ гъæр кæнунмæ, уæд гъæунгтæ адæмæй байдзаг уи-уонцæ, нихæси зæрæндтæ сæ дзубанди ниууадзиуонцæ, силгоймæгтæ къæрæзгитæй, каути цъæстæй нийгъосиуон-цæ; биццеутæ уадæнцæ, цид, æ размæ. Уотемæй гъæун-гæй гъæунгæмæ, гъæуи йеу кæронæй иннемæ, гъæргæнгæ хаттæй зæронд фæдог Дадо.

Анз дууæ-æртæ хатти бегарай уæрдун æма къæбиси хæццæ дзиллæбæл æрзелидæ æ мизд йесунмæ.

Лæвардтонцæ ин — ка æхца, ка мæнæуæ, ка нарти-хуар, ка æндæр йести. Уотемæй, хуæздæр цардмæ æнæ-бæлгæй, хаста зæронд Дадо æхе æма æ зæронд хæфцæ-стæ уоси,—зæнæг ин нæ адтæй. Ци ма кæна? Куд ма дара æхе, косæн дзаумау имæ ку неци йес?

— Ци дин кодтон? Цæмæп мæ исафис?—кæунгъæлæ-сæй батхалдта йе гъæунхæцаумæ.

— Неци мин кодтай,—загъта гъæунхæцау, —фал динн ку зæгъун, базæронд дæ æма фæдогæн нæбал бæззис.

Дадо куддæр гъæла кæсæ шæккодта, гъæвта ма ци-дæртæ зæгъунмæ, фал уоди унгæгдзийнадæ хъурмæ схъæрттæй æма 'й дзорун нæбал уагъта.

— Как уволить? — поблбднбв, спросил Дадо.

— Нанимаем другого глашатая. Ты уже слишком стар. Голос твой ослаб. Не годишься уже ты в глашатаи.

Ничего не смог выговорить Дадо. Потолок будто бы пошел вниз, голова закружилась.

Тридцать лет ходил он глашатаем, крича во весь голос, по длинным улицам, оповещая народ о каком-нибудь событии. Услышав привычный крик Дадо, люди торопливо выходили на улицу, старики на нихасе прерывали свой разговор, женщины из окон, из-за плетней прислушивались к нему, а мальчишки наперегонки бежали навстречу. Вот так, переходя с одной улицы на другую, из одного конца села в другой, долгие годы нес свою службу Дадо.

Раза два-три в год объезжал он на арбе дворы и собирал свою мзду. Кто давал деньги, кто пшеницу, кто кукурузу. К другой жизни Дадо не стремился. Кормил себя и больную жену. Детей у них не было.

— Что я тебе сделал? Почему губишь меня? — плачущим голосом обратился он к старшине.

— Ничего ты мне не сделал. Но говорю же, составилс я ты.

Дадо хотел еще что-то сказать, но тяжелый ком подкатил к горлу.

— Иди во двор, не мешай нам, — встревоженным голосом сказал старшина.

Колени Дадо внезапно подогнулись. Ему показалось,

— А̇ндæмæ цо, ма нæ х̆ор кæнæ,— загъта ин еу
усми фæсте гъæуихецау.

Дæдо бадонзонуг æй, æ бæрзæй ин, цума, устур
гъелæй ниццæвдæй, уотæ имæ фæккастæй, æма гуппгæн-
гæ рахаудтæй уæлгоммæ.

— Гъей, йесгетæ рацæуæнтæ медæмæ, — радзурдта
къæразгæй гъæунгæмæ гъæуихецау,— мæнæ зæронд фе-
дог Дæдо рамардæй.

1915

что его со страшной силой ударили по шее дубинкой, и он грохнулся на пол.

— Гей, кто-нибудь, идите сюда!— крикнул из окна на улицу старшина.— Старый глашатай Дадо умер.

1915

Сах кастæй рæфтон тæвдæ хор. Æргъау æркъупхæ 'нцæ донбæл æма бонасадæн кодтонцæ. Дони билæбæл, æргъаумæ хæстæг, допхæреси бунн бадтан æз æма зæронд гъонгæс Бидзих.

Цудæй маи бæрцæ, Бидзихи хæццæ кæрæдзей кæдæй базудтан, уæдæй. Æз йеци сæрдæ цардтæн гъæдрæбун уотари, йе ба уоцирдæмæ йе 'ргъау арæх скъæридæ. Æргъау цалдæн рæфтон уолæфт кæннионцæ донбæл, уалинмæ æз æма Бидзих дзубандибæл исбадианæ донхæреси бунн, аууони.

Бидзих адтæй бæзæрхуг, ставдгомау лæг, æ сау цæрмин ходæ, æ зæронд скъудтæ цохъа æмбуд хæдопи æндегæй рагæй æййевуйнаг адтæнцæ, фал ин, æвæдзи, цард уæхæн равгæ нæ лæвардта. Гъунтъуз æрфгути бунæй æнкъард æма дæлбункæсæ кодтонцæ уой фæлмæн цæститæ. Бидзих æнæ уосæ ке 'рзæронд æй, уой зудтон, фал гъуддаг цæмæн уотæ 'рцудæй, йе ба мин бæлвурд нæ адтæй.

— Хуарз нæ 'й, Бидзих,— батхалдтон имæ æз,— æнæ уосæй ке 'рзæронд дæ, йе.

— Ци киндæуа, мае хор,— загъта мин Бидзих гузавæ хъурæй,— амонд агоргæ нæ 'й.

— Нæ, Бидзих, æз уотæ нæ зæгъун.

— Мадта куд зæгъис?

* СКРЫТНОЕ СЕРДЦЕ

Измученное зноем стадо вошло в воду, а мы, старый пастух Бидзих и я, сидели на берегу под ивой. Примерно с месяц мы знаем друг друга. Я в это лето жил при отаре у самого леса, а он в эту сторону часто пригонял свое стадо. Пока овцы утоляли жажду и отдыхали от жары в воде, мы с Бидзихом коротали время в разговорах.

Бидзих был коренастый, полный мужчина. Его черная папаха, рваная черкеска поверх черной рубашки давно нуждались в замене, но жизнь ему, видимо, не представляла такой возможности.

Из-под густых бровей мягко смотрели его глаза, всегда опущенные и, казалось, стесняющиеся посмотреть прямо, в упор.

Я знал, что Бидзих состарился неженатым, но причины этого я не знал.

— Нехорошо, Бидзих,— осторожно начал я.— Нехорошо, что без семьи ты состарился.

— Что поделаешь, мое солнце,— грустным голосом отозвался Бидзих.— За счастьем не охотятся.

— Нет, Бидзих, я думаю не так.

— А что же ты скажешь?

— Ты просто не искал своего счастья.

Что-то проскользнуло по губам Бидзиха — не то на-

—Амонд нæ агурдгай, æндæра 'й иссердтайсæ.

Бидзих баходæзмолтæ 'й, фал неци исдзурдта йеу усмæ, уæдта равналдта æ галеу фарсмæ, сласта кæрд-бадзæй кард æма æ лæдзæги сæр амайун райдæдта. Балагдæрдтæн, мæ дзубандий æздæх æ зæрдæмæ ке нæ бацудæй, уой. Æндæр ести дзубанди æркæнунмæ куд гъавтон, уотæ над æрдиги топпи гъæр фæццудæй. Фæкъкъех ан дууемæй дæр. Уалинмæ надн фездæхæни, урдуг-мæ æд нимæт, æд топп, гъазгæ æма сергæ фæззиндтæй бæхгин. Уой фæдбæл æрурдуг æй дууæ уæрдуни. Раззаги бадтæнцæ æртæ кизги, сæ еу хизæй æмбæрзт, æма лæхъуæн — бæхдзорæг. Кизгуттæй йеу цагъта фæндур, иннæ уæрдуни ба бадтæнцæ лæхъуæнтæ. Стур айдæнæ се 'хсæн æрттевæнтæ кодта хормæ. Се 'гасæй фæсте заргæ цудæнцæ бæхгинтæ.

— Агæ киндзхонтæ 'нцæ,— сабургай исдзурдта Бидзих.

Донгони киндзхонтæ бæхтæн дондарунбæл йеу усмæ бадзебæл æнцæ. Донордæг ку фæцæнцæ, уæд зарун гъæр æма фæндури цагъд нæуæгæй исигъустæнцæ. Дзæвгарæ, сæ фæййаууони уæнгæ, сæ фæсте кастан æз æма Бидзих донхæреси бунæй.

— Гъе, Бидзих,— загътон æз ходгæй,— йеци рæсугъди кæмæн фæххонунцæ, уомæ, цума, нæ хицæ кæ-нис?

Бидзих, зæнхæмæ кæсгæй, цидæр бахъур-хъур кодта æхенимæр, уæдта сиргъувта æ цæститæ мæн æрдæмæ æма мæмæ листкæсæ никкодта; адтæй цидæр уæззау-

смешка, не то легкая улыбка. Он вытащил из ножен на левом боку нож с широким лезвием и начал сосредоточенно стругать конец своей палки. Я понял, что тема моего разговора не понравилась ему. Хотел спросить о чем-нибудь другом, как вдруг со стороны дороги раздались выстрелы.

На повороте, с винтовкой в руках, показался всадник в бурксе. За ним двигались две арбы. На первой сидели три девушки, невеста в белой шелковой шали и парень-возница. Одна из девушек играла на гармошке. На другой арбе, где сидели одни парни, сверкало большое зеркало. В конце, громко распевая песни, ехали всадники.

— Это сопровождающие невесту,— медленно произнес Бидзих.

У реки процессия ненадолго задержалась — поили лошадей. Потом снова раздались звуки гармошки, полилась песня.

— Вот видишь, Бидзих,— сказал я, смеясь.— Разве ты не завидуешь тому, кому везут эту красавицу?

Бидзих что-то пробормотал себе под нос, потом поднял голову и впервые прямо и пристально посмотрел на меня. Взгляд его теперь мне не казался мягким. Картина с невестой пробудила что-то давнее в его сердце.

— Ты говоришь, счастье надо искать. Но это не так,— прервал, наконец, молчанье Бидзих.— Я ведь тоже искал его. Но не нашел.

дзийнадае йеци касти. Бæрæг адтæй, киндзхонти уиндæ-мæ уой зæрди цидæр кс 'ригбал æй, йе.

— Амонд агорæ æма 'й иссердзæнæ, зæгъис, фал уотæ нæ 'й,— загъта мин Бидзих æрæгйау,— æз æй агурдтон ама 'й не 'ссердтон.

— Агоруи дæр зонун гъæуй, Бидзих,— батхалдтон бабæй имæ æз,— амонд не 'ссерундзийнадае, æвæдзи, дæхе лазæ адтæй.

— 'Ма уой туххæн дин æз æрхæсдзæнæн таус,— загъта мин Бидзих.— Мæ лæхъуæни доги, цудæй мæбæл, æвæдзи, фондз æма инсæй анзи, уæд æз адтæн лæскъдзæрæни йеу гъæздуг æссонмæ, худтонцæ 'й Иналдо. Кæми фиййау, кæми уотаргæс, уотемæй еугъудæнцæ бæнттæ. Уотармæ хаттæй-хатт фæззиннидæ, цид, Иналдой кизгæ Зулемæт. Æхцул, таведзæгæнагæ адтæй йе мæнбæл. Хебæрагæй байзайгæй дзубанди, цид, раеудагъ уидæ не 'хсæн. Адгин гъарæ кодта мæ зæрдæмæ уой цъухи дзурд. Арви ирдæй рæсугъддæр адтæй æ цæстæнгас. Ме 'хсуйнаг, ме 'мпъозуйнаг, — гузавæ мæ нецæмæй уагъта, гъуд мæ кодта, мадæй райгургæ хуæрау. Кæми ниллæудтæй ме 'взонг зæрдæ, — фехсайдта Зулемæтмæ, фал ин мæ зæрдиаг ской кæнун ба нæ разæнгард кодтон.

Цудæнцæ бонтæ. Афæй мæбæл ку рацудæй лæскъдзæрæни, уæд нæхемæ цæун фæндæ скодтон.

— Цæй, нур мæ рахецæн кæнæ,— загътон æз еу бон мæ хецауæн, — афонæ мин æй нæхемæ.

— Барæ дæу,— загъта мин йе,— æз дæ нæ къулумпи кæнун, абони исбæрæг кæнæ дæ мизд, псон — фондараст.

— Надо уметь искать, Бидзих. Твоя вина, что ты его не нашёл.

— Слушай, что я тебе расскажу, начал Бидзих. — В пору моей юности — мне было тогда лет двадцать пять — был я пастухом у богатого хозяина. Звали его Иналдо. То ходил за стадом, то работал у него дома — так проходило мое время. К отаре приходила иногда дочь Иналдо — Зулемат. Была она ласкова, приветлива со мной. Как сладкая песня, до самого сердца доходило каждое ее слово. Яснее, чем синева этого неба, были ее глаза. Надо было — постирает, залатает. Заботилась обо мне, как о маленьком ягненке.

Сердце парня, конечно, не могло удержаться, увлеклось оно Зулемат. Но сказать ей о чувстве своем не решался.

Исток мой срок — прошел год, как меня наняли пастухом, — и я стал собираться домой.

— Пришла пора, — сказал я хозяину. — Рассчитайся со мной.

— Воля твоя, — ответил тот. — Я не задерживаю тебя. Сегодня назови размер платы, завтра — прощай.

Сказав это, хозяин направился с топором в сторону леса — видимо, собирался делать ось для арбы. Я охранял отару. Был осенний туманный день, моросил мелкий дождь, не хотелось выходить из шалаша. Потрескивая, горел огонь.

— О чем задумался, Бидзих? — раздался вдруг над головой чей-то мягкий голос.

Уотæ зæгъгæй, æссон гъæдæрдæмæ исевгъудæй фæ-
рæти хæццæ — æнгъæл дæн, сæмæйнаг æй æркæнун гъу-
дæй. Йеци бон æз адтæн уотаргæс.

Сæумон гъудгонд ку фæдтæн, уæд медосонгæ арти
фарсмæ сагъæси бадт бакодтон. Адтæй фæззигон сæл-
фæг бон, æма мæ зæрдæ æндæмæ не 'хсайдта. Арт сугъ-
дæй мæ размæ, пеллонтæ скъардта аллирдæмæ.

— Ци сагъæс кæнис, Бидзих,— сдзурдæй мæ фæсмæ-
къур фæлмæн гъæлæсæй.

Ракастæн — мæ размæ лæудтæй ходæзмолтæ идзулд-
дзастæй Зулемæт.

— Æгас цо, Зулемæт,— загътон æз æма фестадтæн
арти фарсæй.

— Бадæ, бадæ, цæмæн истис,— сдзурдта Зулемæт.

Фæстæмæ æрбадтæн арти фарсмæ. Зулемæт ба лæу-
гæ байзадæй мæ сæргън.

— Æз цæунмæ гъавун нæхемæ исон, Зулемæт,— загъ-
тон æз йеу усми фæсте.

— Йеугур цуд, æви бæрæг кæнунмæ?— бафарста мæ
Зулемæт.

— Йеугур цуд.

— Мадта де 'мпъозуйнæгтæ æрдарæ, æз ба дин сæ
барæвдзитæ кæнон дæ цæунмæ,— загъта мин Зулемæт.

Æмпъозуйнаг мæмæ берæ нæ адтæй — æрмæст мæ
йеу дзатур йеу рауæн рахудихалд æй, æма 'ймæ уой ра-
вардтон. Зулемæт æндæуосонгæ къудуронбал æрбадтæй,
æриста сæрбæттæнæй æрций æд бæхспуг æма дзатур æм-
пъозун райдæдтæ.

Оглядываюсь — стоит возле меня, со смешинками в глазах, Зулемат.

— Здравствуй, Зулемат,— сказал я и встал с места.

— Сиди, сиди. Зачем встаешь?

Я снова сел возле огня, а Зулемат стояла надо мной.

— Я завтра уйду домой, Зулемат,— помолчав, сказал я.

— Насовсем или так, проведать?

— Насовсем.

— Тогда давай все, что надо починить. Приготовлю тебя в дорогу.

Чинить особенно было нечего. Только чужак мой распоролся в одном месте, я подал его ей. Зулемат присела у выхода на чурбак, вынула из косынки большую иглку и кожаную нить.

«Настал мой час,— подумал я,— решусь, открою ей свое сердце. Будь, что будет.»

Меня охватила дрожь, но все же, стараясь не выдать своего волнения, я встал со своего места и подошел к Зулемат. Она как-то странно на меня посмотрела. Наверное, на мне лица не было.

— Зулемат!— испуганным голосом прошептал я.

— Что с тобой?

— Люблю тебя, люблю тебя,— повторил я дважды и застыл неподвижно, оглушенный собственными словами.

Зулемат вскочила с чурбака, отшвырнула в сторону мой недошитый чужак. Чужак лежал подошвой вверх на щепках, где я обычно рубил дрова.

— Иур ралæудтæй мæ сахат,— фæндæ кодтон мæхенимæ,— райгон кæнон ин мæ зæрдæ, ци фæдтæн, уой фæдтæн.

Ме 'уæнгтæ куддæр базир-зир кодтонцæ, фал мæхæбæл фæххуæстæн, фестадтæн арти фарсæй æма Зулемæти цормæ рацудтæн. Зулемæт мæмæ куддæр къех каст никкодта, æвæдзи, мæ хузæ мæхæ кеми нæбал адтæй.

— Зулемæт!— исдзуртон æз тæрсгæ хъурæй.

— Ци кæнис?— бафарста мæ йе, дзабур æмпъозун ниууадзгæй.

— Уарзун дæ! Уарзун дæ!— исдзурдтон æз дууæ хатти, уæдта, цума, цавддор фестадтæн, уотæ фегомуг дæн.

Зулемæт рагæпп кодта къудуронæй, фехста мин еуварсмæ мæ дзабур. Дзабур бадæлгоммæ 'й согфадæни листити 'хсæн.

— Мæгурдæйраг,— загъта мин йе мæстхузæй,— æз дин тæрегъæд кæнинæ æмæ дæ æхцул таведзæгæнгæ уомæн гъуд кæнинæ, ду ба æндæр зæрдитæ дæхецæн байвардтай!

Уотæ зæгъгæй, Зулемæт цидæр фæцæй мæ цорæй. Зæнхæ мæбæл разилдæй. Нецибал балæдæрдтæн йеу усмæ. Æз æнгъæл нæ адтæн, Зулемæт мæнæн уотæ зæгъдзæнæй, уой. Фехгæд æй мæ зæрдæ æмæ нæбал райгон æй уæдæй нурмæ...

Бидзих нигъгъос æй. Æз дæр имæ нецибал исдзурдтон.

— Æргъау фезгули æнцæ,— загъта Бидзих еу усми фæсте æма фестадæй донæхсинцъий бунæй.

Фонс æцæггæй сæхе йесун байдæдтонцæ донæй.

— Несчастный! — презрительно сказала она. — Я просто жалела тебя и поэтому ухаживала за тобой. А ты уж бог весть что подумал!

Зулемат исчезла. Земля качалась подо мной. Некоторое время я ничего не понимал. Не верил, что Зулемат поступила со мной так жестоко. Закрылось тогда мое сердце и с тех пор больше не открывается.

Бидзих замолчал. Я тоже ничего не мог сказать.

— Стадо зашевелилось,— сказал Бидзих и встал.

Овцы начали выходить из воды.

Йеу сæрдæ æз фæдтæн Дигори. Ци гъæуи цардтæн, уой мæкъурмæ лæудтæй устур, бæрзонд фахс. Фахси тæккæ сæрæй ба гъæумæ цъæх-цъæхид зиндтæй нæзи гъæдæ. Фæсгъæдæ æндиуд æма бæрзонд истонцæ сæхе арвмæ бекъæгун сау хуæнхтæ. Хонхæй, кенæ ба гъæдæй фахсбæл урдугмæ, хормæ æрттевæнтæгæнгæ, гъæуæрдæмæ уадæй йеу сауæдон. Йеу къуар къадай ибæл зилдæй гъæуи дæллæй. Мингий дæлдæр гъæуæй версти 'рдæги бæрцæ коми хурфи æнсарæ æма гъæргæнгæ пурф кодта Ирæф. Йес Ирæфи сакъадæхтæбæл дæр къадатæ, фал ку райвулуй, уæдта сæ нимпурсуй æма сæ фæлла-суй. Ирæф гириз нæ кæнуй. Хуæнхтæ æма къæдзæхти хæццæ тохун ин зин æй, æндæра мæгур хуæнхаг æхецæн цæмæйдæрти къада басадзуй, уой уомæн фехалунмæ ци гъæуй? Йеу бон æрцудæй устур уарун. Мах æртæ лæги — æз, мæ фусунти лæхъуæн æма нæ синхон Мисирбий, зæронд уорсалист лæг, бадтан медхæдзари æма игон дуарæй кастæн æндæмæ. Нецибал бæрæг ахæста цæстæ — арв, хуæнхтæ, зæнхæ, мегъæ æма дон исхæлæмулæ 'нцæ йеугурæй дæр.

— Ирæф бабæй ивулдзæнæй,— загъта Мисирбий, æ рехæ даугæй,— æма ласдзæнæй курæнтти.

I

Одно лето я провел в Дигории. Аул, где я жил, стоял у самого склона, крутого и высокого. Вверх по склону подымался сосновый лес, а далеко за лесом вонзались в небо черные, зубчато-острые скалы. Вниз, рассекая лес, бежал ручей.

За аулом он крутил жернова маленьких мельниц и, продолжая дальше свой путь, впадал в Ираф.

Однажды пошел ливень. Мы, трое мужчин,— я, хозяйский сын и паш сосед Мисирби, старик с поседевшей бородой,— сидели в сакле и через открытую дверь смотрели на улицу.

Глаз ничего не мог различить — небо, горы, земля, тучи и вода слились в одно.

— Ираф опять разольется,— поглаживая бороду, сказал Мисирби.— Унесет мельницы.

— Что бог пошлет, то и будет,— ответил хозяйский сын, спрятав руки в рукава.

— А что может послать бог,— снова заговорил Мисирби.— Люди обнаглели, друг друга ненавидят. Лучше бы он уничтожил их самих, а не мельницы.

— Но ведь люди есть хорошие и плохие,— проговорил хозяйский сын.— И разве это дело, если из-за плохих страдают хорошие?

— Хуцау ци зæгъа, йе уодзæнæй,— исдзурдта не 'ннæ 'мбал, æ къохтæ æ меддустæ, уотемæй.

— Хуцау дæр ци зæгъуйнаг æй,— райдæдта Мисирбий нæуæгæй дзорун,— адæм исналат æнцæ, кæрæдзей æфхуæрунцæ æма курæнттæ нæ, фал син сæхе ку феса-фидæ, уæддæр хуæздæр æй.

— Йес адæммæ хуæрзтæ дæр, лæгъузтæ дæр,— загъта ин не 'ннæ 'мбал,— æма хуæздæртæ лæгъузти туххæй ку фесæфонцæ, уæд йе хуарз куд уодзæнæй?

Мисирбий неци исдзурдта. Æ рехæ радаудта æ къохæй, æ бæзгин æрфгутæ æринцъулдта æма мургъузкæсæ кæнун байддыдта зæнхæмæ. Ци сагъæс кодта Мисирбий, ка 'й зонуй, фал мæнмæ ба уотæ фæккастæй, цума адæм æма уой æхсæн æрзадæй, кæрæдземæ сæ бацæун ка нæ уадзуй, уæхæн синдзин будур.

Æцæгдзийнадæй, куд мин дзурдтонцæ уой фæсте, уотемæй Мисирбий адæмн нæ уарзта æма син æхуæдæг дæр уарзон нæ адтæй... Мулк ин æ фидæй берæ байзадæй, фал имæ нур ба еунæг тикис, еунæг хæрæг, хуми гæппæл æма игуæрдæнæй æндæр неци бал адтæй. Бинонтæй дæр рæвдзæ нæ фæцæй: еунæг фурт ин адтæй æма йе дæр сонт разиндтæй...

— Хуцау зонуй, кæмæн ци 'мбæлуй, уой,— дзурдтонцæ, Мисирбийн ка нæ уарзтæ, йетæ. Мисирбий игъуста æма лæдæрдтæй йеци фаутæ æма дзубандитæ, иста сæ æ зæрдæмæ, фал, цума, неци зудта æппундæр, æхе ба уотæ дардта.

Мисирби ничего не ответил. Провел рукой по бороде, нахмурил лохматые брови и угрюмо уставился в землю.

Кто знает, о чем он думал, но мне показалось в этот момент, что между ним и другими людьми простерлось заросшее терновником поле, которое никогда не пустит их друг к другу.

И действительно, как мне рассказывали потом, Мисирби не любил людей. Да и они не выказывали ему особого расположения...

От отца ему досталось большое наследство, но сейчас все его богатство составляли кот, осел, клочок пашни и небольшой луг. Семейное счастье обошло его. Был у него всего один сын, да и тот глуповатый.

— Бог-то знает, кому что надо, — говорили о нем в ауле.

Мисирби прекрасно понимал горький смысл этих слов, но делал вид, что ничего не слышит.

II

Ливень стал затихать. Тучи поднялись над скалами, и края небосвода посветлели. Снова открылись глазу земля, леса, склоны. На узких, маленьких улицах появились люди. Немного погодя, раздались тревожные крики. Что такое? Мы выбежали из сакли.

Ручей гремел, как гром. По его руслу со страшной быстротой катились камни. Один из самых крупных камней, как вестник беды, раньше других долетел до аула, ударился об угол сакли и полетел дальше. Вокруг

Уалинмæ уарун дæр гъос кæсун райдæдта. Мегътæ сæхе исистонцæ, æма арвгæрæнттæ фæррохс æнцæ. Раргом æнцæ нæуæгæй хуæнхтæ, гъæдтæ æма зæнхæ. Гъæуон мингий æма парæг гъæунгти фæззиндтæнцæ адæм дæр. Мингий усмæ, уæдта æвеппайди гъæунги гъæр æма згули исцудæй. Ци 'й йе, зæгъгæ, мах рауадæн æндæмæ. Кæсæн æма, дин, уæлæ фæхсбæл сауæдони дон-дон, арви нæрунау, гургургæнгæ, дортæ æ разæй тæргæ рацæуй хæрæ. Йеу устур дор тубудтитæгæнгæ, фæдесони хузæн, раздæр æрхæццæ 'й, исцафта æхе йеу хæдзари сæрбæл, фесхъиуттæй æма рандæй дæлдæр... Ци гъæунги æрцæуйнаг адтæй хæрæ, уой фæлдзос адæмæй райдзæг æй. Еугурей цæсгæнттæ дæр адтæнцæ къех æма тарстхуз.

— Гъей, гъей!— цудæй адæми æхсæн гъæр,— гъæуай кæнæд алке æхе! Рацæуй, хæрæ рацæуй!..

Тарст æрахæста йеугурей дæр, бустæги ба сæ хæдзæрттæ донгæрон кæмæн адтæнцæ, уони. Лæгтæ фонси йергъæфи фæцæнцæ. Уоститæ æма кизгуттæ ба хæдзайрон листæг дзауматæ синхонтæмæ давтонцæ, уалинмæ хæрæ дæр гур-гур æма æрсæн-пурсæнтæгæнгæ гъæунги исмедæг æй. Гъæунгæ адтæй иддæг унгæг; йеугурæй æ фæтæ æййафта дууæ сардзини, кенæ ба мингий фулдæр. Хæдзарæй-хæдзарæмæ æ фæйнæ фарси адтæнцæ листæг хурæй тæссонд даст. Уæхæн мингий гъæунги уæхæн устур хæрæ фæндон над не 'ссердта æма хæдзæртти се-

улицы, в которую должен был ударить обвал, собрались люди. Ошеломленные, бледные, смотрели они на склон.

— Гей, гей!— неслось со всех сторон.— Берегитесь! Обвал идет, обвал!

Мужчины бросились отгонять скот, женщины переносили к соседям все, что удавалось захватить.

Вот, бушуя и кидаясь в стороны, обвал прыгнул в улицу. Не найдя себе места в ее узком, аршина в два шириной, проходе, он с грохотом разрушал сакли и каменные ограды.

В людской суматохе, в глухом реве обвала я потерял Мисирби из виду. Наконец, я его заметил. Обняв, как ребенка, старый деревянный чемодан, он стоял у порога своей сакли. Хотел бежать, но обвал перекрыл ему дорогу. Куда теперь? Со стороны улицы — обвал. С других сторон — стены соседних саклей. Обвал уже разрушил угол его сакли, весь двор был занесен камнями.

— Бросай чемодан!— кричали люди Мисирби.— Взбирайся по стене на крышу!

Если бы Мисирби послушался совета, то через крышу соседней сакли легко можно было бы перейти на противоположную сторону. Но он не хотел расставаться с чемоданом, а с ним взбираться по стене было невозможно.

Вдруг Мисирби что-то крикнул и упал вниз лицом. Сакля зашаталась и рухнула. Мисирби с чемоданом исчез в каменном водовороте.

рата уæд, хурдаст уæд — йеугурæй дæр сæ бурцнтагæн-
гæ цудæй.

Адæми згули æма хæри æнсар гъæрмæ æз Мисир-
бийн нæбал æргъуди кодтон, æрæги-дурæги ба 'й æри-
стæфтæн: йеу зæронд, уотит гъæдæй конд кирæ æ
гъæбеси, сувæллонау, ниттукта, уотемæй сæ медтургъæ
нстадæй. Æ зæрдæй кири хæццæ адæммæ раледзунмæ
гъавта, фал æй хæрæй бон нæбал фæцæй æма къех
лæугæ райзадæй æ медбунат. Кумæ ма лигъдайдæ?
Гъæунгæрдиги—хæрæ, инпæрдиги ба синхон хæдзæртти
сератæ æрзилдæнцæ тургъæбæл. Тургъæ ба адтæй бу-
стон мингий гæппæл. Хæрæ фиццаг Мисирбий хæдзари
æндаг сера фехалдта, уæдта тургъæмæ кæлуни фæцæй.
Гурухсаг нæ бал адтæй, хæдзарæ бунтон ихæлд ке ниц-
цайдæ, тургъæ ба хæрæй ке байдзаг адтайдæ, йе.

— Кирæ ниууадзæ!—гъæр кодтонцæ адæм Мисир-
биймæ,— æма дæ уоци фарс хæдзари хурæбæл уæлин-
дзæмæ исхезæ!..

Адæммæ ку байгъустайдæ Мисирбий, уæд уæлин-
дзæй иннæ гъæунгмæ рæвдзæ рахезæн адтæй, фал æй æ
кирæ ниууадзун нæ фæндадтæй, æд кирæ бабæй хурæ-
бæл исхезун нæ бафæразтайдæ.

— Ме 'хца кæми исæфунцæ, уоми гъæуама мæхуæ-
дæг дæр фесæфон!— исгъæр кодта Мисирбий æмæ æд
кирæ дæлгоммæ æрхаудтæй... Уалинмæ хæдзарæ дæр
аллирдиги змæлун æма кæлун байдæдта; хæрæ тургъæ-
мæ байвулдæй æма Мисирбийн æд кирæ æ бунн ник-
кодта...

— Аллах, аллах!— стонали люди.— Пропал человек, пропал.

III

Обвал сделал свое дело и пошел на убыль. Люди гурьбой вошли во двор Мисирби и вытащили из-под камней его тело. Все оно было побито, иссечено камнями, отовсюду сочилась кровь, ноздри, уши, рот были забиты песком и землей. Одна старушка дрожащим голосом запричитала, и люди заплакали. И в другие аулы послали вестников горя, и со всего ущелья стекался народ выразить соболезнование. На другой день Мисирби похоронили.

— Несчастливым жил, несчастным и умер,— говорили многие.— А что, однако, за чемодан, из-за которого погиб Мисирби?

— Надо его открыть,— сказал кто-то из толпы.

Появился чемодан. Обступили его со всех сторон. Один парень обухом топора выбил замок.

Чемодан был полон денег. Люди молча уставились на них. Через некоторое время привели откуда-то сына Мисирби, глуповатого Баззе.

— Видишь, Баззе,— обратился к нему один из стариков,— сколько денег оставил тебе отец...

— Æллах, æллах! — дзинназтонцæ адæм,— фесавдæй лæг, фесавдæй!..

III

Хæрæ æ куст бакодта, уæдта æрсабур æй. Адæм æнгулфæй бацудæнцæ Мисирбийи тургъæмæ æмæ йин æ мард хæри бунæй исистонцæ. Бауær йеугурæй ницъцæ-рæмухститæ 'й; тог мизтæй аллирдæгæй, гъостæ, гъæлæс æма финдзи цъæстæ сигит æма зменсæй байдзаг æнцæ... Йеу зæронд уосæ резгæ хъурæй зæрддон гъарæнгæ никкодта, æма адæм никкудтæнцæ... Изолмæ игъустæй адæми кæунгъæр æма сауæнгæ зæрди бунмæ гъардта... Рарвистонцæ гъæргæнгутæ иннæ хуæнхаг гъæутæмæ, æма цудæнцæ уордиги дæр адæм хъонц æмæ тæфирфæс кæнунмæ...

Дуккаг бон Мисирбийи марди фæлуст искодтонцæ, пийæвардтонцæ нæуæг конд кири, исаргъудта ибæл сау-гнн, æма 'й банигæдтонцæ...

— Æнамонд адтæй æма æнамонди мард ракодта,— хъонц кодтонцæ беретæ,— фал цума циуавær кирæ адтæй, Мисирбий æхе кæбæл фесавта, йе?

— Райгон кæнун æй гъæуи,— исдзурдта адæмæй йеу.

Кирæ фæззиндтæй, æма ибæл адæм æрзилдæнцæ фæйнердигæй. Йеу бæзæрхуг, сауцъарæ гæсгæ лæхъун ин фæрæтти мæкъурæй æ къума расаста. Йеу усмæ, уæдта кирæ, алли хузæн æхцатæй йе 'мбæр, уотемæй райгон æй...

Баззе, схватившись за бока, вытаращил свои косые глаза:

— Хе-хе-хе! Деньги, деньги! Хе-хе-хе!

■

Адæм æнæ хъицц, æнæ стуф æхцай кирамæ сæ цæститæ ниццавтонцæ. Йеу дзæвгарæ фæллæудтæнцæ уотемæй, уæдта кæцæйдæр æркодтонцæ Мисирбийи сонт фурти, Баззей, кири сæргъæмæ.

— Уинис, Баззе,— загъта йин еу зæронд лæг,— дæфндæ дин цæйбæрцæ æхцатæ ниууагъта æ фæсмæрдæ...

Баззе æ сунтæбæл фæххуæстæй, низзулун кодта æхцатæрдæмæ æ дзангъир цæститæ æма ходунти фæцæй:

— Хе-хе-хе! Æхцатæ, æхцатæ! Хе-хе-хе!

ГОРСКИЕ МОТИВЫ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*** ПЕСНЯ ГОРЯНКИ**

Помню я, как мать родная
Говорила мне всегда,
Что для каждого на небе
Богом создана звезда.

У окошка сакли бедной,
Тихо голову склоня,
Взор свой с грустью каждый вечер
Устремляю в небо я.

Ярко, радостно играют
Звезд блестящие стада,
Но звезды своей меж ними
Я не вижу никогда.

Где же ты, звезда родная,
Где, грустя, мерцаешь ты?
Покажись хоть раз единый
Ты с бездонной высоты.

1913

Над титанами Кавказа
Вновь плывет луна,
Душу бедную, больную
Ввысь зовет она.
Не зови, о месяц бледный,
Душу в ширь небес:
Скорбь царит и там — я знаю,—
Так же как и здесь...

1913

* * *

**Волны Каспийские мне нашептали
Сказку страдания, сказку печали,
Душу наполнили шумом глухим.
Спели мне песню борьбы и свободы,
В час, когда, выйдя на синие своды,
Грезили звезды мерцаньем своим.**

1913

■

***   С Ф И Н К С**

**В стране седой, где вечный ропот Нила
Тревожит сон угрюмых пирамид,
Я знаю, Сфинкс — он сумрачно, уныло
Уж много дней в немую даль глядит.**

**В тиши ночей, когда меланхолично
На землю льется лунный полусвет,
Сквозь сумрак грез игриво, фантастично
Встают пред ним картины прежних лет.**

**Вот видит он любимый лик Изиды,
Прекрасный лик, как вешний день Колхиды,
Где Гангом дальним грезит кипарис.**

**Но только мглу рассеет луч востока,
Под шум дневной безмолвно, одиноко
В немую даль взирает снова Сфинкс.**

1915

*** ГОРЫ**

Не скорбь ли мира там окаменела?
Иль, может быть, то полчище богов
В испуге диком вдруг оцепенело
Под темной шапкой хмурых облаков?
Среди тревог и темного смятенья,
Кипя в душе бессмысленной враждой,
Мы, люди-карлики, добычи тленья —
У ног их бродим жалкою толпой.
Ничтожества земного отраженье —
Мы их должны страшиться каждый час:
Один лишь взрыв — одно лишь изверженье
Их скрытых сил — и вдруг не станет нас.

1913

*** НЕВЕДОМЫЙ**

За окном моей темницы
Точно призрак роковой,
Осторожно, осторожно
Ходит кто-то в час ночной.

Лишь заслышу приближенье
Тихих сказочных шагов,
От тоски и сожаленья
Разрыдаться я готов.

Что-то близкое, родное
Уловлю в том госте я,
И встает тогда бывшее
В ярких красках для меня.

Но лишь к двери направляюсь,
Чтоб впустить скитальца в дом,
Он уходит, расплываясь
В тихом сумраке ночном.

Кто же он — мертвец воскресший,
Иль бездомный чародей,
Что блуждая, точно леший
По ночам страшит людей?

Ах, никто его не знает
И никто не скажет мне,
Отчего один блуждает
Он в полночной тишине.

1913

*** ПУТЕВАЯ ПЕСНЯ**

По ущелью из чужбины
Я спешу в аул родной.
Злой Урух во мгле теснины
Воет, плачет подо мной.

Не мелодья звуков нежных,
Не чарующий напев —
Слышишь в плаче волн мятежных
Возмущение и гнев.

Высоко над головою,
Над отвесами громад
Неподвижною толпою
Сосны гордые стоят.

И куда ни кину взоры,
Точно полчища богов,
На меня взирают горы
Из-под белых облаков.

Вот мелькнул аул мой бедный
Сквозь вечерний легкий дым,
Страж угрюмый многолетний —
Башня высится над ним.

Чу, раздалась песнь протяжно,
Песня дедов и отцов,
Вторит песне той отважной
Эхо дальнее лесов.

Но зачем тоской сжимает
Грудь и сердце песня та?
Ширь ли поля в ней рыдает,
Гор ли плачет теснота?

1913

59

Мне вспомнилась песня родная:
Как в башне угрюмой, глухой
Горянка, в плену увядая,
Томилась сердечной тоской.
Однажды луч света случайно
Сквозь щель в эту башню проник.
Сверкнул вдруг надеждою тайной
У девы измученный лик.
Из дальней страны прилетела
Волшебная птица стрелой
И пленнице юной запела
Она о свободе святой.
И звуки той песни свободной
В душе пробуждали любовь.
Грудь билась, и страстью бесплодной
Кипела в ней юная кровь.
Но счастье недолго сияло,
Убили певичку стрелой,
И вновь все вокруг замолчало,
Угас и луч света златой.
И дева в печали сердечной
Увяла, как павший цветок,
Так шутит, губя нас беспечно,
Над нами бессмысленный рок.

1913

* МЕСТЬ

(Баллада)

Перед вдовицей молодою
Абрек суровый Измаил
Под вечер в сакельке с мольбою,
Недвижно стоя, говорил:
«Гиданна, юная Гиданна,
Послушай, милая, меня,—
Осталась ты вдовицей рано,
В душе немую скорбь тая.
Уж год прошел, как муж твой Гури
Под дубом поздней порой,
Под буйный рев осенней бури
Убит безвостною рукой.
Утрата тяжкая, конечно,
Источник горестей и мук,
Тебя жалею я сердечно,
Ведь Гури был мой лучший друг.
Его уж нет — то воля рока —
Но слушай, милая, меня:
Клянусь святынями пророка —
Не меньше я люблю тебя.
Тебя я девой знал молодою,
С тех пор таясь в сердце жар.
О, будь теперь моей женою,
Прими любовь мою, как дар».
Вдруг на дворе, как злая кошка,
Осенний ветер заревел,
И вот в открытое окошко
Лист дуба в сакельку влетел
И лег, плач бури позабывши,

Он на полу ее сыром,
Три капли крови, уж остывши,
Виднелись, красные, на нем.
И вздрогнув телом и душою,
Смутился сумрачный абрек,
Обвел несмелою рукою
Бородку темную и рек:
«Велик аллах, всезрящим оком
Он мир свой зорко сторожит,
Свой суд в молчании глубоко
Нелицемерно он творит.
Убийца я — убийца Гури.
Дубовый лист свидетель в том.
Свершилось то под ропот бури,
Под дубом в сумраке ночном». —
Сверкнул Гиданнин взор злорадно —
И глухо вскрикнул Измаил:
Дух мести черной беспощадно
Во грудь кинжал ему воизил.

1915

Дождь и ветер. В сакле тесной
И печально и темно.
Неприветливо, угрюмо
Смотрит ночь ко мне в окно.
Друг неведомый, далекий,
Друг мечты моей больной,
В этот час тоски бездонной,
Я б хотел побыть с тобой.
Я б на грудь твою родную
Тихо голову склоня,
Плакал, плакал безутешно
Точно малое дитя.
Слыша плач души пустынной,
Приютившись у окна,
Стихли б вдруг и дождь и ветер,
И настала б тишина...

1914

*** К МЕСЯЦУ**

Месяц бледный одинокий
Вновь, как другу лучших лет,
С высоты своей холодной
Шлет сердечный мне привет.

Светом набожным и тихим
Освещая все кругом,
Бродит странником безродным
Он в пространстве мировом.

Посреди тревог житейских,
Жизни темную межу,
Так и я, дитя печали,
Одиноко прохожу.

Будь же другом мне, о месяц,
Путь мой чаще освещай,
И лучом приветно-тихим
Мрак душевный отгоняй.

*** СОСЕД**

Есть у меня сосед печальный —
Случайный дар судьбы скупой.
Он дорог мне, как отклик дальний
Любви иль юности святой.
Как я, веселья избегая,
И он здумчив, нелюдим.
Без слов друг друга понимая,
Мы дружбу тайную храним.
И мнится мне в часы досуга,
Когда я думаю о нем,
Что звали мы еще друг друга
Не в мире здешнем, а в другом.

1915

*** ДОЖДЬ**

**Громко капли дождевые
По листьям стучат.
Тише капли — муки злые
В сердце крепко спят.**

1915

■

*** ПЕСНЯ**

Есть где-то счастья светлый ключ,
Под сенью лип он мирио льется.
Прекрасен он, как солнца луч,
При нем душе светлей живется.
О нем в вечерней тишине
Мать часто в детстве пела мне.

С тех пор прошло уж много лет,
Исчезло детство тенью легкой.
Во мгле земной — средь темных бед
Брожу один с тоской глубокой;
Под сенью лип, блестя как луч,
Не мне поет тот светлый ключ.

1915

***   Ф А Т И М А**

**В сакле тесной Джан-Булата
Уж давно погас огонь,
Вышел месяц. На Фатиму
Сквозь окошко смотрит он.
Чарам грез любви отдавшись
Вся — и телом и душой,
Улыбается Фатима,
Озаренная луной.
Ах, не спится ей, не спится,
Страстью взор ее горит,
Бьется сердце молодое,
Кровь волнуется, кипит.
Вдруг из месяца выходит
Чудо — внязь молодой
И приветствует Фатиму
Он, кивая головой.
Лик Фатимы черноокой
Стал бледнее полотна,
И в постель свою стыдливо
Прячет личико она.**

*** ЦВЕТЫ ВЫСОТ**

На высях гор, где вечный блещет лед,
Куда взглянуть не смеет наше око,
В тени вершин пустынно, одиноко
Растут цветы прекрасные высот.
Им солнца луч привет сердечный шлет
И в ранний час и в тихий ясный вечер,
Глядит на них с любовью синий глетчер,
И ветер юга песни им поет.
Увы, ни солнца луч, ни синий глетчер —
Ничто цветов высот не веселит.
И грустен их прекрасно-дикий вид.
Им грезится холодный дальний север,
Мятежных бурь тоскующий напев
И образы морских печальных дев.

1916

*** ЖАЛОБА МЕРТВЕЦА**

**Ах, объят холодной мглою
Мой подземный каземат,
Суждено мне злой судьбою
В нем недвижно, вечно спать.**

**Я не злой — в душе ехидно
Не завидую живым,
Лишь одно, одно обидно —
Кто об этом скажет им?**

**Для чего они лишили
Лик мой мертвый блеска дня?
Для чего они зарыли
В землю темную меня?**

**Положили б гроб мой черный
Там, на сумрачной скале,
Чтобы солнце в час вечерний
Отражалось на челе;**

**Чтобы ветер бесприютный
В час полноточный, при луне,
Точно голос девы чудной
Пел, играя, песни мне.**

**Но увы, не слышно звука
Здесь в могильной тишине,
Лишь одна глухая мука
Грудь во мгле терзает мне.
1916**

*** ИЗМЕНА**

I

Уж луч погас последний
За дальнею горой,
Чернеет холм соседний,
Как джин во мгле почной.
Гор, мрачные ступени
Объяты тишиной,
Ночные реют тени
Над сумрачной землей.

II

Давно орел проворный
Спустился отдохнуть,
Вперед же, конь мой черный,
Опасен поздний путь.
Вот слышен лай собачий,
Уж близок мой аул.
Вот, вот как глаз кошачий,
Огонь вблизи сверкнул.

III

Но что-то не внушает
Доверья тот огонь,
То ярко заиграет,
То вновь погаснет он.
Не бойся, конь мой черный,

Ты этого огня,
Вперед шагай проворно,
Бесстрашие храня.

IV

Не бойся — то не очн
Шайтана там горят,
Что нам во мраке ночи
Так часто зло творят.
То — знаю я — мечтая,
Как дева, у окна
Ждет мужа молодая
И верная жена.

V

Но ты встревожен все же,
О друг мой, верный конь,
Тебя смущает тоже
Капризный тот огонь.
Иль, может, балц¹ трехдневный
Тебя так истомил,
Что шлешь мне храп свой гневный
Ты, выбившись из сил.

VI

Вперед же поплетемся,
Быстрее зашагай,
До сакли доберемся,

---

¹ Б а л ц — поход, путешествие.

А там уж отдыхай.
Вот месяц, выплывая
Как лебедь, из-за туч
И сумрачно мерцая,
На саклю кинул луч.

VII

Уходит вот украдкой
Какой-то слухэт,
Шепнуло «что-то» сладко
«Она» ему вослед.
Коварная тигрица,
Измены я не ждал,
Но месть — ее сестрица,
Рассудит нас кннжал.

1916

■

*** ПЕСНЯ АБРЕКА**

Что каркаешь, злая вещунья,
В вечерней лесной тишине?
Пророчишь,— я знаю — колдунья,
Ты гибель неожиданную мне.
Сестрица твоя ворожейка
Мне часто, смеясь, говорит,
Что скоро уж пуля-злодейка
Во мгле мою грудь поразит.
Под темным и сумрачным дубом
Без чувства я буду лежать,
И некому будет над трупом
Лить слезы и горько рыдать.
Лишь конь мой лихой и проворный,
Склонившись ко мне головой,
Зальется слезой непритворной,
Застынет в печали немой.
Смотри же, ворона-вещунья,
Ты слишком тогда не ликуй,
И с жадностью злой, о колдунья,
Очей моих мертвых не клюй.

1916

Кину взгляд на юг родной и милый,
Что-то мыслью там я уловлю,
И лучом надежды легкокрылой
Дух свой павший снова оживлю.

Мощный луч святого вдохновенья
Сбросит с сердца гнет печали злой,
И в страну чудес и песнопенья
Вновь умчусь воскресшею душой.

Но не долгод будет миг отрадный,
Светлый миг иллюзии пустой,
Он пройдет и вновь, смеясь злорадно,
Тени мрака встанут предо мной.

1916

*** ПОД ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ**

Сижу один печально
В полночной тишине,
И первый дождь приветно
В окно стучит ко мне.
О капли дождевые,
Предвестницы весны,
Рассейте мрак душевный
И сердца злые сны.

Тоскливым светом лампы
Стол письменный залит,
Печаль моя бездонна,
Грудь ноет и болит.
О капли дождевые,
Предвестницы весны,
Рассейте мрак душевный
И сердца злые сны.

Ничто мне жизнь не красит,
Ни дружба, ни любовь.
О чем-то невозможном
Тоскую вновь и вновь.
О капли дождевые,
Предвестницы весны,
Рассейте мрак душевный
И сердца злые сны.

***   С Т А Н С Ы**

Пушай неведомо мне счастье,
Пушай я в мире одинок,
И жизнь моя, так хочет рок,
Темна, как осени ненастье,
Я не хочу богов молить
Мои страданья облегчить.

Тому не страшии уж страданья,
Кто слишком много пережил,
Кто рано-рано схоронил
Свои заветные мечтанья,
Как странник грустный, всем чужой,
Я жить умею сам с собой.

Порой мне снится образ девы,
Сияя юной красотой,
И окрыляющей мечтой
Звучат в груди тогда напевы,
Но это только бред пустой
Души обманутой, больной.

Так иногда лучом восхода
Утес печальный озарен,
И хочет верить в счастье он,
Но только, только до ухода
Луча прекрасного,— потом
Мрак воцаряется кругом.

И туч угрюмой пеленою
Чело угрюмое обвив,

Глядит безмолвно он в заливе,
Внизу бушующий волною,
Виймая плачу днних волн,
Утес печали гордой полн.

1916

■

*** ПАМЯТИ КОСТА**

Тая в душе свои страдания,
О брате меньшем он скорбил,
И стих его — души сверканье —
Металлом плачущим звенел.
Поборник чаяний народа,
Он пел, что правда и любовь
И звезд сияние — свобода
Живут не там, где льется кровь,
Что в царство высшего сознания
Нас может ввести не грубый меч,
А мысли творческой созданы,
Живая творческая речь.
Как облик мощного титана,
Сверкая льдами, как алмаз,
Внимал ему из-под тумана
Седой таинственный Кавказ.
Умолк, — но стих его певучий
В сердцах людей еще звенит,
И миру телному сквозь тучи
О солнце вечном говорит.

1916

Ты знаешь, ворона, что завтра
На петле я буду висеть?
И так как свободы желанной
Мне больше — увы! — не узреть,
Хочу я к тебе обратиться
С последней тяжелой мольбой:
Слети, о вещунья, скорее
В аул мой далекий, родной.
Там в сакельке бедной и тесной
Живет мать-старушка одна,
И, сына с тоской вспоминая,
Скорбит ежечасно она.
Печально к ней с башни старинной
Прокаркай о казни моей,
Пусть слезы потоком горячим
Польются из дряхлых очей.
И пусть соберутся соседи
И весь мой аул дорогой,
Поплачут, посетуют сердцем;
Почтив мою память слезой.
Средь смуглых красавиц аула
Ты встретишь горянку мою,
Скажи ей, что я, умнрая,
Привет свой последний ей шлю.

Ря

*** ОРЕЛ-ПЛЕННИК**

**Для чего вы меня заключили
В эту клетку жестокой рукой,
Для чего так безбожно лишили
Вы меня моей воли святой?
Не для клетки железной и душной,
Не для гнета в тюремных стенах,—
Я рожден для свободы воздушной,
Я рожден, чтоб парить в небесах.
Там на лоне эфирных сияний,
В переливах воздушных лучей
Нет людских безрассудных страданий,
Нет гнетущих и черных цепей,
Отворите же клетку скорее,
Отпустите на волю меня,
Я умчусь, улечу, не робея,
К лучезарному солнцу бытья.**

* СИМД¹ НАРТОВ

(Из цикла Нартских сказаний)

I

Алым пламенем объятый,
Разгорается восток,
И с вершин седых Кавказа
Веет легкий ветерок.
Вот с высот скалистых Орпа
Сквозь предутренний туман
Показались вдруг мужчины:
Нарт Хамиц и Нарт Сослан,
Канца сын — Саой могучий,
Нарт Батраз — Хамица сын —
От Озы великий витязь,
От дигорских синих льдин.
Там, где ввысь Машук уходит
Белоснежную главой,
Нарты «симд» заводят шумный,
Бесподобный танец свой.
Льются песни их лихие,
Блещут взоры их огнем,
Вторит им, ликуя с ними,
Все живущее кругом.
Даже льдинки, улыбаясь,
Их приветствуют с вершин,
И цветы, целуясь с солнцем,
Им кивают из долин.

---

¹ Симд — осетинский хоровой танец.

В час, когда гонимый солнцем
Улетучился туман,
На коне своем могучем —
Под названием Арфан
Урузмаг седой, но мощный,
Вдруг пред Нартами предстал,
Точно призрак, что выходит
Из глубин безмолвных скал.
— Эй вы, Нарты — дети псовы,—
Молвил старец им седой,—
Что за радость, за веселье,
Что за танец удалой?
И в ответ от Нартов славных
Старцу слышатся слова:
— Акула — краса вселенной,
Так зовет ее молва,
Вне признанья чуждой власти,
Птицей вольной без оков,
Меж морями обитает
Близ тоамнских берегов.
Каждый день она три раза
Облетает небосвод,
Здесь танцуем мы в надежде,
Что, свершая круг-полет,
Кинет взор на нас случайно
И, быть может, в этот час
Кто-нибудь — любимец рока —
Ей приглянется из нас.
— Эй вы, Нарты — дети псовы,—
Молвил старец им в ответ,—
Вы танцуете, но в этом,
Уверяю, пользы нет.
Лучше вы ответ мне дайте,
Что могу я ждать от вас,

Акулу-звезду к вам если
Приведу я сей же час?
— Дам тебе я — верь — за это
Быстроногого коня.
— Меткострел-ружье в награду
Ты получишь от меня.
— Верь, тебе я преподнес бы
Саблю — сказочный булат,—
На вопрос седого старца
Вот такой полился град.
После всех промолвил слово
Младший витязь — Нарт Батраз:
— Если ты такое чудо
Совершил бы вдруг для нас —
Акулу — красу вселенной,
К нам привел бы, Урузмаг,
Я бы дал тебе за это
Меткострельный сагадак.¹

II

Быстро мчится на Арфане,
Точно ястреб, Урузмаг —
Ведь не трын такой подарок,
Как Батразов сагадак.
Вот прорезал он, чернея,
Глубь синеющих степей,
Вот уж виден замок медный —
Замок — чудо двух морей.
Урузмагов конь разумный
Понимал язык людской.
Слышит он веленья Нарта,

---

¹ Сагадак — лук с тетивой.

Слышит голос он такой:
— Близок замок уж заветный,
Близ ворот остановись,
И, словам моим послушный,
Хромоногим притворись.
Стану бить тебя я плетью —
Оставайся глух и нем,
Будто выбился из мочи
На дороге ты совсем.

III

Из окна высокой башни
Вниз смотрела Акула,
Но понять, что там творилось,
Как ни билась, не могла.
Наконец она прислугу
К незнакомцу в поле шлет:
— Ты пойдй к седому старцу,
Что коня там глупо бьет.
Он иль пьян, иль скорбь большую
Носит в старческой груди,
Иль измятая изменой,
Сбилась жизнь его с пути.
Пригласи его ты в замок
Мы дадим ему приют,
Конь его устал, как видно,
Продолжать не может путь.
Дева — юная прислуга —
Очутилась быстро там,
Где Арфан терпел притворно
Боль ударов по бокам.
Но, отвергнув приглашенье,
Старец деве говорит:

— Там, где с востром вечно споря,
Море черное шумит,
А Урген-Агез с войсками
Занял берег, он войдет
В этот вечер в то селенье,
Где сестра моя живет.
Тороплюсь туда, хоть поздно,
Я сестру свою спасать.
Где уж мне, о крошка-дева,
В вашем замке ночевать?
Весть тревожную услыша
От прислуги молодой,
Акула сама выходит
К Нарту с просьбою такой:
— Оставайся в замке, всадник,
До рассвета там побудь —
Ведь устал твой конь — не может
Продолжать он дальше путь.

IV

Чуть рассветный луч восхода
Осветил вершины гор,
Из окна высокой башни
Старец к морю кинул взор.
И встревоженный притворно
Говорит такую речь:
— Вижу полчища Агеза,
Разжигая всюду сечь,
Точно темных туч громады,
К нам направившись, ползут.
Оставайтесь, — я пускаюсь,
Как ни жаль, в обратный путь.
Слыша речь такую гостя,

Поблещала Акула —
Ведь она, такому старцу
Не поверить не могла,
И взмолилась перед Нартом:
— Не оставь меня одну,
Разреши с тобою ехать
В вашу дальнюю страну.

V

Запряженные в карету
Шесть отборных лошадей
Мчались быстро и игриво
Средь бегущих вдаль полей.
Акула — краса вселенной,
Жемчуг — сказка двух морей,
Говорит седому Нарту,
Что в карете рядом с ней:
— Что-то темное мелькает,
Там, где высится Машук?
— Чтоб не сделать нападение
Аурген-Агезу вдруг, —
Нарты послали, наверно,
Соглядатаев своих, —
Так ответил старец хитрый,
Славя Нартов удалых.

VI

Вот подъехала карета
Быстро к месту, где толпой
Нарты, все еще ликуя,
Продолжали танец свой.
Из окна кареты смотрит

Акула-звезда на них,
Отражают удивленье
В шуме танцев лица их.
Нарт Сослан не воздержался
И, танцуя, молвил ей:
— Акула — краса вселенной,
Чудо — гордость двух морей,
Много дней тебя мы ждали,
Совершая симд лихой,
Будь добра, станцуй сегодня,
Ты, красавица, со мной.
— Я б с тобою станцевала,—
Отвечает Акула,—
Но боюсь, мне это может
Причинить немало зла:
Если я в твоих аркетах ¹
Не потравлю их траву,
Ты как горец с буйным сердцем
Вдруг сорвешь с меня главу.
Ах, таким ответом девы
Был ужален Нарт лихой,
И с поникшею главою
Продолжал он танец свой.
Урузмаг седой то слыша,
Плечи старые трясет
И, смеясь, к себе на танец
Он красавицу зовет.
Но, увы, от девы гордой
Гордый слышится ответ:
— Не станцую я с тобою,
Ты уж так же полусед,
Как весною ранней зелень,

---

¹ Аркета — обувь из сыромятной кожи.

Слившись с высохшей травой.
Опустил главу угрюмо,
Слыша это Нарт седой.
Канца сын Саой стал тоже
Акуду на танец звать:
— Может быть, тогда со мною
Ты захочешь станцевать?
— Я б с тобою станцевала,
Но боязнь меня берет —
Кто-нибудь — большой мужчина —
Руку вдруг твою сожмет,
За мою ее считая,
И раздавится она.
Так ответила Саою
Дева, гордости полна.
После всех промолвил слово
Младший витязь — Нарт Батраз:
— Не станцуешь ли со мною
Дева — двух морей алмаз?
— Согласилась бы, конечно,
Станцевать с тобою я —
Ведь за лучшего считают
Все меж Нартами тебя,
Но за Онскими горами
Дед твой дряхлый и седой
Уж давно в плену томится,
Проклиная рок глухой.
Семиглавым великаном
Он туда похищен был,
И с тех пор седому старцу
Белый мир уже не мил.
В старой маленькой шубенке
Он — табунщик вековой —
Переносит зимний холод,

Переносит летний зной.
Совершить ты должен подвиг,
Подвиг славный, роковой,
Старца вынести из плена
Вот тогда-то, Нарт лихой,
Я с тобою и станцую.
А теперь прощай, Батраз.
И, закрыв окно кареты,
Дева быстро скрылась с глаз.
На коня вскочил наш витязь
И понесся он домой,
Чтоб скорей оружие деда,
Взять от матери родной.

VII

— Дальний балц свершить сегодня
Нарты славные хотят,
Может, дедовские вещи
Где-нибудь хранила, мать?
Сабля старая, седло ли,
Укажи мне место их,
Чтоб не быть последним в балцах,
В балцах Нартов удалых.
— Лишь бы ты, о сын мой милый,
Говорит Батразу мать,—
Рос на славу мне и мог бы
Балцы дальние свершать,
А оружис и вещи
Я найду тебе всегда.
Есть сундук железный в гойисе,
Ты иди сейчас туда,
Молви там по-хатнагски
Что-нибудь из беглых фраз,

И сундук с певучим звоном
Сам отворится сейчас.
~~Сделал так —~~ с певучим звоном
Вдруг открылся сам сундук,
И Батраз вооружился —
Взял он панцырь, меч и лук.
— Как идут мне этн вещи? —
Витязь мать спросил в упор.
— Панцырь твой, как луч восхода
Над зеленой цепью гор.
Как роса траве весенней,
Меч идет тебе, дитя.
Так ответила родная,
Улыбаясь и шутя.
— Не осталось ли, родная,—
Молвил витязь молодой,—
Что-нибудь еще такое,
Что я мог бы взять с собой?
— Есть еще седло с уздечкой,—
Отвечает Нарту мать,—
На стене кунацкой деда
С давних пор они висят,
В темный лес отправься с ними
И с древесной вышины,
Крикнув голосом призывным,
Ты уздечкою махни,—
Вдруг услышишь конский топот,
Ржанье, шум, как бури вой,
И предстанет, как виденье,
Деда конь перед тобой.
Лишь тогда твоим он будет,
Если ты, о витязь мой,
Оседлать его сумеешь
С молниеносной быстротой.

VIII

Бог лишь ведает, уж сколько
Ехал всадник молодой.
Наконец его тревожно
Вопрошает конь лихой:
— В чью страну мы едем, витязь,
Сколько дней уж, торопясь?
— Едем в ту страну чужую,—
Отвечает Нарт Батраз,—
Где в плену позорно гибнет
Дед мой дряхлый и седой.
Уж давно забыл он, бедный,
Дни свободы удалой.
Совершить я еду подвиг,
Подвиг трудный — роковой —
Старца вынести из плена,
Вызвать чудище на бой.
Отвечает конь: — О, если б
Этот подвиг ты свершил,
Дивный светоч славы вечной,
Верь, тебя бы озарил,
Но, увы, поведать должен
Я тебе, о Нарт Батраз,
Ведь за это дело брался
И отец твой уж не раз.
Ничего, однако, сделать
С великаном он не мог —
Знать, не милостив, не склонен
Был к нему суровый рок,
Знай — у входа к великану,
На укор седой судьбе,
Устранить большую трудность
Предстоит, о Нарт, тебе:

Отбегая друг от друга
И сходясь в ударе вновь,
Ратоборствуют две горы,
Сыплют пыль — утесов кровь,
Вмиг, когда две эти горы
Разойдутся, плетью мне
Дай такие три удара,
Чтоб я дрогнул, весь в огне,
Чтоб от кожи отскочили
За ударами куски
И чтоб брызнула струею
Кровь невольню из руки.

IX

Вот Батраз уже у входа
В великанов край чужой,
Духу храбрости поддался
Он и телом и душой.
Дышит конь его отвагой,
И готовый встретить бой,
Рвется он вперед на подвиг,
Подвиг славный роковой.
В миг, когда две горы быстро
Пасть открыли, расходясь,
Белой лошади наносит
Три удара Нарт Батраз.
Точно молния, глазами
Конь испытанный сверкнул
И, несясь быстрее пули,
Гордо ринулся в ханхул.¹
Не сошлись еще две горы .

---

¹ Ханхул — пасть ущелья.

В злом ударе, как Батраз
Очутился уж в равнине,
Где старик табун «свой» пас.
— Бог на помощь, старец добрый,
Да умножится твой скот.
— И тебе скота, о витязь,
Много пусть господь даст.
На привет Батраза-внука
Так ответил дед седой.
Осмотрел потом Арфана
И залился вдруг слезой.
— Что с тобою, старец добрый? —
Вопрошает Нарт Батраз,—
Отчего обильно слезы
Потекли из хилых глаз?
— Вспомнил я невольню годы,
Годы лучшие, когда
На таком же вот Арфане
Балц свершался мой всегда.
Оттого-то слезы льются
Из очей моих теперь.
Нарт Батраз ответил старцу:
— Это твой Арфан, поверь,
Я твой внук, тебе неизвестный,
Сын Хамица, Нарт Батраз,
Прискакал я в край враждебный,
Чтоб тебя от рабства спасти.
Молвил старец: — Дай ощупать
Мне тебя моей рукой,
И по членам я узнаю,—
Нарт ли ты, или другой?
И, ощупав Нарт Батраза
Престарелюю рукой,
Старец вновь заплакал горько,

Отуманив взор слезой:

— Не довольно ли, что сгинул

Сам в неволе черной я,

Да еще при мне зарубит

Злое чудище тебя?

Отвечает витязь гордо:

— Ты не плачь, мой старый дед,

Укажи мне дом, где ныне

Отдыхает людоед.

В дом указанный сейчас же

Смело входит Нарт Батраз,

Видит: пламя выпускает

Спящий враг его из глаз.

А у ног сидят две девы —

Солнца дочь и дочь луны.

И, склонясь главой друг другу,

Плачут, бедные, они.

Льются слезы их на землю,

Точно в зернышках алмаз.

— Что вы плачете, о девы? —

Вопрошает их Батраз.

Отвечают девы Нарту:

— Проклял нас великий бог —

Каждый день злодей, проснувшись,

Кровь сосет из наших ног.

Отвечает девам витязь:

— Сестры-девы, может быть,

Тайну смерти великана

Вы мне сможете открыть?

— В доме есть сундук железный,

В нем большой хранится меч,

Лишь в его ударс может

Он найти себе конец.

Витязь-Нарт, услыша это,

Обернулся к двери, вдруг,
Громко он, по-хатиагски
Молвил слово, и сундук,
Издавая звон трескучий,
Отворился сам собой,
Вынул Нарт-Батраз оттуда
Меч Булатный роковой.
Над титаном семиглавым
Засверкал булатный меч —
Шесть голов его в испуге
Отлетели быстро с плеч.
И с одной главой оставшись,
Молвил Нарту исполин:
— Трогать спящего нечестно,
Нарт Батраз Хамица сын,
Но чтоб умер я скорее,
Мук не видеть наяву,
Повтори удар булатный
В уцелевшую главу.
— Я подобен громовержцу,—
Отвечает Нарт Батраз,—
Мой удар, не повторяясь,
Совершает дело враз.
Оттого тебя в час сонный
Умертвить я поспешил,
Что в плену позорном старца
Слишком долго ты томил.
Девы, радостью сияя,
Стали Нарту говорить:
— В доме чудища лихого
Есть льбяное чудо — нить.
Вещи, связанные ею,
Могут легче пуха стать.
Есть еще одна подметка —

Может мир в себе вмещать,
Крылья злого великана
Могут тоже чудом быть —
Все, что в них ни положить,
Могут вынести через горы.
Молоко за рощей близкой
Белым озером стоит.
Если б в нем купаться старцу
Может снова юный быть.
Вот Батраз седого деда
В белом озере купал,
Видит он: свершилось чудо —
Старец снова юным стал.
Молоком потом наполнил
Сын Хамица свой сапог —
Быть во всех делах разумным —
Знать — сулил ему сам бог.
Все имущество титана
На подметке поместил
И, связав их чудо-нитью,
Сел на двойке чудо-крыл.
И понесся над горами
Быстролетным он орлом,
А когда на степь спустился
Нарт со всем своим добром,
Отослал седого деда
На коне его домой,
Дев же юных он оставил
Скот пасты в стенах с собой.

Х

Через год Батраз явился
К месту, где еще толпой

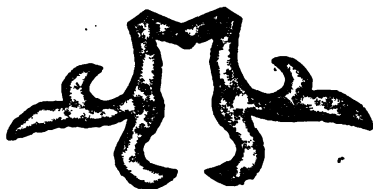
Нарты славные, ликуя,
Продолжали танец свой.
Акула — краса Вселенной,
Жемчуг — сказка двух морей,
Что в карете ожидала
Нарт Батраза столько дней,
Платье новое герою
Поднесла своей рукой —
И таким подарком девы
Был счастлив и горд герой.
Подозвав к себе Хамица,
В молоке его скупал,
Видят взоры Нартов чудо:
Юным снова старец стал.
Разыграли в день три свадьбы
Нарты, «симд» танцуя свой:
Свадьбу юного Батраза
С юной девой Акулой;
Свадьбу славного Хамица
С солнца дочерью младой;
Свадьбу Саоя с Мисирханом,
С лунной дочерью-звездой.

1922

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ
ПУБЛИКАЦИИ

* Ц А Х Ъ А Л

Фæлорс мæйæ — арви кизгæ,
Тунтæ нивæндгæй,
Исцудæй бæрзонд, æрттевгæ,
Хонхмæ баходгæй...
Гъулæг неуй дæлбун коми
Æхсæйвон цæхъал,
Цæвуй æхе æмир къуми
Дорин къæдзæхбæл...
Йе неуй æма зин хъурми
Гъæр кæнуй æнкъард:
«Мах, цæхъалтæ, мæнæ коми
Хæссæн лæги мард...
Тар æфцæгбæл тар изæрæй
Йе, цæугæй бæхбæл,
Лбураги циргъ хъæмайæй
Райста йæ адзал.
Донæй инод уой мард гъостæ,
Инод æ гъæлæс;
Баймирæнцæ уой цæститæ
Байритæй йе 'нгæс...
Пурф кæнунцæ сæ фурмæстæй
Листæг тъинггитæ,
Цума хауй йесге цæстæй

Ирд цæсти сугтæ.
Уотæ кудтæй уазал хъурми
Терки зуст цæхъал,
Цæстæй æхе æмир къуми
Дорин къæдзахбал...
Фæлорс майна — æрвти кизгæ,
Тунтæ нивæндгæй,
Исцудæй бæрзонд, æрттевгæ,
Хонхмæ баходгæй.

1907

*** МЕЖДУ ПРОЧИМ**

В чудный храм науки славной
Бедный отрок постучал...
Вышел жрец походкой плавной
И торжественно сказал:
«Если деньги есть в кармане,
Если знатен и богат,
То зайди — тебе в сем храме
Будет место, юный брат...
Если ж денег нет, мой милый,—
Убирайся поскорей.
Голь для нас — что враг постылый,
Да и места нет, ей, ей!...»
«Брат», удел свой горемычный
Проклиная, вышел вон...
А меж тем игрой обычной
Все звучит со всех сторон...
Солнце весело смеется,
Миру счастье шлет с небес...
Песня птичек раздается,
Этой песне вторит лес.
Лишь у стен святого «храма»
Песен звонких не слышать.
Для чего вся эта драма?
Отзовись, наука-мать!

1909

■

* ВОЗВРАЩЕНИЕ

Над хребтом Кавказа гаснет летний вечер,
Смолк в ущелье мрачном дикий крик орлов.
Лишь в траве порою шевельнется ветер
И зачихнет снова, будто скорбный зов...
Юности обитель, милая, родная —
Вот мысленно аул мой сквозь вечерний дым.
Словно страж застывший, башня вековая,
Молча и угрюмо высится над ним...
Отчего — не знаю, но в душе разбитой
О мечтах погибших песня-стон встает.
И слеза печали, уж давно забытой,
Словно пламя злое, вновь мне сердце жжет...
Приюти ж скитальца, уголок родимый,
Облегчи приветом грудь больную мне...
Изнемог, устал я, роком злым гонимый,
Средь людей мне чуждых, в дальней стороне.
Истомили душу долгие скитанья,
Нет во мне уж больше грезнего огня...
Как цветы увяли сердца упоенья —
Загубил их рано холод бытия.

■

Ты с тоскою сердечной зриаешь
На кровавую бойню людей,—
И в душе, сожалея, теряешь
Веру в царство заветных идей...
Нет... Не бойся, мой друг благородный...
Не печалься, не сетуй, что мы
Вновь окутаны мглою холодной:
Свет сильней угрожающей тьмы.

* МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Когда гремит война над миром,—
Поэт испуганно молчит.

(Из старой тетради)

Что опустили вы скорбно так очи
В эти кровавые смутные дни?
Стало вам страшно, что в сумраке ночи
Снова исчезли святые огни...
Пусть же царит еще мрак беспросветный,
Сея повсюду и смуту и гнет.
Будем мы верить, что разум победный
Светочем дивным над миром взойдет.
Сгинет вражда и на голос свободы,
Сливши все лучшие чувства свои,
Выйдут из темного царства народы,
Выйдут навстречу заветной любви.

* ЦВЕТЫ И ЛЬДИНКИ

Виды чудные повсюду
Уловлю взором жадным,
Здесь громады скал угрюмых,
Дальше дремлет лес сосновый.
Шум мятежных водопадов,
Оглушая всю окрестность,
Будит дух борьбы великой,
Наполняет грудь протестом.
И угрюмой красотой
Поражают взор контрастом,
Что на диво человеку
Создаются здесь природой.
Взглянешь вверх — блещат на солнце
Льдинки сказочным алмазом,
А внизу цветет, пестрея,
Луг с душистыми цветами,
И, кивая головой,
Шепчут юные цветочки:
«Ах, как блещут, как красны
Эти сказочные льдинки.
Если б были мы с крыльями,
То давно бы к ним взлетели,
Чтоб любя их, восхищаться
Их лазурной красотой.
Ближе были бы и к солнцу,
Да и воздух там свежее,
Чище, легче и прозрачней,
Если б крылья мы имели,
То давно бы к ним взлетели,

Чем в долине этой жаркой...»
Но и льдинкам также скучно,
И, глядя на луг цветущий
С высоты своей холодной,
Мыслят с тайною досадой:
«Хорошо бы вниз скатиться
К вешним аленьким цветочкам
И, целуясь с ними нежно,
Так сиять на солнце вечном.
Здесь же холодно и скучно,
Одиноки мы и бедны,—
Светит солнце и смеется,
Но не греет нас любовью».
Слыша речь цветов и льдинок,
Ветер вольный, ветер буйный,
Колыхая травку нежно,
Распевает песнь такую:
«Не расти цветам душистым
На высоких синих льдинах,
Сгинут бедные, увянут
Там от холода и стужи».

Арвыл æрттивынц нæ хæхтæ,
Цъититæй дæттæ кæлынц;
Дардæй нæ урссæр къæдзæхтæ
Махмæ бæрзондæй кæсынц.

Цардмæ бæрзондæй кæсгæйæ,
Се 'знæгтæн федтой фыдбоп,
Федтой бæллиццаг сæрибар,
Баст цардæн федтой кæрон.

Нал хъуысы дардмæ сæ хъарæг,
Сау фæнык нал кæнынц ныр,
Атыдтой фидар рæхыстæ,—
Зары фырцинæй быдыр.

Райстой сæ бартæ нæ адæм,
Скодтой сæхицæн фæндаг.
Мауал ку, мауал, нæ бæстæ,
Не 'знæгтæн фестæм сæ фаг.

Цæй-ма, нæ Иры фæсивæд,
Тохмæ æрбалæуу хъæддых,
Де 'знаг куы фæзмæла ноджы,—
Равдис та ноджы дæ тых!..

Арвыл æрттивынц нæ хæхтæ,
Цъититæй дæттæ кæлынц.
Дардæй нæ урссæр къæдзæхтæ,
Махмæ бæрзондæй кæсынц.

1919

* ФИЦЦАГ МÆЛГЪÆ

ЗÆНХКОСÆГ:

Фусун кæнуй цæгати
Мартъий мегъæ нурма:
Æстонг цæргæс мæгати
Нæма стæфуй, нæма...

Зиннунцæ ма уорс мсттæ
Æндзæрти тæлмитæй,—
Лæуунцæ ма йех-хедтæ
Уæлдæнттæ рæнгъитæй...

Нурма гъизуй уæл рагътæ
Фуд уадæ æнæвгъау,
Уæд ду, мæлгъæ, ци 'ртахтæ
Нæ хонхмæ рагацау!

Ци 'римистай де 'нкъарди,
Фæсденгизтæ цæргæй?
Не 'ронх кæнуй цæгати
Фидон бæстæ, 'цæгæй...

Алли 'взагæй абони
Уæл назу ду цæгъдис,—
Дæлкъæбурмæ — донгоппи
Фиййауи исæрхис...

Нæ тæрси ду адзалай,
Тæрсун дин æз уæддæр:

**Æстонг æма уазалæй
Ку фесæфа дæ сæр.**

М Æ Л Г Ъ Æ:

**Уазал æма æстонгæй
Ма тæрсæ, мæ хæлар,—
Рохс уалдзæг хуæрзефтонгæй
Хæссуй дин нур мæ зар...**

**Кæд ма тъизуй и мартъи,
Кæд ма тъифсуй и бон,
Хæссун уæддæр мæ зарди
Зуймон гъизтæн кæрон!..**

— Когда я проснулся в новой своей квартирке в первый день после перехода туда, — так начал свой рассказ сумасшедший, — было уже ровно девять часов. Взглянув на потолок, я увидел такую картину: в широко и причудливо расставленной паутине, свернувшись в неподвижную желтую точку, величиною в три раза больше кукурузного зерна, прямо над моей головой висел паук. Признаться, какое-то крайне неприметное ощущение пробежало по всем моим нервам при виде этого маленького кровопийцы. Невольно отвернувшись в сторону, я стал поспешно одеваться. Вдруг что-то тревожно зажужжало в комнате. Это была обыкновенная черная муха: попав в паутину и запутавшись в ней, она лихорадочно билась, тщетно силясь вырваться на свободу.

Не успел я сделать и шага, чтобы спасти несчастную муху, как вдруг паук, накинувшись на нее, стал опутывать ее нитями паутины и затем убил ее с помощью своего смертоносного яда. Спустя минуту, паук, поднявшись вершка на два повыше, снова свернулся в желтую неподвижную точку, а муха уже безжизненным трупом висела под ним в воздухе.

Я был возмущен. У меня даже появилось неудержимое желание одним ударом уничтожить того, кто так

безжалостно на моих глазах умертвил живую тварь в угоду своего ненасытного чрева. Я схватил со стены грязное полотенце и ударил им по паутине. Она разорвалась и превратилась в разрозненные висячие нити, но паук остался цел и невредим. Упав на пол, он быстро спрятался за койкой. Я, конечно, мог бы разыскать и убить его... но произошло нечто неожиданное: во мне зашевелилось чувство жалости.

«Паук уничтожил муху, а я хочу уничтожить паука... Как смешно и глупо это, — подумал я невольно, и мне стало жаль не только паука, но и самого себя. И в самом деле — разве одни только пауки живут этой хищнической жизнью?— Так живут все: и звери, и птицы, и люди. История человечества говорит о том, что богатство и имущество одних народностей создавались путем «поглощения» ими других.

Стоны и рыдания побежденных заглушаются диким гулом пиршества победителей и теперь... Где же правда здесь?»

При этих словах сумасшедший поднялся со скамьи, вытер платком выступивший на лбу горячий пот, раздраженно стал расхаживать по комнате.

— А скажите нам,— обратился к нему доктор Эльсен, который с особым вниманием слушал его рассказ,— пришлось ли вам видеть еще этого паука после того, как вы уничтожили его паутину?

Сумасшедший быстро повернулся в сторону доктора.

— Что вы сказали, доктор?— проговорил он как-то нервно и растерянно.

Тот повторил свой вопрос.

— Видите ли, господин доктор,— ответил сумасшедший,— боясь смерти со стороны паука, я на второй день покинул свою квартиру. Но это не спасло меня. Паук до сих пор продолжает мстить мне.

— В чем же выражается эта месть?— удивленно спросил доктор Эльсен.

— А вот в чем,— последовал ответ,— часто мне снится комнатка с уничтоженной в ней паутиной. Из-под койки выползает паук и большими печальными глазами долго и пристально смотрит на меня. О, этот взгляд огнем упрека жжет мне душу. Но чаще всего бывает так: паук превращается в какое-то страшное чудовище с пылающей пастью и яростно набрасывается на меня. Вот, г. доктор, в этом выражается месть паука.

Сказав это, сумасшедший умолк и снова быстро и нервно стал расхаживать по комнате.

— Болезнь его неизлечима,— сказал доктор после некоторого молчания и, поднявшись со скамьи, направился к двери.

Мы все, за исключением сумасшедшего, последовали за ним.

Дней через несколько после этого я проходил по главной улице города. Было тепло и солнечно. Под неугомонный шум трамваев, фэзтонов, автомобилей там и сям пестрели кучки парадно одетых людей. Одни гу-

ляли, другие, сидя или стоя, читали свежие телеграммы о военных действиях.

Вдруг мое внимание было привлечено человеком, без шапки и в одной рубашке, бежавшим по мостовой с диким, душу раздирающим криком: «Паук!», «Паук!».

Два городских, загородив ему дорогу, задержали его. Минута — и задержанный был уже окружен тесной и плотной толпой любопытных.

— Несчастный, несчастный! — раздавались голоса. — Надо отвезти его в больницу...

В несчастном я узнал сумасшедшего, рассказавшего нам в присутствии доктора Эльсена историю про паука.

Георгий Малиев — один из лучших осетинских лириков — принадлежит к старшему поколению советских писателей Осетии. Первое его стихотворение «Цæхъал» («Волна») напечатано в 1907 году¹.

Георгий Малиев писал на двух языках — на осетинском (дигорском диалекте) и русском. Г. Малиев, главным образом, лиро-эпический поэт, но он писал и новеллы, которые по своей художественной выразительности можно отнести к лучшим образцам осетинской прозы дооктябрьского периода.

1

Георгий Гадоевич Малиев родился в селении Христановском в семье безземельного крестьянина. Его родители были из «временнопроживающих». В поисках клочка земли им приходилось кочевать по селениям Осетии. Георгий Гадоевич окончил сельскую двухклассную школу. В 1904 году был принят в Ардонскую духовную семинарию, но окончить ее так и не дали ему, в 1907 году он был исключен.

В одном из своих стихотворений — «Между прочим» (1909 год), носящем автобиографический характер, поэт писал:

*В чудный храм науки славной
Бедный отрок поступал.
Вышел жрец походкой плавной*

---

¹ Геомал, «Цæхъал» (газ. «Ног цард», № 19, 1907).

*И торжественно сказал:
«Если деньги есть в кармане,
Если знатен и богат,
То зайди,— тебе в сем храме
Будет место, юный брат.
Если ж денег нет, мой милый,
Убирайся поскорей,
Голь для нас, что враг постылый,
Да и места нет, ей-ей!»¹*

Исключенный из семинарии, Г. Малнев пытался поступить в какое-нибудь другое учебное заведение. Он побывал в Баку, в Москве, но ни в одно учебное заведение царской России он не смог поступить.

Вернувшись в Осетию, Г. Малнев начал работать учителем начальных классов в горной Дигории и одновременно занимался литературной деятельностью: писал стихи, рассказы, корреспонденции разного рода. В 1917 году Георгий Малиев — в рядах революционно-демократической партии «Кермен». Он принимал активное участие в борьбе за упрочение Советской власти в Северной Осетии. Им была подписана приветственная телеграмма, направленная партией «Кермен» В. И. Ленину. В телеграмме, в частности, говорилось, что «сыны Осетии жаждут осуществления лозунгов третьей революции».²

С самого начала установления Советской власти в Северной Осетии он работал учителем в разных селениях.

Произведения Георгия Малиева печатались в периодической печати.

Первый сборник его стихотворений, написанных на русском языке, вышел в 1924 году под названием «Горские мо-

---

¹ Газета «Хабар», № 8, от 12 мая 1909 года.

² Газета «Правда», № 193, от 1 декабря 1917 года,

тивы». Сборник его осетинских произведений «Ираф» издан в 1935 году в г. Орджоникидзе.¹

2

Как говорилось выше, Г. Малиев свое первое стихотворение «Цæхъал» («Волна») опубликовал в 1907 году. Оно отличается глубоким лиризмом, четким рисунком родного осетинского пейзажа, яркими метафорами и эпитетами. Если луна, поэтически названная дочерью неба, несмотря на свою бледность, весело плывет в небесных просторах, сняя и улыбаясь горам, то на земле ночные волны Терека, теснимые гранитными скалами, воют и стонут. Их брызги поэт сравнивает с чистыми слезами, льющимися из скорбных глаз.

Образ горного потока, бьющегося о гранитные скалы в ночной мгле, это символический образ трудового горца, стремящегося к свободе, к новой жизни.

Любовь к простым людям, к обездоленным горцам — ведущий мотив дореволюционной лирики Г. Малиева. Глубокими симпатиями к бедному горцу пронизано стихотворение «Дзиддзл». Малолетний Дзиддзл просит сельское общество дать ему должность глашатая, которую занимал заболевший его отец. Ему отказывают в просьбе. Все готовятся к севу, но что делать бедняге, когда у него нет ни сохи, ни быков? Кто ему поможет? Г. Малиев с сердечным сочувствием к обездоленному заканчивает стихотворение:

*Ка ратдзæнæй æ галтæ,
Ка ратдзæнæй дзубур,
Ходунцæ йбæл и хъалтæ:
— Мæгур æма мæгур!*

---

¹ Второе издание сборника «Ираф» осуществлено Книжным издательством СО АССР в 1957 году.

*Кто уступит ему свои воды,
Кто отдаст ему соху.
Смеются над ним чванливые:
— Бедняк есть бедняк!*

(Подстрочный перевод.)

В этом и в некоторых других дореволюционных произведениях Г. Малиева мотивы социального неравноправия принимают конкретно-историческое содержание. С чувством искреннего сострадания поэт пишет о тяжелой жизни, о душевных переживаниях бедноты, о несчастной любви неимущих. Иногда черты лирического героя Малиева бывают слишком приземленными, их стремление к свободе не напоминает ни бурный горный поток, ни полет горного орла, что отмечалось нами в стихотворении «Волна».

Лирический герой небольшого стихотворения «Цыфæ рæстæг» («В пору ненастную») говорит, что он боится даже взглянуть наверх, обреченно жует свой черствый чурек, посыпанный солью. В ненастную погоду земля ему кажется ниже мышиной лапки. Другой лирический герой (стихотворение «Гурусхæ» — «Сомнение»), обманутый в своих надеждах, подвергает сомнению само чувство любви:

*Уалæ стæлутæ æггъунцæ,
Уарзт мед адæм мæнгæ ке 'й,—
Фудæнæнги ке гæлдзунцæ
Дууæ æрди кæрæдзей...*

*Вон и звезды говорят,
Что любовь меж людьми — обман,
Что нарочно покидают
Два сердца друг друга...*

(Подстрочный перевод.)

А герой стихотворения «Зар» («Песня», 1909) не может высказать свои чувства девушке, которую любит. Если бы знал, говорит он, сердце моей соседки, я бы послал к ней сватом свою киску... она принесла бы в мой дом медный котел с надочажной цепью..

Таковы, в основном, темы и мотивы дореволюционных осетинских стихов Г. Малиева. Но хочется сказать еще об одном стихотворении, датированном 1916 годом. Это «Гоби» («Немой»). Оно, являясь как бы исповедью поэта, может служить ключом для раскрытия некоторых особенностей творчества Г. Малиева. Вот подстрочный перевод стихотворения.

*Почему я немой,—
Плачь в своей могиле, моя мать!
Почему я в наше время
Среди товарищей бесславен?
Почему меня обходят,
Когда на танцах очередь доходит до меня?
Почему я смело не иду (не вступаю в бой)
Вместе с нашими знатными людьми?..
Почему вечно меня упрекает молодежь,
Что я немой?
Кто мне брат из окружающих,
Кому поведать свое горе?
Нет же у меня желанной свободы,
Работаю, как выучный;
О своих тяжелых мечтах и чаяниях
Я никогда не говорю в своих песнях.*

О чем говорят эти стихи? Нет ли здесь осознания поэтом (или даже в данном случае пусть лирическим героем) своего одиночества и бессилия? Безусловно, есть. Поэт горюет о том, что не стоит в одном ряду с лучшими людьми своей эпохи, что он остается немым и бесславным. Конечно, не во

всем можно согласиться с поэтом. Если он о горе и страданиях трудового народа, о его борьбе за свободу пишет не так проникновенно, как ему самому хотелось бы, все же он любит свой народ, страдает за него, показывает его чаяния.

Говоря о лирических стихах Малцева, написанных на русском языке, следует отметить, что русские стихотворения Г. Малцева в идейно-тематическом отношении мало чем отличаются от его стихотворений на осетинском языке. И здесь те же мрачные картины, те же гневные напевы волн, и скорбные переживания людей.

В песне Г. Малцева природа вся оживает, она полна живых образов. Волны Каспия поэту нашатали «сказки страдания, сказки печали» спели ему «песню борьбы и свободы»¹.

И гнев народа поэт передает в образах явленной природы. В стихотворении «Путевая песня» он пишет:

*Злой Урух во мгас теснины
Воег, плачет подо мной.
Не мелодья звуков нежных,
Не чарующий напев —
Слышны в плаче волн мятежных
Возмущение и гнев.*

Лирический герой этого стихотворения слышит протяжную песню дедов и отцов, которой вторит «эхо дальнее лесов». Тоска, выраженная в этой песне, сжимает грудь и сердце героя и самого поэта. Только не поймет:

*Ширь ли поля в ней рыдает,
Гор ли плачет теснота?*

Немалое место занимает в поэзии Г. Малцева мотив самолюбия, стремления к свободе. Это чувство поэт выражает

---

¹ Сборник «Горские мотивы».

при помощи разных художественных средств. У Г. Малнева и мертвец жалуется на то, что его зарыли в землю и лишили блеска солнечного дня:

*Положили б гроб мой черный
Там на сумрачной скале,
Чтобы солнце в час вечерний
Отражалось на челе;
Чтобы ветер бесприютный
В час полночный, при луне,
Точно голос девы чудной
Пел, играя, песни мне.*

(«Жалобы мертвеца»)

Стремление к свободе хорошо выражена и в стихотворении «Орел-пленник». В образе наступающей весны, предвестницами которой являются дождевые капли, стучащие в окно, Г. Малнев говорит о новой эре, к которой обращается с призывом рассеять мрак его души и «сердца злые сны» (стихотворение «Под первый дождь», стр. 28). Лирический герой Г. Малнева в минуты душевного подъема готов умчаться «в страну чудес и песнопенья» («Кину взгляд на юг родной и милый»).

Однако понятие свободы у Г. Малнева носит весьма абстрактный характер. В его ранней поэзии мы не находим конкретного воплощения идеи свободы. Если поэт и пишет о свободе как о чем-то желанном, то он не достигает социальной глубины. Поэт не может мириться с тогдашней действительностью, она безрадостна, полна скорби и печали. Лирический герой его стремится вырваться из ненавистного для него мира угнетения, уйти от него куда-нибудь, но не знает, куда именно. Его душу манит к себе в высь луна, плывущая «над титанами Кавказа». Но если в стихотворении «Волна»

луна показана сияющей и улыбающейся, то в рассматриваемом стихотворении звучит скорбь. Поэт пишет:

*Скорбь царит и там, я знаю,
Так же, как и здесь...*

Поэт не верит в преобразующую силу человека, его пугают громады гор («Горы»), он везде ощущает себя одиноким. В стихотворении «К месяцу» Г. Малнев сравнивает себя с месяцем, который бледным и одиноким «бродит странником безродным».

В поэзии Г. Малнева есть что-то от раннего Александра Блока, от его «Стихов о прекрасней Даме», от символической неопределенности его исканий в молодые годы. Он описывает, например, такую картину: за окном его темницы, точно призрак —

*Осторожно, осторожно
Ходит кто-то в час ночной.*

Поэт жаждет встречи с незнакомым гостем:

*Но лишь к двери направляюсь,
Чтоб впустить скитальца в дом,
Он уходит, расплываясь,
В тихом сумраке ночном.*

(«Неведомый»)

Влияние ранней поэзии А. Блока чувствуется не только в данном стихотворении Г. Малнева, но и в других¹.

Малиев — лирический поэт большой силы. Его стихи полны

---

¹ Сравним хотя бы приведенное стихотворение со стихотворением А. Блока «Ты отходишь в сумрак алый» и др.

эмоций, они хорошо передают настроение лирического героя. В небольших по размеру стихотворениях поэт создает яркие, зримые картины жизни и природы. Читатель видит, как бедная горянка, которой родная мать сказала, «что для каждого на небе богом создана звезда», устремила свой взор в небо. Ища свою звезду (стихотворение «Песня горянки»). Поэт красочно, правда, несколько сентиментально, описывает переживания влюбленной девушки Фатимы, с надеждой устремившей свой взор на месяц:

*Вдруг из месяца выходит
Чудо-витязь молодой
И приветствует Фатиму
Он, кивая головой.
Лик Фатимы черноокой
Стал бледнее полотна,
И в постель свою стыдливо
Прячет личико она.*

(«Ф а т и м а»)

И в осетинских и русских стихах Г. Маанева мы ощущаем страдание и горе народа, его возмущение и гнев, любовь к свободе, первые радости влюбленного сердца, его сомнения и переживания. И все это написано с подлинно лирической взволнованностью. Поэт широко пользуется народно-фольклорными художественно-образительными средствами. Его образы, его язык тесно связаны с поэтикой народных песен.

Поэт ненавидел социальное неравенство и глубоко чувствовал бедноту. Но по своим идейно-эстетическим воззрениям дальше сочувствия и желания свободы не шел. У поэта еще не было ясного понимания путей к свободе, в его лирике говорится только о предчувствии надвигающейся социальной бури.

Октябрьская революция вывела Г. Малиева, как и многих других поэтов, из того тупика, откуда он сам не мог вырваться. Если раньше в его поэтическом восприятии свобода была понятием абстрактным, без социальной окраски, то в 1919 году в стихотворении «Федог» («Глашатай») он призывает молодежь быть смелой и мужественной в борьбе. Стремление вперед, к свободе — таково художественное осмысление поэтом новой жизни. Обращаясь к молодежи в дни гражданской войны, он писал:

*Возведите башни до неба,
Постройте к солнцу дорогу.
Стремитесь вперед к огонькам,
В скачках не будьте последними!
Пусть свобода осветит темноту,
Пусть своими лучами разгонит тучи!*

(Подстрочный перевод)

Поэзия Г. Малиева в советский период приобрела новые черты, она стала в социальном отношении более острой, особенно в тридцатых годах. Однако, говоря об этом, надо отметить, что его поэзия всегда несколько отставала от жизни.

В самом начале двадцатых годов Г. Малиев выступил с несколькими лирическими стихотворениями. Главной его темой остается любовь. Раскрытию любовных переживаний молодой девушки посвящено стихотворение «Æлхуйнаэ» («Веретено»). Сидя на плоской крыше горской сакли, девушка пряла. Ее глаза встречаются с глазами всадника проскакивающего мимо нее. И сердце ее затрепетало, закружилась голова, оборвалась ниточка, которую она пряла. Девушка потеряла

покой и всегда ей мерещится всадник в черной бурке на черном коне.

Любовная лирика Г. Малиева отличается особенной теплотой, большой эмоциональной взволнованностью.

Замечательно его стихотворение «Книги зар» («Песня де-вушки»), героиня которого жаждет вернуть свои девичьи годы, увядшую юность. Она желает обрести крылья, чтобы полететь и где-то за морями найти свою молодость.

4

В 1922 году по мотивам осетинских мартских сказаний Г. Малиев написал поэму на русском языке «Симд нартов» («Пляска нартов»), где яркими красками нарисованы образы прославленных нартов — Урузмага, Сослана, Хамица и др. Главный герой поэмы, бесстрашный витязь Батрадз, вочию предстает перед читателями во всем величии своих подвигов.

Поэма «Симд нартов» проникнута светлыми идеями и хотя сюжет и события взяты из далекого прошлого, она по своему идейно-эстетическому содержанию близка нашей современности. Борьба против поработителей — основной ее мотив.

Однако в 1922—1924 гг. в поэзии Г. Малиева снова появились мотивы грусти и тоски, обусловленные непониманием изпа. Такими стихами являются «Адтæй рæсугъд догæ» («Была пора прекрасная»), «Дзуле» и др., вошедшие в сборник «Ираф».

Но при всем этом, рассматривая творчество Г. Малиева в его идейно-художественном единстве, надо отметить, что оно развивалось по восходящей линии. Подтверждением этого могут служить его поэмы «Сын пастуха бедный Махамат», «Темур-Алсак», «Гудзуна» и др.

В ранний период творчества попытки Г. Малиева создать образ положительного героя всегда кончались крахом потому, что идеал поэта не был связан с реальной действительностью,

его герой был каким-то символом, облаченным в мистическую оболочку («Сосед», «Неведомый» и др.). Только на последнем этапе творческого развития поэт по-новому решает проблему положительного героя, который теперь выступает в конкретных исторических условиях, храбро борется против угнетателей народа.

К таким положительным героям относятся Темур-Алсак и Гудзуна из одноименных поэм. Основное содержание поэмы «Темур-Алсак» — борьба народа за свою свободу против феодального гнета. Сюжет поэмы не сложен. Жители селения Кета собрались на пиршество. Но вдруг к ним является всадник, который сообщает, что феодал Дзасболат со своим войском идет на Кет взимать дань оседланными конями и девушками-красавицами.

Кетцы отказались платить дань. Но не успели еще завершить свое пиршество, как одна женщина криком возвестила о том, что алдар уже похитил девушку. Кетцы растерялись и Дзасболат направляется домой. Его догоняет только один Темур-Алсак. Между ним и Дзасболом произошел такой разговор:

*Алдар говорит: «Эй ты, мужчина,
Кто ты, из какого рода, не враг ли ты мне?»
— Я из кетцев, прибывший сюда по тревоге,—
Берегись же теперь князь!*

(По д с т р о ч н ы й п е р е в о д.)

Убив князя, Темур-Алсак отпустил девушку домой.

На следующий день кетцы собрались и решили выдать эту девушку замуж за Темур-Алсака. Темур-Алсак любил Дигизу (так звали девушку, которую он освободил), и год назад просил ее руки. Но теперь отказывается от нее.

— Пусть счастливо живет Дигиза,— говорит он,— но я не могу на ней жениться, потому что я отныне преследуем врагом, меня могут убить.

Темур-Алсак — романтический герой. Он беден, но наделен большой силой и отвагой, непреклонной гордостью, человечностью.

Дигиза в поэме не играет активной роли. Она безмолвна, хотя ее сердце полно любви к Темуру. Но и она горда и могла сдерживать свои чувства. Дигиза внимательно наблюдала за боем Темура и когда он пал смертью храбрых, тайком пришла к трупку любимого, молча, рыдая обняла голову Темура... А утром кетцы нашли возле трупа Темура и мертвую Дигизу.

Такою же глубокую любовь девушки и юноши мы видим в поэме «Сын пастуха бедный Махамат». И здесь главный герой бедняк, сын пастуха. Он батрачил у хана и своими песнями покорил сердце его дочери. Она признается отцу, а тот велит отрубить голову Махамата. Но любовь девушки была настолько сильна, что она кончает жизнь самоубийством.

И в первой и во второй поэме сильная и чистая любовь разбивается о гранитные скалы социального неравенства.

И еще один мотив сближает поэмы. В «Тимур-Алсаке» причиной гибели главного героя явилась его страстная ненависть к феодальным поработителям, его выступление против них в одиночку. В поэме же «Сын пастуха бедный Махамат» герой гибнет потому, что чудесно играл на фандыре. Но и в том и другом случае герои гибнут как жертвы социального неравенства.

В ином плане рисует поэт образ юноши Гудзуна, героя одноименной поэмы (1934 г.). Он на вид ничем не примечателен, только и знает, что пасет баранту на крутых высотах. Особых успехов не имеет и в танцах,— девушки смеются над ним. Даже старый козопас не захотел отдать за него свою

дочь. Никто не подозревал в нем той большой силы, которую он проявил позже. Когда над Дигорией нависла смертельная опасность, когда князь Мулдар намеревался поработить трудящихся и двинул свое войско в ущелье, Гудзуна оказался одним из храбрейших. Он загородил своим трупом путь врагу. Поэт в заключительных строфах пишет:

*Не пролет над твоей могилой
Чья-нибудь девушка слезинки,—
После твоей смерти в честь всего ущелья
Село не воздвигнет башню.
Но ты не бесславен,
О бедный пастух!*

*Около села, где журча
Бежит прохладный родник,
Уже не смеются над Гудзуна
Пришедшие утром за водой девушки.*

Большое место в поэзии Г. Малиева занимает тема борьбы добра против зла, правды против несправедливости. Поэт высоко ценит чувство дружбы и товарищества, верности данному слову: осуждает в человеке такие качества как вероломство, лживость и нечестность. В поэме «Сын Уахадага маленький Гуйман» (1923 год), сюжет которого взят из осетинского фольклора, храброго и славного охотника Гуймана из-за зависти убивает его названный брат Касбол. Но народ мудр и распознает поступок Касбола и он получает достойную кару. Эту тему поэт разработал еще в 1915 году в балладе «Месть», написанной на русском языке. Абрек Изманл, влюбившись в жену своего друга Гури, убивает его, чтобы потом жениться на его вдове Гиданне. Замысел удастся. Но когда Гиданна узнает убийцу мужа, вероломство Изманла, то без колебания вонзает в его грудь кинжал.

В замечательной поэме «Дзандзирак» (1927 год) Г. Малпеев создал образ клеветника. Тайно любя жену Камболата Дзандзирак, сын Кундзая клеветает на нее, говорит ее мужу, что она неверна ему. Сын Кундзая полагал, что Камболат выгонит свою жену и тогда он женится на ней. Но получилось не так. Ревнивый муж убивает свою любимую жену и сбрасывает ее труп в горный поток. Исчезновение ее взбудоражило всех сельчан Камата и вскоре тайна раскрывается. Автор осуждает и Кундзаева сына и Камболата.

Прошел год со дня похорон Дзандзирак. И вот:

*За селением, рано утром,
Удивляются каматцы:
Там нашли они два трупа,
Был один из них Кундзаев,
Камболат другого звали.
Вероятно по дороге,
К их несчастью повстречались¹.*

(Перевод А. Гулуева.)

Поэмы Г. Малпева имеют романтическую окраску. Храбрость и отвага, чувство неподкупной любви к Родине, родному краю, готовность к самопожертвованию ради свободы, чувство человеческого достоинства присущи его героям. Наиболее характерным в этом отношении является Темур-Алсак. Интересен также образ Гудзуна.

В поэмах Г. Малпева и лексика, и художественно-изобразительные средства имеют народно-фольклорную основу. Поэт часто отказывается от изображения бытовых деталей. Редко прибегает к показу внутренних психологических переживаний

---

¹ Альманах «Советская Осетия», № 12, стр. 142.

своих героев, их характер раскрывается в поступках, в боевых подвигах.

Поэт мастерски рисует портреты своих героев. Вот, например, портрет Махамата:

*Ку рацæйцудæй къолæ бæрзæйтæй,
Æ пихцил ходи бæгънæг арæстæй.
Æ рахез къохи æ фиййау-лæдзæг,
Æ галеу фарсæй æ сау кæрдбидзæ,
Æ йеу суйнæбæл æ медгæрз-ронæ,
Æ дуккаг зæрдæ — æ зарæн хæтæл.*

*Идет он с опущенной головой,
В лохматой шапке, убого одетый.
В правой его руке пастуший посох,
На левом боку черные ножны,
На поясице пояс из простого ремня,
Его второе сердце — его свирель.*

(Подстрочный перевод.)

И дальше поэт еще больше уточняет портрет своего героя, переходит от описания его наряда к описанию внешности.

*Мæхæмæт адтæй цуонггин лæхъуæн,
Урух цæститæ, бæзæрхугаразт.*

*Махамат был коренастый юноша.
Большие глаза, широкоплечий.*

(Подстрочный перевод.)

А вот портрет Гудзуна:

*Лæузæнгойнæ, сæппæркъегин,
Дивилдунтæ, лацамарз,—
Фæццæйгъузуу, цæветтонгæ,
Дзæбæлгæнгæ гъунтъуз арс.*

*В оборванных ноговицах, в рваных чувяках,
Оборванец, неряшливый,
Прокрадывается нехотя (лениво),
Как взъерошенный медведь.*

(Подстрочный перевод.)

Это портрет Гудзуна-пастуха, а ниже дан портрет Гудзуна-вонна:

*Æ уæл суйнæ æ кæрдбадзæ,
Лæузæнгойнæ, сæппæркъе,—
Топп йе 'рагъи...*

*На поясе его ножны,
В оборванных ноговицах, в дырявых чувяках,
Ружье — за спиной.*

(Подстрочный перевод.)

Повторяя отдельные эпитеты, сравнения, и даже целые строфы, поэт создает определенное настроение, воздействует на чувства читателя. Так, в начале поэмы Г. Малцев пишет:

*Фæццæй æскъæруй æ дзогæ
Фæлвæрай фурт Гудзуна.*

*Пасет свою баранту
Сын Фалвара Гудзуна.*

(Подстрочный перевод.)

В конце поэмы повторяются эти строки и только заменяется первая строка «Пæбал æскъæруй æ дзогæ» («Больше не пасет баранту»).

То же самое мы видим и в заключительной строфе, в ней вначале описывалась картина: у родника девушки смеялись над Гудзуна, теперь же третья строка строфы заменена словами: «Не смеются над Гудзуна девушки у родника».

5

Георгий Малиев известен не только как поэт, но и как прозаик. Им написано несколько новелл, которые дают право сказать, что он вполне владел мастерством рассказчика. В коротких новеллах Г. Малиев по-чеховски ярко раскрывает характеры своих героев, живо рисует их портреты, создает определенное настроение.

В повелле «Федоги мæлæт» («Смерть глашатая», 1915 год), объемом всего в полторы страницы, писатель дает полную характеристику своему герою, дает его портрет: «В сельскую канцелярию вошел высокий, широкоплечий старик. Старая лохматая папаха из неотделанной бараньей шкурки, старая, многократно латанная и перелатанная черкеска, опоясанная ремнем из простой кожи, чувяки из домотканого стеганного сукна — были его одеянием. Это был сельский глашатай Дадо».

Читатель видит морщинистое лицо Дадо, заросшее седой бородой, слышит его дрожащий голос. Около 30 лет он работал сельским глашатаем и этим кормил себя и свою старую больную жену. Детей у них не было. Сельский старшина вы-

звал его, чтобы сообщить ему о том, что он увольняется, потому что уже состарился и лишился голоса. «Старик как будто онемел, долго не мог выговорить ни одного слова, тело его дрожало; страшно побледнел, на его морщинистом лбу выступила капля пота», — так описывает автор состояние бедного старика. Он смог сказать старшине только одну фразу: «Что я тебе сделал такого, почему ты меня губишь?». Бессердечный старшина не нашел ничего другого сказать, как: «Вон отсюда, не мешай нам!». Но Дадо уже не был в состоянии выйти, он упал тут же и умер¹.

В этой небольшой новелле Г. Малнев смог показать и долгую тяжелую жизнь Дадо, и бюрократизм, бездушье царских чиновников.

В новелле «Æхгæд зæрдæ» («Скрытный») Г. Малнев нарисовал образ другого горца-бедняка, всю жизнь проведшего в пастухах у богатей. И здесь автор меткими штрихами рисует портрет своего героя: в коротких диалогах и небольших картинах воспроизведена вся жизнь бедного Бидзиха. Молчаливый Бидзих на вопрос, почему он не женился, отвечает: «Что же мне делать, мое солнце, когда счастье не придет к тебе, сго не обретешь». И неразговорчивый, скрытный Бидзих рассказал о том, как он навеки потерял свое счастье.

Еще молодым он поступил к богатому Иналдо в батраки. У Иналдо была дочь Зулемат. Она хорошо относилась к Бидзиху: стирала и латала его одежду, чинила его чуйаки, всегда говорила с ним ласково. Влюбился Бидзих в девушку, взгляд которой был «чище небесной лазури», но не смел ей открыть свое сердце. Наконец настал срок, когда Бидзих должен был получить заработанное и уйти домой. Опять ласковый взгляд Зулемат, ее сердечная забота о пастухе. Тут сердце пастуха не выдержало и он сказал девушке: «Люблю тебя, очень люблю».

---

¹ Цитаты из новеллы даются в подстрочном переводе.

Девушка сразу преобразилась от злости: она закричала: «Ох ты, ничтожество, я жалела тебя и потому ухаживала за тобой, а ты... а у тебя другие мысли». Сказав это, Зулемат исчезла. «Я не ожидал от нее этого,— заканчивает свой горестный рассказ Бидзих,— и вот тогда мое сердце замкнулось на всю жизнь».

Так различно складывались личные судьбы одинаково бедных людей. Писатель сочувствует им, любит их. Описывает их тяжелую жизнь с болью в сердце.

Другой теме посвящена новелла «Хæрæ» («Земляная лавина»). В ней Г. Малиев вывел тип скопидома Мисирби. С виду он такой же бедняк как и другие горцы. Однако люди знали, что от отца в наследство ему досталось большое имущество. Но теперь у него ничего нет кроме кошки, ишака, небольшого клочка пахотной земли и такого же клочка луга. И семьн у него не было, единственный сын и тот оказался полумным. Мисирби никого не любил,— пишет автор о своем герое,— и он сам был нелюбим...

Но вот случилась в горах беда. После сильного дождя горная речушка разлилась; камни и щебень лавиной двинулись на аул. Русло реки проходило по маленькой улице и ей угрожала серьезная опасность. Люди второпях выносили свои вещи, выгоняли скот. Кто-то заметил, что Мисирби, держа в руках деревянный сундучок, как ребенка, мечется во дворе. Страшная лавина преградила ему путь на улицу. Бросив свой сундук, он мог бы перелезть через плетень в соседний двор и спастись. Но он этого не сделал. Так и погиб со своим сундуком под лавиной. Жители аула раскопали его после лавины, и в его сундуке обнаружили много денег. Позвали полумного сына Мисирби и сказали ему:

— Смотри, сколько денег оставил тебе отец.

Баззе глупо засмеялся: «Хе-хе-хе! Сколько денег! Хе-хе-хе!».

Интересны и другие новеллы Г. Малиева, они также говорят об умении писателя воспроизводить правду жизни в ярких образах.

У Г. Малиева есть и водевиль «Цуанонтæ» («Охотники», 1921), написанный в стихах. Метким языком поэт в небольшой картине показывает, как семидесятилетний охотник Поцо послал сватов к красавице Дзанахан, дочери своего друга Дудара. Сваты пошутили над стариком.

Таковы смысл и содержание этого водевиля.

Георгий Малиев выступал и как переводчик прозы и поэзии.

Творчество Георгия Малиева невелико по своему объему, но оно весьма своеобразно. По силе лирики, по яркости ритмического рисунка, по эмоциональности стихи Г. Малиева относятся к лучшим образцам осетинской поэзии.

Для определения идейно-эстетических взглядов Г. Малиева особенно характерны два стихотворения («Памяти Коста», написанное на русском языке в 1916 году и «Тæходуй, æна» («О если бы, нана»), написанное по-осетински в 1934 году («Ирæф»).

В первом поэт хочет осмыслить, оценить поэзию Коста Хетагурова:

*Тая в душе свои страданья
О брате меньшем он скорбил,
И стих его — души сверканье —
Металлом плачущим звенел.*

Последние две строки — довольно меткая характеристика поэзии Коста Хетагурова. В последней строфе тоже правильно оценивается значение поэзии Коста:

*Умолк,— но стих его певучий
В сердцах людей еще звенит,*

*И лиру темному сквозь тучи
О солнце вечном говорит.*

Но когда Г. Малиев в том же стихотворении пишет, будто бы Коста писал, что правда, любовь и свобода живут не там, где льется кровь, что в царство высшего сознания нас может ввести не грубый меч!¹, то он неправ. Г. Малиев здесь приписывает К. Хетагурову свои идейно-эстетические взгляды.

Известно, что в стихотворении «Не упрекай меня, что я забросил лиру» Коста с восторгом возвещал, что «ночь близнится к концу», что

*Минуты сочтены... Повсюду быют тревогу,
Уж брезжит луч зари, играя на штыках...*

Но дело не в том, насколько правильно понял Г. Малиев К. Хетагурова. Дело в том, что Г. Малиев на преобразование мира смотрел с точки зрения своих незрелых идейных и эстетических воззрений. Борьба не всегда imponирует ему. В этом отношении характерно стихотворение «Тæходуй, æна». Оно, на наш взгляд, написано не без влияния стихотворения Коста Хетагурова «Если бы пел я, как древний нарт», хотя оно имеет и другой композиционный строй, и другой идейно-эстетический смысл.

Герония стихотворения мечтает стать таким же певцом, как Ацамаз,—тогда бы она забралась на вершину Казбека, и весь мир бы прислушался к ее пению, к ее игре на свирели. Все слроты и бедняки полюбили бы ее свирель.

*И фарни тунтæ
Æрфелауидæ,—
Уарзондзинадæ*

---

¹ «Горские мотивы».

*Æрфедар уидæ.
Уæд али адæм,
Уæд али бæстæ
Æркалионцæ
Сæ тохæн гæрстæ.*

*Спустились бы
Лучи счастья,
Укрепились бы
Любовь везде.
Тогда бы все народы,
Тогда бы все страны
Бросили
Свои боевые доспехи.*

(Подстрочный перевод.)

Но она не верит в это, ее девичье сердце не радуется, потому что над миром нависают черные тучи войны.

Это одно из лучших лирических стихотворений Г. Малиева, написанное в тридцатых годах, и оно показывает противоречия его мировоззрения.

Г. Малиев как самобытный лирик, создавший замечательные образы из прошлой жизни, занял в осетинской поэзии видное место. Его красочные поэтические образы всегда будут украшать нашу поэзию.

О Георгии Малиеве	5
Зар	16
Песня	17
Гурусхæ	18
Сомнение	19
Цъифæ рæстæги	20
В ненастье	21
Гоби	22
Немой	23
Федог	24
Глашатай	25
Æлхуйнæ	26
Веретено	27
Кизги зар	30
Песня девушки	31
Касалгдзау кизгæ	32
Девушка-рыбачка	33
Мæ тикис	34
Мой кот	35
«Адтæй рæсугъд догæ»	35

«Струилась прохлада»	37
Дзиддзил	38
Дзиддзил	39
Дзуле	42
Дзуле	43
Скъавди гъарæнгæ	44
Плач похищенной	45
Бундори катый	48
Печаль домового	49
Дзирасгæ	52
Дзирасга	53
«Тæходуй, æна»	54
«Если бы стала я»	55
Гъонгæси фурт мæгур Мæхæмæт	60
Сын пастуха бедный Махамат	61
Дзандзирахъ	72
Дзандзирак	73
Гудзуна	82
Гудзуна	83
Темур-Алсахъ	106
Темур-Алсак	107
Дууæ фиййаун	134
Два пастуха	135
Уæхадæгн фурт мингий Гуйман	141
Сын Уахадага, маленький Гуймац	142
Цауæйонтæ	152
Охотники	153
Федоги мæлæт	178
Смерть глашатая	179
Æхгæд зæрдæ	184
Скрытное сердце	185
Хæрæ	194
Обвал	195

Горские мотивы

Песня горянки	206
«Над титанами Кавказа»	207
«Волны Каспийские мне нашептали»	208
Сфинкс	209
Горы	210
Неведомый	211
Путевая песня	212
«Мне вспомнилась песня родная»	214
Мечь	215
«Дождь и ветер. В сакле тесной»	217
К месяцу	218
Сосед	219
Дождь	220
Песня	221
Фатима	222
Цветы высот	223
Жалоба мертвеца	224
Измена	225
Песня абрека	228
«Кину взгляд на юг родной и милый»	229
Под первый дождь	230
Стансы	231
Памяти Коста	233
Узник	234
Орел-пленник	235
Симд нартов	236

Малоизвестные публикации

Цахьал	254
Между прочим	256
Возвращение	257

«Ты с тоскою сердечной вопрошаешь»	. . .	. 258
Маленький фельетон	. . . . .	. 259
Цветы и льдинки	. . . . .	. 260
Хасхон зареет	. . . . .	. 262
Фиццар иелгъе	. . . . .	. 263
Паук	. . . . .	. 265
 Георгий Маянев	. . . . .	. 269

ГЕОРГИЙ ГАДОЕВИЧ МАЛИЕВ

И Р А Ф

Редактор

А. И. ЦАРУКАЕВ

Художественный редактор

У. К. КАНУКОВ

Технический редактор

С. Х. ГУТИЕВА

Корректор

Т. А. КАЙТУКОВА

Сдано в набор 7-V-73 г. Подписано к печати 14-XII-73 г.
Формат бумаги 70×103¹/₃₂. Печ. л. 9,25. Усл.-п. л.
12,95. Учетно-изд. листов 9,6. Тираж 5000 экз.
Заказ № 1108. Изд. № 36. Цена 1 р. 20 коп.
На бумаге тип. № 1. ЕИ 00372. Книжное изда-
тельство Управления по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли Совета министров СО АССР,
г. Орджоникидзе, ул. Димитрова, 2. Книжная типо-
графия Управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Совета Министров СО АССР,
г. Орджоникидзе, ул. Тельмана, 16.

